

**Александр
Прилепский**

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО «ВАЛЕТОВ»

исторический детектив

УДК

ББК

Прилепский А.Ф., ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО «ВАЛЕТОВ».

Исторический детектив – М.: ООО «Аналитик», 2015. – 247 с.

Июнь 1882 года. На московских бегах очередной скандал. Убит букмекер, а двое его коллег скрылись с деньгами обманутых игроков. Коннозаводчики встревожены - какие-то мошенники под видом детей выдающегося рысака продают старых беспородных лошадей. Среди «облапошенных» ими немало высокопоставленных особ. Один из великих князей обвиняет московского генерал-губернатора в том, что он не может навести порядок в Первопрестольной. А тут ещё дерзкая кража на Всероссийской художественно-промышленной выставке. Запутанное дело ведут частные сыщики - репортёр газеты «Московский листок» Алексей Лавровский и помощник присяжного поверенного Сергей Малинин.

Продолжение исторического детектива «Бега».

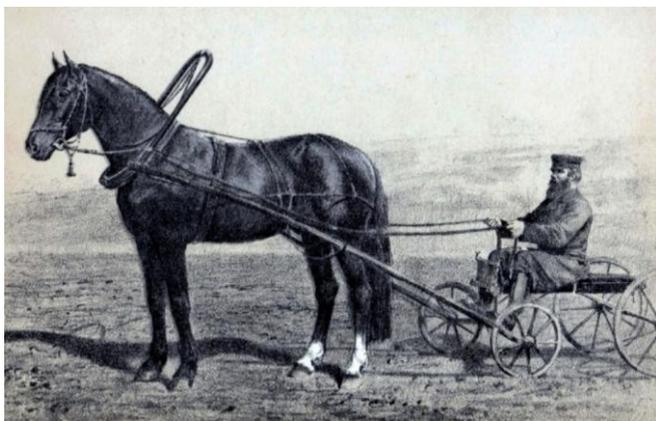
ISBN

© Прилепский А.Ф., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	Большой приз.....	5
Глава 2	Смерть букмекера.....	13
Глава 3	Красивый-Молодец и его «братья».....	20
Глава 4	Неожиданный вызов.....	28
Глава 5	Открытый лист.....	34
Глава 6	«Карман» по имени Поль.....	41
Глава 7	Не убивал я!.....	47
Глава 8	Мнимый сыщик.....	53
Глава 9	Скандал в «Саложке».....	59
Глава 10	На призовой конюшне.....	65
Глава 11	Странная сделка.....	73
Глава 12	«Клуб червонных валетов».....	79
Глава 13	Вечер в сыскном.....	91
Глава 14	Мы, орловские, такие.....	101
Глава 15	Новый след.....	108
Глава 16	Салат Оливье.....	116
Глава 17	Некоронованный король.....	126
Глава 18	Кража на выставке.....	133
Глава 19	О вреде неспелой «клубнички».....	140
Глава 20	Неожиданный помощник.....	152
Глава 21	Предложение от «Пти журнал».....	156
Глава 22	Хлопот полон рот.....	164
Глава 23	Гехт, Шалунок и другие.....	173
Глава 24	Тихое помешательство.....	187

Глава 25	Следы ведут на Грачёвку.....	193
Глава 26	В квартале «красных фонарей».....	201
Глава 27	Притон.....	207
Глава 28	По «горячим следам».....	214
Глава 29	«Шерочка с машерочкой».....	219
Глава 30	Шпейер.....	229
Глава 31	Новый рекорд.....	233
От автора	(вместо эпилога).....	243

Глава 1 БОЛЬШОЙ ПРИЗ

Стремительно промчавшись мимо призового столба, вороной Полкан уверенно выиграл Большой Императорский приз. Репортёр газеты «Московский листок» Алексей Лавровский щёлкнул секундомером и взглянул на замершую стрелку. Да, подумал он, впечатляет. Три круга, четыре с половиной версты, пройдены за семь минут тридцать шесть с половиной секунд. Отличная резвость! А жеребец совсем свежий, словно его только на старт подали. Между прочим, серая Зима, считавшаяся вторым фаворитом, отстала от него секунд на семь - восемь не меньше. Жаль, Сергей не видел! Убедился бы, наконец, что лучше Полкана, сегодня, на московский бегах лошади нет. Но его давний друг и постоянный соратник по частным расследованиям, помощник присяжного поверенного Сергей Малинин, вместе со своим «патроном» Федором Никифоровичем Плевако, находился сейчас в Харькове. Там, в судебной палате, слушалось громкое дело о злоупотреблениях в Таганрогской таможне.

Алексей неторопливо прошёлся вдоль фигурной решётки, отделявшей партер от бегового круга, заглянул в буфет, поднялся на трибуны. Раскланиваясь с многочисленными знакомыми, в пол-уха прислушивался к разговорам публики.

Настоящие любители лошадей восторгались красотой бега Полкана и мастерством его наездника Егора Московкина.

- Не сомневаюсь, господа, что в следующее воскресенье Полкан побьёт рекорд Размаха на три версты, - сказал русоволосый, с густой окладистой бородой богатырского телосложения мужчина лет пятидесяти, одетый в поддевку и шелковую косоворотку. - Я по секундомеру засек - первые два круга он пробежал резвее пяти минут.

Это был Сергей Алексеевич Сахновский, которого за добрый и отзывчивый нрав, изумительное знание лошадей, огромную силу любило и уважало всё Московское беговое общество.

Вокруг него, как всегда, собралась большая компания молодых коннозаводчиков и спортсменов: владелец магазина на Тверской, торгующего офицерскими принадлежностями, Сергей Живаго; присяжный поверенный из Рязани Николай Родзевич; помощник управляющего государственного Хреновского конного завода, штабс-ротмистр Василий Костенский, ветеринарный врач Владимир Оболенский.

- Полкан, действительно хорош, - вступил в разговор Живаго. - Но до вашего Кряжа ему далеко.

- Эх, Серёжа, не трави душу, - вздохнул Сахновский.

... Принадлежавший Сахновскому, гнедой жеребец Кряж, от Красивого-Молодца и Славной, отличался удивительными способностями. Поэтому Сергей Алексеевич тренировал его сам. В четырехлетнем возрасте Кряж выиграл два престижных приза. Притом оставил всех соперников «за флагом». Во время розыгрыша Ходынского приза, одного из крупнейших в сезоне, езда сложилась для Кряжа неудачно - из-за поломки «американки» пришлось съехать с круга на первой версте. Не сомневаясь, что если бы ни эта досадная случайность, жеребец не мог проиграть, Сахновский тут же записал его на «бег отдельно на время».

Всего час назад Ходынский приз был разыгран в борьбе за 5 минут 18 секунд. А Кряж один прошёл ту же дистанцию почти на 8 секунд резвее. Публика устроила ему овацию, а Иосиф Иосифович Дациаро, жеребец которого Дивный, благодаря злосчастной поломке, выиграл приз, чествовал Сахновского обедом в «Эрмитаже».

Все были уверены, что в пятилетнем возрасте Кряж возьмёт все призы, называли его лучшим рысаком десятилетия. И вот начался летний сезон 1881 года.

Разыгрывалась, так называемая, «Московская премия». Кряж летит, как выпущенная из лука стрела. Секундомер показывает невиданную до тех пор резвость. Похоже, будет установлен новый всероссийский рекорд. И вдруг в конце первого круга он сначала вздёрнулся, потом мотнул головой и повалился на землю. Оказалось, жеребец сломал ногу...

Вся эта грустная история в мельчайших подробностях вспомнилась сейчас Сахновскому. Но он умел держать себя в руках. Широко улыбнулся подошедшему Лавровскому:

- Совсем забыли вы меня, Алексей Васильевич - давненько в гости не заглядывали. Настоятельно прошу сегодня вечером на ужин. Мне такую наливочку привезли! Да и дело у меня до вас имеется.

Среди игроков разговоры шли тоже о Полкане. Точнее о выдаче за него в тотализаторе.

- Дадут рубля полтора, не больше, - брезгливо морщился модно одетый, сравнительно молодой, но уже изрядно потасканный, господин. - Вот если бы пришёл Налим...

- Налим! - хохотнул мордастый толстяк, судя по наружности и одежде из охотнорядских торговцев. - Вы, сударь мой, видать в лошадях как свинья в апельсинах разбираетесь. Налиму здесь и делать нечего, так для компании, на приз записали. А играть надо с умом! На кой ляд мне ихний тотализатор, когда у Карлушки Гехта можно было рубль к пяти поставить!

Лавровский понял, что речь идет об одном из букмекеров, которые появились в последнее время возле бегов. Возле, потому, что на самом ипподроме незаконная игра решительно пресекалась служащими Московского Императорского общества любителей конского бега - тут же вызывалась полиция, составлялся протокол. Отвечающий за порядок старший член общества Николай Сергеевич Пейч зорко следил за тем, чтобы билетёры не пропускали лиц, уличенных в букмекерстве. Но им и за пределами ипподрома клиентов хватало. Одни хотели сэкономить на входной плате, другие не желали, чтобы знакомые видели их у касс тотализатора. Некоторых привлекало, что заранее известно, сколько получишь, в случае если «твоя» лошадь придёт первой. Кое-кто наивно полагал, что играть у букмекеров выгоднее, чем в тотализаторе.

Карла Карловича Гехта Лавровский знал. Этот хитрый, пронырливый немец числился представителем торговой рижской фирмы, поставляющей в Москву ревельскую кильку, балтийскую сельдь, лососину. Но с жадностью хватался за всё, что приносило хоть какую-нибудь прибыль. Сообразив, что на бегах можно недурно заработать, он быстро познакомился с нужными людьми на конюшнях и теперь, накануне и в дни бегов, безвылазно сидел в тракторе «Перепутье» - принимал ставки, расплачивался с выигравшими.

Нужно отдать Гехту должное - считать и рассчитывать он умел. От своего давнего «агента» полового Кузьмы Лавровский слышал, что по ставкам, принимаемым Карлом Карловичем, почти безошибочно, можно угадать какая будет выдача в тотализаторе. Так, в прошлое воскресенье, когда бежала прошлогодняя победительница долгоруковского приза Зима, Гехт принимал на неё ставки из расчета один к двум. Зима пришла первой. Поставившие на неё в тотализаторе, получили, как и игравшие у букмекера, по два рубля за рубль.

Вспомнив всё это, Алексей сильно усомнился в словах охотнорядца о невысказанно выгодной ставке на Полкана. Ясное дело - врёт, желая покрасоваться перед другими игроками своей удачливостью.

Но через несколько минут Алексей встретился с хозяином ресторана «Эльдорадо» Скалкиным, известным любителем крупной игры. Довольно потирая руки, тот похвастался:

- А я двести рубликов на Полкана поставил. Один к пяти.

- У Гехта? - поинтересовался Лавровский.

- Ну, вот ещё! Буду я с этим немчурой связываться. У Михая - цыгана. Он у меня в ресторане каждый вечер бывает.

Выходец из Трансильвании Михай Фэгэраш ещё несколько лет назад считался одним из самых модных исполнителей цыганских песен и «жестоких» романсов. Потом потерял голос и стал зарабатывать на жизнь как барышник и букмекер.

Вскоре выяснилось, что Скалкин далеко не единственный из крупных игроков, поставивших на Полкана один к пяти у букмекеров Карлушки Гехта, Михая - цыгана, Митьки - наездника... Получая в кассе на свои двадцать рублёвых билетов 23 рубля, Алексей мысленно обматерил себя за то, что не последовал их примеру.

Два последних, довольно неинтересных заезда Лавровский смотреть не стал. Надо было срочно сдавать в номер отчёт о розыгрыше Большого Императорского приза. Но на всякий случай, решил оставить вместо себя надёжного человека.

- В редакцию поедем, Алексей Васильевич? - спросил извозчик Семён Гири́н, ожидавший его у главного подъезда беговой беседки.

С Семёном они познакомились в прошлом году, когда искали хипесниц. Точнее познакомился с ним Малинин. Он и порекомендовал его Алексею - тому для выполнения одного важного задания, полученного от редактора «Московского листка» Пастухова, на несколько дней потребовался извозчик с резвой лошадей и хорошей пролёткой. С тех пор Семён и стал постоянным, можно сказать личным извозчиком Лавровского. Готов был день и ночь носиться с ним по Москве. Ему было это и

интересно и выгодно: то за собранные для газеты сведения гонорар перепадёт, то Алексей поможет выпутаться из неприятностей с полицией, то достанет контрамарку на бега и лошадку подскажет.

- Нет, Семён, - ответил Лавровский. - В редакцию меня пусть кто-нибудь другой подбросит. А ты потом подъедешь. Пока побудь здесь, запиши, кто выиграет последние заезды. Записная книжка-то с собой?

- А то! - Гирин хлопнул себя по карману синего халата, где теперь всегда лежала записная книжка, подаренная Алексеем.

Ожидая пока Семён найдёт свободного извозчика, Лавровский подошёл к богато и со вкусом одетому мужчине лет тридцати пяти, задумчиво стоящему возле большого чёрного ящика на треноге. Это был действительный член бегового общества Алексей Сергеевич Мазурин. Лошадник, в отличие от своего недавно умершего старшего брата Митрофана, посредственный. Зато, как с фотографом с ним в Москве никто сравниться не мог.

- О чем задумались, Алексей Сергеевич? - поздоровавшись, спросил репортёр.

- Да вот прикидываю, как в следующее воскресенье получше увековечить нашу Арфу после победы. Боюсь, что не смогу уговорить чинуш из Петербурга попозировать при вручении кубка.

- Вы настолько уверены, что Арфа возьмёт приз Главного управления государственного коннозаводства?

- Даже не сомневаюсь. Покойный брат, царство ему небесное, блестяще знал генеалогию русского рысака. Он сумел подобрать Закрасу самых подходящих кобыл. Я, скрывать не стану, в этом разбираюсь мало. Но по мнению

знатоков, кобыле равных нет. Со временем Арфа затмит успехи нашей Красы. А её сёстры Удачная и Шипка будут ещё резвее и выносливее.

Сколько людей, столько и мнений. Лавровскому, по правде говоря, мазуринские кобылы не очень нравились. Мелковаты. Да и порадовать особой резвостью бега, что-то пока не спешили. Но спорить не стал.

- Добрый день, господа. Очень гад вас видеть, - приподняв цилиндр, приветствовал их среднего роста, плотный брюнет с небольшими, лихо закрученными усами и эспаньолкой, одетый по последней парижской моде.

Это был корреспондент нескольких французских газет и журналов, Анри Лансиньяк, приехавший на Всероссийскую художественно-промышленную выставку, открывшуюся в конце мая на Ходынском поле. Там Лавровский с ним и познакомился. Россию француз, по его собственным словам, посещал уже не в первый раз, поэтому русский язык знал в совершенстве. Правда, грассировал жутко.

- Какая стгашная жага, - вытирая лицо платком, сказал француз. - И комагы. Один, загаза, меня пгямо в нос укусил. Стгашно чешется.

Он несколько раз коснулся переносицы, кончиком указательного пальца.

Внезапно Мазурин побледнел, как мел.

- Что с вами, Алексей Сергеевич? - Лавровский кинулся к нему, чтобы поддержать.

- В груди вдруг кольнуло... Наверное, вчера выпил лишний бокал шампанского... Вы не беспокойтесь, уже прошло.

- Алексей Васильевич, извозчика я нашёл, - сказал, подошедший Семён Гириин...

Глава 2

СМЕРТЬ БУКМЕКЕРА

Отчет уже давно был написан, а Гирин всё не появлялся. Не похоже на него, подумал Лавровский, наверное, что-то случилось. Но вот и, слава богу, Семён.

- Всё как надо сделал, Алексей Васильевич, - сказал он - Здесь и победители записаны и порядок прихода и резвость.

- Молодец. А что припозднился?

- Скандал на бегах.

- Какой?

- Пошли игроки к букмекерам выигрыш за Полкана получать, а тех уже и след простыл. Нигде не нашли. Карлушку Гехта и Михая - цыгана.

- А Митьку - наездника?

- Этого нашли. Только убитого.

- Рассказывай...

Сведений, собранных Семёном и имевшихся в собственной памяти, вполне хватило Алексею, чтобы быстро написать небольшую заметку для раздела «Происшествия».

Убийство букмекера

На задворках гостиницы «Мир», что возле Брестского вокзала, обнаружен труп саратовского мещанина Дмитрия Кумакина. Он был убит ударом «Каролины Ивановны» - так на «картавом» языке (жаргоне, принятом в уголовной среде) называют гирьку на ремешке. Можно предположить, что убийство совершено с целью ограбления.

Ранее Кумакин служил беговым наездником, но его прогнали с ипподрома за пьянство и нечестную езду. В последнее время он занимался букмекерством. В этот вечер ему предстояло выплатить по ставкам принятым на победителя Большого Императорского приза Полкана более трех тысяч рублей. Однако деньги при убитом не обнаружены. Подробности в следующем номере.

Последнюю фразу Алексей приписал, репортерским нутром чувствуя, что всё связанное с букмекерами в ближайшее время станет самой злободневной темой московских газет.

- А теперь поехали, - сказал он, сдав заметку в набор.

- В участок?

- Нет, в участок потом, сначала в «Мир».

- Да я там, кажись, всё, что можно разведать, - обиделся Гирич.

- Экий ты, мой друг, самонадеянный. Во-первых, за два часа могли открыться новые обстоятельства. А, во-вторых, в «Мире» ты, наверное, тезку своего, буфетчика Семёна Зарубина расспрашивал?

- Его. Заруба мужик надёжный.

- Надёжней некуда, - усмехнулся Алексей. - Только в молодости он три года провёл в арестантских ротах. А там, будет тебе известно, хорошо учат держать язык за зубами. У меня в «Мире» свой «агент» имеется.

Подъехали к трехэтажному зданию гостиницы «Мир».

- Потолкуй с извозчиками, - сказал Алексей Семёну. - А я в бильярдную загляну.

Бильярдная находилась в подвале гостиницы - духота, чад из кухни. И, тем не менее, публики здесь было всегда много - конюхи, наездники, служащие Московско-Брестской железной дороги.

Здесьним «агентом» Лавровского был постоянно проживающий в «Мире» человек без определённых занятий по кличке Ломоносов. Но когда его так называли, он жутко обижался и лез в драку, мог и взаправду нос сломать. Он иногда снабжал Алексея интересными сведениями. Притом не за деньги. А из уважения (ведь познакомил их когда-то сам Кречинский - знаменитый московский шулер Николай Васильевич Попов) и ... из тщеславия. Больно уж лестно ему было читать в газете про себя: «Как сообщил нам один достойный доверия человек...»

Каждый день, словно на службу, Ломоносов ходил в бильярдную. Оказался он там и сейчас. Поздоровались. Лавровский предложил пойти в буфет, попить пива.

- За Митьку - наездника спросить пришёл? - предположил Ломоносов.

- Ох, и догадлив ты, Василий Тимофеевич!

- С опасными людьми Митька связался. Вот и пропал.

- Это с кем же? С Гехтом и Михаем?

- Не, эти не в счёт - так себе, шпанка мелкая. А вот он меня как-то по пьяному делу в свой хоровод приглашал. Хвастался, что у них там и жоржи, и сцепщики, и бирочники. Дескать, даже карман имеется - он у них за главного.

«Хороводом» на «картавом» языке называли блатную компанию, «жоржами» - мошенников, «сцепщиками» - конокрадов, «бирочниками» -

изготовителей поддельных паспортов и других документов. А «карманом» или «выручкой» именовали квартального надзирателя. После недавней реформы полиции упразднившей кварталы, эти весьма красноречивые имена достались участковым приставам.

- Пристав, говоришь? А какого участка? - живо поинтересовался Алексей, подумав, что Аристарха Матвеевича Карасёва эти сведения могут очень заинтересовать.

- Митька не сказал, а я и не спрашивал. Как когда-то меня в духовной семинарии учили: «В великом знании великия печаль, а умножающий знание умножает скорбь.»

- А делать-то, что предлагал?

- Народ дурить. Подсказывать на какую из лошадей ставить надо, какую купить...

- Согласился?

- Я, Алексей Васильевич, можно сказать, человек пропащий, опустившийся... Но не настолько же, чтобы с такими поганцами как Митька и дружок его Евсеев дела иметь.

Покойный Митька Кумакин действительно пользовался дурной славой, и причина была не в его пьянстве. На бегах многие склонны к этому распространённому в России пороку. Взять хотя бы Семёна Герасева.

Лет пять назад князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский повёз в Вену на международные бега жеребца Грозного. Рысак, как все считали, должен был вне конкуренции выиграть Большой Венский приз. Но наездник Семён Герасев выехал на круг вдребезги пьяным. Судья на старте заметил это и потребовал провести врачебное освидетельствование. Герасев бодро соскочил с

«американки», а потом пошатнулся, рухнул на землю и заснул.

Президент Рысистога общества Австрии граф Кальман Хуньяди изумлённо разводил руками:

- В первый раз вижу наездника, который на ногах не держится, но столь уверенно сидит в качалке.

Скандал вышел громкий. Семёна, конечно, наказали - Оболенский уволил его из своей призовой конюшни, а Московское Императорское общество любителей конского бега запретило в течение года выступать на ипподроме. Но прошло время и все эту историю забыли. Сейчас Герасев содержит свою конюшню и ему охотно доверяют классных лошадей многие известные спортсмены.

Митьку не любили не за пьянство, а за подловатый нрав. Он мог не вернуть долг, украсть у своего, не умел быть благодарным. Когда его в очередной раз отовсюду выгнали старый наездник, Федотьев пожалел бедолагу и взял конюхом на свою конюшню. А через две недели Федотьев проиграл в заезде, где у его кобылы и конкурентов-то достойных не имелось. Выяснилось, что виноват Кумакин, давший лошади перед самым стартом ведро воды. Как оказалось, он за трёшницу продал своего благодетеля.

Под стать Митьке был его закадычный дружок и земляк Игнат Евсеев. Не имея ни опыта, ни деловой хватки он решил стать подрядчиком. Выклянчил у вице-президента бегового общества Колюбакина подряд на шоссирование Беговой аллеи, получил аванс. Но желая урвать себе побольше, нанял не нормальных работников, которых в Москве хоть пруд пруди, а беспаспортную рвань с Хитровки. Как и следовало ожидать, к назначенному сроку все деньги были потрачены, а работа,

так и не выполнена. Колюбакин не стал обращаться в суд, а вспомнив молодость, когда командовал эскадром, как следует, собственноручно, поучил нерадивого подрядчика.

Тогда Евсеев подался в «жучки» - за долю в выигрыше обещал назвать «надежную лошадку». Из трёх бегущих в заезде «надёжными» были все три. Одна-то из них выиграет обязательно! Как-то, не зная, кто такой Лавровский, Евсеев подошёл к нему и шёпотом предложил поставить на Налима.

- А как же Летучий? - искренне удивился Алексей.

- Не поедет. Пашка за это две красненьких взял. Ведь это жулик известный!

Услышав такую несправедливую оценку своего друга Павла Чернова, которого можно было упрекнуть во многом, но только не в нечестной езде, Алексей, от души, съездил «жучку» по уху.

Вспомнив неказистого, узкоплечего и лысоватого Евсеева Лавровский брезгливо поморщился. Ведь тот был ещё и «альфонсом». Находятся же дуры согласные содержать такую образину! Одну из них, Раису Нилову, молодую, симпатичную акушерку из Тверского полицейского дома, Алексей когда-то знал. Притом довольно близко.

К сожалению, больше ничего интересного от Ломоносова узнать не удалось. В этот день Кумакин, как всегда сидел в бильярдной. Изредка играл по-маленькой - на рюмку водки с пирожком, на пару пива. Ближе к вечеру сказал, что скрутило живот, и пошёл в отхожее место. Возле которого его позднее и нашли с проломленным затылком.

Не порадовал ничем «жареным» и Семён Гири́н:

- Извозчики полагают, это залётные. Вокзал-то рядом.

- Ладно. Поехали в участок.

Пристав 2-ого участка Пресненской части Змеев особой благосклонностью к репортёрам никогда не отличался. Но сегодня встретил Лавровского радостной улыбкой:

- Слава богу, хоть один пожаловал. То от вас отбоя нет, а когда есть чем похвастаться - никого.

- А чем интересным похвастаетесь? - спросил Алексей.

- В результате проведенных мною и моим младшим помощником Баяновским розыска и предварительного дознания, по «горячим следам», задержан и изобличён убийца бывшего наездника Дмитрия Кумакина.

- Поздравляю. И кто же это?

- Саратовский мещанин Игнат Евсеев, приятель погибшего.

Алексей недоверчиво покачал головой:

- Сомнительно - не того поля эта ягодка.

- Какие право все сомневающиеся стали, - и вы и Соколов из сыскаго. А у меня неопровержимые доказательства имеются! Да и чистосердечное признание преступника. Дело, значит, было так...

Алексей достал записную книжку и стал записывать рассказ пристава.

Глава 3

КРАСИВЫЙ-МОЛОДЕЦ И ЕГО «БРАТЬЯ»

- В «Черныши»? - спросил, ожидавший Лавровского у ворот участка, Семён, имея в виду меблированные комнаты Чернышёвой и Калининой на Тверской, в которых жил Алексей.

- Нет. На дачу Сахновского. Сергей Алексеевич на ужин приглашал.

- Ну, что Змей рассказал?

- Убийцу задержал.

- Да, ну?! И кто такой?

- Игнат Евсеев.

- Чего? Игнашка?! Смехота, да и только. Вот новичку на бегах голову задурить, у бабы последнюю копейку выманить - это по его части. А смертоубийство... Жидковат он для таких дел... Отчихвостите Змея в газете? Дескать, вместо того, чтобы ловить настоящих преступников, хватает первых попавшихся.

Лавровский долго молчал. Конечно, что букмекера убил щедедушный Евсеев весьма сомнительно. С одного удара проломить затылок «Каролиной Ивановной» - тут нужны и сила и практика. Однако и доказательств его непричастности тоже нет. Да и не испытывал Алексей добрых чувств к этому типу.

- Нет, - сказал он решительно. - Я репортёр, а не сыщик. Моё дело рассказывать читателям о происшествиях, а не преступников ловить.

- Не сыщик, - хмыкнул Семён. - А кто, как не вы с Сергеем Сергеевичем харьковских конокрадов повязали? Кто шайку Кольки Американца разоблачил? Да и у Игнашки это..., как его..., больно уж слово мудрёное...

Вспомнил! Алиби! Когда Митьку в «Мире» порешили, я Евсеева, кажись, возле бегов видел.

- Так, видел или кажись?

Семён задумался:

- Кажись...

- Вот видишь - нет у нас с тобой оснований шум поднимать, полицию чихвостить. И вообще, с какой стати нам со Змеевым ругаться? Сколько раз к нему обращались - никогда не отказывал.

- Это верно, - согласился извозчик, вспомнив сколько раз, благодаря участковому приставу, ему удавалось избежать наказания за стоянку в неподобающем месте, не пристёгнутую полость, чрезмерную быстроту езды. - Приехали, Алексей Васильевич.

Огромная дача Сергея Алексеевича Сахновского находилась на Петербургском шоссе. Будучи весьма стеснен в средствах, большую её часть хозяин сдавал в аренду. Длинный двухэтажный дом, выходящий фасадом на шоссе, был разбит на квартиры. Ещё один, в глубине двора занимал владелец кондитерской фабрики Сиу, а в многочисленных хозяйственных постройках разместилось несколько призовых конюшен. Сам Сергей Алексеевич, вдвоем с женой, Пелагеей Васильевной, жил в маленьком, вросшем в землю, одноэтажном домике возле въездных ворот. Но, до чего же, уютно было в этом, неказистом на первый взгляд, доме! Ореховая мебель в русском стиле, многочисленные иконы с теплящимися перед ними лампадами, портреты знаменитых рысаков и книги, великое множество книг.

Сахновские жили скромно, хотя ни в чем себе не отказывали. За модой, громкими знакомствами и прочей

мишурой не гонялись. Алексей относился к ним с большим уважением и охотно бывал в гостях.

Ужин давно закончился. Сергей Алексеевич и его давний друг, известный коннозаводчик и спортсмен Михаил Иванович Бутович сидели на веранде, выходящей в большой запущенный сад, и пили чай.

- А я знал, что вы обязательно зайдёте - уважите старика, - обрадовался Сахновский. - Нарочно велел закуски не убирать. Вы ведь весь день в делах, наверное, и маковой росинки во рту не было?

- Почему? Успел в буфете на бегах пару пирожков и рюмку водки перехватить.

- Ну, что для такого богатыря пара пирожков? На один зуб. Угощайтесь. Вот севрюжка, холодная телятина, рокфор... И, рекомендую, наливочка вишнёвая.

- Божественный напиток, Лёша, - поддержал хозяина Бутович. - Из Малороссии привезли. Такой вишнёвки у Леве и Депре не сыщешь. Да и у Шустова тоже...

Попробовав, Алексей тут же признал правоту Михаила Ивановича. В роскошных, сверкающих стеклянными витринами и золочеными гербами поставщиков императорского двора лучших московских винных магазинах Леве на Кузнецком мосту и Депре на Тверской улице можно было найти всё, что угодно. Любое шампанское - клико, моэт, ай, самые изысканные французские, мозельские и рейнские вина, всевозможные ликёры - шартрез, бенедиктин, кюрасао... А вот наливки там не продавали. Появились они у начавшего входить в моду водочного фабриканта Шустова, но и шустовской вишнёвке с этой не сравниться.

Когда Алексей перекусил и достал сигару, Сахновский сказал:

- Дело у меня к вам, Алексей Васильевич.

- Весь внимание.

- Чувствую я, последнее время свою вину перед русским рысаком, перед коннозаводством нашим.

- Вы? - изумился Лавровский - Из-за чего это?

- Да из-за Красивого-Молодца.

Лавровский понял, о чём идёт речь.

... Как-то осенью 1874 года Сергей Алексеевич ехал по Замоскворечью. В пролётку был запряжён очень резвый рысак - других он не признавал ни на бегах, ни в городской езде. Вдруг его на рысях обогнал крупный, тёмно-гнедой жеребец, везущий сорокаведерную бочку воды. Сахновский попытался его обойти, да так и не смог. Когда водовозка остановилась, попросил у кучера разрешения осмотреть лошадь, так как был просто восхищён её ходом и резвостью. Сразу убедился, жеребец породистый, хотя и не в порядке - с разбитыми и исковерканными ногами; следами многочисленных, давно заживших побоев, разжиревшей шеей. Пошёл к хозяйке и сказал, что не прочь купить лошадь, если аттестат имеется. Посмотрел аттестат и обомлел. Это был Красивый-Молодец, сын знаменитого Непобедимого - Молодца 2-го, принадлежащего светлейшему князю Меншикову; внук Молодецкого, из завода самого Василия Ивановича Шишкина, ученика и сподвижника основателя породы графа Алексея Орлова.

Как такая лошадь оказалась в водовозке, история тёмная. Скорее всего, из-за дурного нрава. Хозяйка рассказывала, что больно зол жеребец был в молодости -

много пролёток разбил и людей покалечил, пока жизнь самого не обломала.

Сила Красивого-Молодца (в свои девятнадцать лет, не смотря на тяжёлую жизнь, он выглядел не старше десятилетнего), резвость и интересная родословная подсказали Сахновскому, что из него получится отличный производитель. Сторговались за 150 рублей.

Коннозаводчики, узнавшие об этой покупке, посмеивались:

- Чудит, Сергей Алексеевич! Из водовозки жеребца выприг и в завод производителем поставил.

Перестали смеяться, когда на бегах появились дети Красивого-Молодца - Кряж, которому только несчастье, случившиеся в прошлом году помешало установить новые всероссийские рекорды и Кремень, выигравший все призы для трёхлеток. И у Сахновского сразу нашлись десятки подражателей. Они принялись усердно искать подобных Красивому-Молодцу у водовозов и извозчиков, в пожарных обозах. Ловкие барышники не преминули воспользоваться этим. В ход шли всякие уловки: будто бы случайные, а на самом деле, подстроенные встречи с «выдающимися» жеребцами, всевозможные небылицы и самые невероятные легенды. В результате в заводы стали поступать старые, никуда не годные, а зачастую и беспородные жеребцы...

- Губят породу, - вздохнул Сергей Алексеевич. - И я, невольно к этому руку приложил.

- Причем тут вы? - попытался успокоить Сахновского Алексей. - Любители на грош пятаков у нас всегда были, есть и никогда не переведутся. Только

толковый заводчик лошадь без аттестата покупать не станет

- Что такое аттестат, - усмехнулся Бутович, - когда ассигнации подделывают и Рембрандта с Рубенсом.

- Появились мошенники, которые подделывают аттестаты самых выдающихся заводов, - продолжал Сахновский. - Недели две назад Серёжа Живаго купил будто бы родного брата Красивого-Молодца, десятилетнего. Я ему объясняю - не возможно это, так как Непобедимый-Молодец пал ещё в 1869 году, за три года до рождения этого самозванца. А он мне аттестат показывает, подписанный Меншиковым. Я не поленился, послал телеграмму в Баден-Баден.

Светлейший князь Владимир Александрович Меншиков, конный завод которого когда-то считался лучшим в России, давно отошёл от дел, с 1861 года постоянно жил в Баден Бадене, где стал одним из руководителей самого престижного спортивного общества - Международного клуба скачек.

- Ну и что князь? Ответил?

- Ответил. Я, пишет, больше двадцати лет ни одного аттестата лично не подписывал, выдал на это доверенность управляющему, а Непобедимый-Молодец действительно пал в 1869 году.

- Вот прохвосты! - возмутился Алексей. - Ладно. Я их во всех газетах и журналах, как говорит Пастухов, отчихвостю.

- Нет, Лёша, - сказал Бутович. - Обязательно надо найти мерзавцев. От полиции проку мало. Одна надежда на тебя. Берёшься за это дело?

- Берусь, - недолго думая, сказал Лавровский.

- Тогда, прими задаток, - Бутович достал из бумажника два сторулёвки.

- А вот это лишнее! Разве я из-за денег?! - возмущенно замахал руками Алексей. Он прекрасно знал, что Сахновский не богат, а Бутович сейчас и вовсе на грани разорения - даже свой конный завод стал распродавать.

-Бери, - настаивал Бутович. – И не переживай - деньги не мои и не Сергея.

- А чьи тогда?

Бутович замялся.

- Надо ему всё рассказать без утайки. Миша, - предложил Сахновский. - Алексей Васильевич человек надёжный.

- Уговорил, - согласился Бутович. - Только больше никому ни слова. За розыск платит герцог Лейхтенбергский.

Член российского императорского дома Георгий Максимилианович Лейхтенбергский приходился внуком императору Николаю I. Этот сказочно богатый и жутко капризный молодой человек был большим любителем рысистых лошадей. Любителем, но не знатоком. Его конный завод, находящийся в селе Ивановка Рязанской губернии, состоял из лошадей посредственных и много лет влачил жалкое существование. До тех пор пока директором его не стал Сахновский. За три года завод преобразился и сейчас его питомцы уже брали призы на московском, петербургском и провинциальных ипподромах. Но, не выдержав постоянного вмешательства в дела герцога и его шталмейстера, Сахновский отказался от очень выгодной должности.

- Значит и герцог на сына Непобедимого-Молодца попал? - догадался Лавровский.

- Попал, - подтвердил Бутович. - Рвёт и мечет, хочет, чтобы виновные были найдены и наказаны. Но категорически не желает, что бы при этом фигурировало его имя.

- Понятно, - сказал Алексей. - А кто из барышников ему устроил покупку жеребца?

- Михай - цыган, - ответил Бутович. - Я в субботу взял эту шельму в оборот, припугнул, как следует. Божится, что самого в заблуждении ввели, даже комиссионные согласился вернуть.

- А продавец кто?

- Купец какой-то... Фамилия очень знакомая - Щебнев.

Алексей усмехнулся. Пьеса Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» пользовалась большой популярностью у всевозможных мошенников. Поэтому фамилии её героев нередко становились кличками - Кречинский, Расплюев, Щебнев... Одного такого Щебнева Лавровский знал - Василий Васильевич Тёмный. Но тот интересовался только картами и бильярдом, а лошадьми никогда не занимался.

- А Сергею Живаго тоже Михай помог?

- Нет, ему посодействовал... Всё забываю, как эту немчурку пронырливую зовут. - Сахновский на минуту задумался, - Гехт! А продавец тот же самый – Щебнев...

Глава 4

НЕОЖИДАННЫЙ ВЫЗОВ

Долго просидел Алексей с Сахновским и Бутовичем. Узнал много любопытного. Например, что Гехт показывал Сергею Живаго опись меншиковского завода, в которой упоминался младший брат Красивого Молодца, родившийся в 1872 году.

- Есть у меня эта опись, - горячился Сахновский. - И в ней черным по белому напечатано, что Непобедимый-Молодец 2-ой пал в 1869 году.

Он ушёл в свой кабинет и через несколько минут вернулся с книгой в зелёном сафьяновом переплёте с золотым тиснением. Открыл на нужной странице:

- Вот, удостоверьтесь сами...

Ещё раз всё обсудив, пришли к общему мнению – хочешь, не хочешь, а придётся давать делу официальный ход. Иначе, что делать с мошенниками, когда они будут найдены и изобличены? Морды бить?

- Надеюсь, Сергей Живаго, в отличие от герцога, огласки не боится? Тогда надо, чтобы он обратился к прокурору Московского окружного суда, - предложил Лавровский. – Все основания для начала предварительного следствия имеются – противоправное деяние, причинение убытка... Не хватает только жалобы потерпевшего.

- Правильно, Алексей, - поддержал Сахновский. – Я попрошу Сергея завтра же съездить к прокурору.

- А мы с прокурором оба калужские, - сказал Бутович. – Думаю, Пётр Наркизович Обнинский в просьбе земляку не откажет и поручит это дело самому толковому следователю...

Перед самым закрытием, Алексей зашёл в трактир "Перепутье". Расспросил своего давнего "агента" полового Кузьму о Гехте. Кто заходил к нему в последние дни, не заметил ли в его поведении чего-либо не обычного?

- Да много кто к нему заходил, - отвечал половой. - Всё больше играющие... Василий Данилыч, буфетчик из "Яра"... Иван Савельич, хозяин похоронного заведения. Ставки делали. Вчерась ещё этот был - "кот" плешивый.

- Какой ещё плешивый кот? - не понял Лавровский.

- Да Игнашка Евсеев.

Алексей от души рассмеялся:

- Не "кот", а "альфонс".

- Один хрен, раз за счёт баб живет, - махнул рукой Кузьма. - А необычное, в самом деле, было. Карл Карлович с Игнашкой книжками торговать стали.

- Чем?

- Книжками. Самолично видел, как Гехт Игнату книжку передал - зелёную, всю в золоте. Только, говорит, по пьянке не потеряй, мы на ней много тысяч заработаем. А тот отвечает, не беспокойтесь Карл Карлович, она у меня на фатере будет, туда и покупатель придёт... А разве бывают книжки, которые тысячи рублей стоят, Алексей Васильевич?

Алексей не отвечал. Книга в зелёном переплёте, с золотым тиснением. А ведь так выглядит опись меншиковского завода! Но на квартире арестованного Евсеева её не обнаружено - сам протокол обыска читал. Интересно, очень интересно.

Уходя, Алексей дал Кузьме полтинник. Заслужил...

К себе в «Черныши» Лавровский вернулся глубоко за полночь. Швейцар, открывший дверь меблированных номеров, сказал:

- А вас Аристарх Матвеевич спрашивал. Велел, как вернётесь сразу к нему зайти.

- Да спит уже, поди!

- Не. Сказал, что и ложиться до вас не станет.

Внештатный околоточный надзиратель полицейского резерва Московской городской полиции Аристарх Матвеевич Карасёв был особой влиятельной. Он состоял при самом генерал-губернаторе князе Владимире Андреевиче Долгоруком, не то вестовым, не то для выполнения разных деликатных поручений. Алексея связывали с Карасёвым давние товарищеские отношения, часто они помогали друг другу.

- Ты чего опять натворил, Лёша? - вопросом встретил его Карасёв.

- Да ничего вроде такого и не было.

- Не было... А с чего вдруг его сиятельство, князь Владимир Андреевич приказал найти тебя и завтра утром к нему доставить?

- Не знаю, право.

- Не знаю... Хитришь, поди. Купцов Хлудовых в воскресной газете ты отутюжил?

В фельетоне, который имел в виду Карасёв, рассказывалось о порядках на текстильной мануфактуре купцов Хлудовых в Егорьевском уезде - о чрезмерных штрафах, дороговизне продуктов в фабричных лавках, антисанитарии в цехах и казармах. К появлению этот материала Алексей отношения не имел. Николай Иванович Пастухов получил сведения от своих личных

"корреспондентов" из фабричных и сам отчихвостил фабрикантов. И в прозе и в стихах:

Пожалуйте сюда, поглядите-ка

Хитра купецкая политика.

Не хлыщ, не франт,

А миллионный фабрикант

Попить, погулять охочий

На труд рабочий.

Видом сам аванажный,

Возвёл корпус пятиэтажный.

Ткут, снуют да мотают,

Все на него работают.

А народ-то фабричный,

Ко всему привычный.

Кости да кожа,

Да испитая рожа.

Плохая кормёжка,

Да худая одёжка.

Нужна одёжа или еда?

Иди тогда

В заводские лавки,

Там, мол, без надбавки

Дёшево и гнило!

- Превосходный фельетон! - искренне сказал Лавровский. - Жаль, что не мой.

- Слава богу, что не твой... Так что же тогда, ума не приложу? Ладно, бог не выдаст...

- ... А свинью мы и сами съедим, - закончил Алексей любимое присловье Карасёва.

Аристарх Матвеевич осуждающе покачал головой:

- Сколько тебя учить можно? Язык твой - враг твой. Услышит, кто чужой, побежит докладывать, как ты на его сиятельство лаешься...

- Так газета, говоришь, не причём, - размышлял вслух Карасёв. - Может опять ты Лёша влез, куда не надо, по сыскной части.

- Влез, - честно признался Лавровский.

Он рассказал Аристарху Матвеевичу о шайке букмекеров и барышников появившейся на бегах. Особо заинтересовался старый полицейский упоминанием Лавровского о том, что возглавляет её один из участковых приставов. Да это и не удивительно. Участковые приставы были в Москве фигурами весьма заметными и влиятельными. Ведь на весь город их всего сорок человек - именно на столько участков поделили Первопрестольную в ходе недавней административной реформы.

Участковые приставы отвечали за всю организацию полицейской службы на вверенной территории: за расстановку постов и составление графиков дежурств, обучение городских и первичный розыск по совершенным преступлениям, за арест подозреваемых и их допросы по "горячим следам". На них же был возложен надзор за поведением публики в общественных местах и пресечение праздных разговоров о "важных особах". Околоточные надзиратели докладывали приставам о ежедневных обходах и, обязаны были в любое время дня и ночи, сообщать им обо всех происшествиях.

Большой властью обладали участковые приставы. Понятно, что домовладельцы, трактирщики и рестораторы, хозяева магазинов, лавок, меблированных комнат, различных мастерских стремились установить с ними хорошие отношения. Вот и несли подарки по случаю именин, Рождества, Пасхи и десятков других праздников.

Начальство смотрело на всё это, как говорится, сквозь пальцы. Оно и само понимало - на 175 рублей жалования и "столовых" в месяц, даже при наличии бесплатной, служебной квартиры, в таком дорогом городе, как Москва, человек, которому волей - неволей приходится общаться в приличном обществе, прожить не может. Хотя время от времени, и звучали "грозные" указания: "Не брать!" Так, недавно московский обер-полицеймейстер генерал-майор Евгений Осипович Янковский издал приказ "О неприятии от жителей каких-либо подарков под опасением немедленного удаления от занимаемых должностей".

Неофициально, принятие подношений называли "сделками с самолюбием". С ними мирились. А вот за "сделки с совестью", когда полицейские закрывали глаза на серьёзные правонарушения, спрашивали строго - увольняли без пенсии, отдавали под суд.

- Озадачил ты меня, Лёша, - задумчиво сказал Карасёв. - Что бы пристав на преступление пошёл... Такого давненько не случалось. После Постовского, пожалуй, ни разу.

- А кто это? - поинтересовался Лавровский. - Фамилия незнакомая.

- Да это лет пятнадцать тому назад случилось. Тогда были ещё не околоточные и участковые, а квартальные и частные приставы. Так вот, этого прохвоста, пристава Рогожской части, судили за

мошенничество. Обобрал он до нитки при продаже именина одну барыньку, свою любовницу, устроил махинацию с векселями.

- И, что с ним стало?

- Сослали на четыре года в отдалённые губернии... Так кто же сейчас иудой оказался? Скорее всего, кто-то из тех, чьи участки от бегов недалеко. А это у нас: два участка Пресненской части, три Сущёвской, три Тверской, Петровско-Разумовский участок...

- Очень быстро раскрыл Змеев убийство Кумакина. Подозрительно быстро.

- Нет, Лёша. Змей братъ берёт, а за нарушения всё равно всех дерёт. Служака! Он на преступление не пойдёт...

Долго перебирали всех участковых приставов - Замайский, Рапанди, Коровин, Стрельников, Шебалин... Но, ни на ком, конкретно, так и не остановились.

- А может, приврал, Кумакин, - предположил Алексей. - Вдруг не пристав, а помощник или околоточный?

- Может и такое быть, - согласился Карасёв. - Ладно, доложу завтра его сиятельству. Всё равно нам с тобой к нему идти надо.

Глава 5

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ

Пожалуй, самым приближенным лицом к князю Долгорукову был его личный камердинер Григорий Иванович Вельтищев - маленький, плотный, кругленький с огромными усами. О степени доверия Владимира Андреевича к нему говорило то, что поручив Вельтищеву

все свои денежные дела, он никогда не спрашивал отчёта о поступлениях и тратах.

Карасёв дружил с ним. Поэтому, прежде чем идти к князю, заглянул к Григорию Ивановичу.

- Как сегодня его сиятельство, Гриша? Грозен?

- Лучше и не спрашивай, Матвеич. Сильно не в духе. С утра редактора "Московского листка" Пастухова принимал - ногами топал, грозил газету закрыть.

- Из-за Хлудовых?

- За них. А потом и самим Хлудовым досталось на орехи. Вы, мол, своим крохоборством фабричных сами до бунта доведёте, я вам этого не позволю... Сейчас у него ещё кто-то из заводчиков. И этого распекает.

- А нас-то, зачем вызвал?

- Что-то там по лошадиной части приключилось, - ответил Вельтищев и попросил Лавровского. - Вы уж, молодой человек, не гневите его сиятельство - со всем соглашайтесь. Пожалейте старика - ему доктор волноваться не велел...

Они прошли в приемную. Из-за неплотно прикрытой двери доносился голос Долгорукова:

- Да как вы посмели?! Вы всю Москва - реку заразили нечистотами из потайных труб... Я этого не потерплю!

Открылась дверь и из кабинета, красный, словно из парной, выскочил довольно молодой человек, одетый по последней парижской моде. Лавровский знал этого франта. Юлий Петрович Гужон - владелец Московской шёлковой мануфактуры и металлического завода, действительный член бегового общества. Только не любовь к рысакам привела его в общество, а возможность,

в непринужденной обстановке, заводить знакомства с нужными людьми. И таких "спортсменов" становится все больше и больше, с горечью подумал Алексей.

Увидев Лавровского, Гужон остановился:

- Оклеветала меня ваша газетёнка! Наврала про какие-то потайные трубы! Я вас всех за это по судам затаскаю.

У Лавровского, сами по себе, сжались кулаки. Ну не любил он этих иностранцев, приезжающих в Россию с одной целью - нахапать. Решительно шагнул к Гужону:

- Оклеветали, наврали... За такие слова можно и по...

- Алексей! - рявкнул Карасёв.

- А что я? - уже успокоившись, безмятежно улыбнулся Алексей. - Я просто хотел предостеречь Юлия Петровича от необдуманных высказываний... А потайные трубы имеются. Я лично весь берег облазил, а нашёл...

- Проходите, проходите, его сиятельство ждёт, - поторопил их адъютант генерал-губернатора.

Владимир Андреевич Долгоруков, кутаясь в широкий шёлковый халат, расхаживал по просторному кабинету:

- Всю рыбу в Москва-реке потравили... Но я этого так не оставляю... Ишь, трубы потайные понастроили!

- Это он их нашёл, - Карасёв указал на Лавровского
- И в газете пропечатал.

Долгоруков остановился:

- А, так вы в "Листке" у Пастухова служите! Скажите-ка мне, кто написал возмутительный фельетон о хлудовской мануфактуре?

Карасёв, на всякий случай, предостерегающе толкнул репортёра локтем в бок.

- Не знаю, ваше сиятельство, - Алексей попытался придать своему голосу искреннее сожаление. Даже вздохнул, для большей убедительности.

- Сразу видна твоя выучка, Аристарх, - не то осуждающе, не то одобрительно сказал генерал-губернатор. - Всё знаю, да молчать умею... Впрочем, я пригласил вас совсем по другому делу. Ведь вы, молодой человек, кажется, лучший московский сыщик по лошадиной части?

- Первейший, - вместо Лавровского ответил Карасёв. - Помните, как он прошлым летом, когда скандал на бегах начался...

- Помню, Аристарх, всё помню. Потому и позвал... Вчера в Москве, проездом в Крым был его императорское высочество Константин Николаевич.

Дядя нынешнего императора великий князь Константин Николаевич с молодости слыл либералом. За это племянник, как только взошёл на престол, прогнал его со всех постов - из председателей Государственного совета, и из генерал-адмиралов российского флота. Но, тем не менее, согласно этикету, Долгоруков поехал на вокзал. Поприветствовал, пожелал хорошо отдохнуть. А Константин, со свойственной ему грубостью, принялся отчитывать генерал-губернатора, как мальчишку:

- Пора тебе на покой, князь, раз не способен навести порядок во второй столице. Развёл жульё всякое!

Представляю, как живется простым обывателям, если у тебя великих князей облапошивают!

Оказалось, облапошили его сына, Дмитрия Константиновича. Тот был страстным лошадиником. Даже переругался с отцом, желавшим определить его в морскую службу. Но настоял на своём - пошёл в гвардейскую кавалерию. А недавно решил завести свой конный завод... Короче, как понял Алексей, молодой великий князь стал жертвой тех же мошенников, которые "надули" купца Живаго и герцога Лейхтенбергского.

- Непременно надо отыскать прохвостов! - начал горячиться Долгоруков. - Я покажу этому...

Осёкся, поняв, что чуть не сказал лишнее. Продолжал, уже спокойно:

- Надо наглядно показать его императорскому высочеству, что он глубоко заблуждается, насчёт московских порядков. Пусть удостоверится - в Москве раздолья для мошенников нет. Но, сами понимаете, излишняя огласка этой истории не желательна...

Алексей попытался было выяснить у Владимира Андреевича какие-либо подробности, но тот их и сам не знал:

- Обратитесь к управляющему Дмитрия Константиновича ротмистру Измайлову. Он сейчас в Москве. Аристарх, если потребуется какое содействие полиции, жандармского управления, или ещё кого, скажи, что я распорядился...

- И вот ещё, ваше сиятельство, тут такая оказия, - Карасёв хотел доложить об одном из участковых приставов, попавших под подозрение.

Но в это время вошёл Вельтищев:

- Ваше сиятельство, завтрак подан.

- Подожди, Григорий, - недовольно поморщился Долгоруков. - Дел много накопилось, посетителей полна приемная.

- Доктор велел, чтобы вы кушали ровно в десять, - продолжал настаивать камердинер. - Извольте в столовую. А калачи-то филипповские сегодня какие! Ещё горячие, с изюмом.

И шёпотом, обращаясь к Карасёву:

- Иди Аристарх, иди... Если чего важное доложить не успел - потом мне расскажешь, а я передам...

Когда они вышли из кабинета, Карасёв тяжело вздохнул:

- Понятно теперь, почему Владимир Андреевич гневен. У Константина язык злой, ославит на весь свет - в Москве, мол, порядка нет... Как полагаешь, Лёша - не осрамится перед князем? Отыщем мошенников?

- Отыщем, Аристарх Матвеевич, - заверил его Алексей. - Тем более, нам теперь все содействовать обязаны, как Владимир Андреевич сказал.

- Ох, молодец, напомнил! А я, было, запомнил - документ соответствующий тебе выправить надо.

Начальник секретного отделения канцелярии генерал-губернатора Петр Михайлович Хотинский, выслушав Карасёва, не стал задавать лишних вопросов и сев к столу, начал писать своим красивым каллиграфическим подчерком.

Всем чинам

**Московской городской полиции,
Московской уездной полиции,
Московского губернского жандармского
управления, Московского жандармского**

**полицейского управления железных
дорог**

Убедительная просьба оказывать всемерное содействие подателю сего - господину Лавровскому Алексею Васильевичу, в связи с тем, что на него возложено выполнение конфиденциального поручения государственной важности.

Действительно до 31 августа 1882 года.

**Начальник секретного отделения канцелярии
Московского генерал-губернатора
коллежский асессор**

П.М.Хотинский.

Промокнув бумагу, Хотинский полюбовался ею и сказал:

- Теперь надо у управляющего канцелярии печать поставить и открытый лист готов.

- Ты уж сам, Перт Михайлович, к нему и сходи, - попросил Карасёв. - Не люблю я этого законника.

- Конечно, конечно, - понятиливо улыбнулся Хотинский. - Скажу вам по секрету, я тоже.

Управляющий канцелярией генерал-губернатора, действительный статский советник Владимир Иванович Родиславский, вальяжный, представительный мужчина в золотом пенсне, прочитав бумагу, изумился:

- Это что такое?

- Открытый лист-с, - отвечал Хотинский.

- Да ведь не предусмотрены делопроизводством такие листы!

- Не предусмотрены-с. Но его сиятельство распорядился.

- Но это противозаконно!

- Не могу знать-с. Если угодно, спросите сами у Владимира Андреевича.

Вздыхнув, Родиславский поставил на открытый лист печать.

Выйдя от правителя канцелярии, Хотинский, осуждающе покачал головой:

- Строит из себя святого, а сам от театральных антрепренёров кормится. Ведь это с его подачи Владимир Андреевич разрешил им спектакли представлять даже в великий пост.

Вручив документ Алексею, на всякий случай, предупредил:

- Вы уж поосторожнее с ним – где попало не показывайте. Ведь бумага сия, скажу по секрету, не совсем законна. Открытые листы имеют право выдавать только министры и главноуправляющие.

- Не сомневайся, Петр Михайлович, - заверил его Карасёв. – Не подведём.

Глава 6

«КАРМАН» ПО ИМЕНИ ПОЛЬ

С Федором Николаевичем Измайловым Лавровский не раз встречался на бегах и на даче Сергея Алексеевича Сахновского.

- О, это такой талант! - сказал Сергей Алексеевич, когда познакомил их. - Поверьте, Алексей Васильевич, моему слову - он, со временем, много для российского коннозаводства сделает нового и значительного. Да и чему удивляться?! Порода! Ведь Измайловы уже лет двести по конской части служат.

Познакомившись поближе, Алексей убедился, что старый коннозаводчик прав. Измайлов блестяще знал генеалогию русского рысака и, что не менее важно, имел поразительное чутьё... Поэтому сейчас он никак не мог понять: каким образом, при таком управляющем, мошенники смогли облапошить великого князя Дмитрия Константиновича?

Измайлова Алексей застал в его номере в гостинице "Лоскутная". Тот, примостившись на краешке стола, что-то писал. На краешке, потому что всё остальное место занимали огромное блюдо с варёными раками и батарея пивных бутылок, возле которых по-хозяйски расположился толстый молодой человек.

- Георгий Ростовцев. Можете звать меня просто Гоша. Мы с Федей друзья детства, - представился он, обаятельно, как-то по-детски улыбаясь. - Вы, надеюсь, пиво любите?

- Люблю.

- Вот и славно! - обрадовался толстяк. - Федя его на дух не переносит. А один разве много выпьешь? Вы попробуйте, какие раки! Ни какие омары не сравнятся.

- Составьте ему компанию, Алексей Васильевич, - попросил Измайлов. - Мне срочное письмо в Петербург дописать надо.

- Нам бы с вами Федор Николаевич наедине переговорить, - сказал Лавровский. - Генерал-губернатор

попросил. Дело касается недавней покупки жеребца для завода великого князя.

- Тогда можете меня совершенно не стесняться, - вздохнул Ростовцев. - Ибо я и есть главный виновник всей этой пренеприятной истории. Да вы присаживайтесь к столу. Иначе я ничего, и рассказывать не стану.

... Измайлов приехал в Москву, чтобы подобрать производителей и маточный состав для создающегося завода великого князя. Каждый день встречался с барышниками, посещал лучшие призовые конюшни. Присматривался, приценивался. Везде его сопровождал Гоша. Делать ему все равно было решительно нечего - имея приличное состояние, он нигде не служил. Правда, Измайлов категорически запретил приятелю лезть в разговоры, так как Гоша никогда не имел ничего общего с конским делом. Он долгое время полагал, что Сметанка, арабский жеребец от которого пошла, выведенная графом Алексеем Орловым, новая рысистая порода, это кобыла.

- Но ведь имя Сметанка женского рода - даже обиделся он, когда его подняли на смех.

Потом Фёдор уехал в Тульскую губернию, решил осмотреть конные заводы князя Оболенского в Шаховском, Добрынина в Прилепах. Обещал вернуться через неделю, но сильно задержался.

Алексей едва сдержал улыбку. Он догадался о причине задержки. Олимпиада Платоновна, жена Алексея Николаевича Добрынина, была женщина молодая, красивая и, ходили такие слухи, весьма любвеобильная. Многие из приезжающих в Прилепский конный завод увлекались ею. Очевидно, не стал исключением и Измайлов.

А к Ростовцеву однажды утром заявился какой-то барышник и сообщил, что нашёл, наконец жеребца,

которого заказывал Фёдор Николаевич. Только покупать его надо сегодня же, а то перехватят. Гоша, искренне желая помочь другу, немного поторговался и выложил деньги.

- Помог, ничего не скажешь, - зло сверкнул глазами на Ростовцева Измайлов. - Мало того, он ещё Дмитрию Константиновичу телеграмму от моего имени послал: "По случаю купил родного брата самого Красивого-Молодца, от Непобедимого-Молодца 2-го и Каролины". А тот возьми, да и расскажи о покупке в "фонаре".

"Фонарём" называли особую, восьмиугольную, со стеклянными стенами, комнату в беговой беседке Семёновского ипподрома в Петербурге. Это была святая святых Санкт-Петербургского бегового общества, куда простым смертным входа не было. Собирались там только представители высшей знати, самые маститые коннозаводчики, и спортсмены - граф Воронцов-Дашков, князь Вяземский, Шереметевы, Нарышкины... Люди светские, воспитанные, они не стали, в открытую, потешаться над молодым великим князем. Поздравили с покупкой, но сообщили, что по имеющимся у них сведениям, Непобедимый-Молодец 2-ой пал ещё тринадцать лет назад. О том, что говорили за спиной у Дмитрия Константиновича можно только догадываться.

- А что я? - оправдывался, изрядно захмелевший Ростовцев. - Я, чего уж там, не знаток. Но ведь даже настоящие лошадики повелись, во всю за этим жеребцом охотились.

- Вот как? - сразу насторожился Лавровский. - Это действительно любопытно. А поподробнее можно?

- С удовольствием. Накануне, были мы в "Молдавии", - стал рассказывать Гоша, имея в виду трактир "Молдавия" в Грузинах, куда под утро, после

закрытия "Яра" и "Стрельны" цыганские хоры ехали пить чай. А вместе с ними и самые стойкие из их поклонников.
- Сидим мы с Михаем-цыганом... Ах, как он душевно пел, пока голос не потерял:

Поговори хоть ты со мной,

Подруга семиструнная,

Душа полна такой тоской...

- Гоша, - страдальчески поморщившись, остановил его Измайлов, - Ты о жеребце обещал.

- Эх, лошадаики! Прозаические вы люди. Ничего-то кроме своих жеребцов и меринов знать не желаете... Ладно, слушайте.

Оказалось, что в "Молдавии" подошёл к ним, знакомый Михая, полицейский офицер и рассказал, как часа два назад остановил за недопустимо быструю езду извозчика. Тот оправдывался - жеребец, мол, благородных кровей, родной брат отца сахновского Кряжа, и тише идти его не заставишь. У Михая азартно заблестели глаза. Он, узнав у офицера номер и фамилию извозчика, пообещал:

- С меня магарыч! Я завтра этого жеребца за пять тысяч куплю, а послезавтра за семь продам.

Гоша грустно посмотрел на опустевшие бутылки:

- Вот видите, какая история. Барышник, не задумываясь, за пять тысяч хотел взять, а мне всего за три с половиной предложили.

- Как офицера звали? Пристав или помощник? Как он выглядел? - настойчиво стал расспрашивать Лавровский.

- Михай его Подем называл. Как выглядит, спрашиваешь? А чёрт его знает! Они все на одну рожу - с бакенбардами и усищами аршинными. Но ничего, скоро на

новую моду перейдут - станут бороды, как у государя императора отращивать.

- Кто тебе жеребца продал? - допытывался Лавровский.

- Купчина какой-то. Не то Каменев, не то Кирпичёв - точно не помню.

- Может быть, Щебнев? - подсказал Алексей.

- Верно! Щебнев Иван Васильевич. Или Василий Иванович...

- Где он живет?

- Понятия не имею. Мы с ним в трактире Егорова встретились. Терпеть не могу это заведение. Курить, видите ли, у них нельзя! Экие чувствительные... Но, надо признать, блины там отменные. Таких в Москве больше нигде не пекут...

- Гоша! - в один голос воскликнули Измайлов и Лавровский.

- Всё, господа, всё - больше не отвлекаюсь. Так вот, сидит за столом купчина этот - роста среднего, плотный, борода окладистая с проседью. Я, говорит, хотел жеребца в свой завод поставить, уже и вагон на железной дороге заказал - везти в Самару, но великому князю Дмитрию Константиновичу уступить рад.

- А как выглядел барышник, который тебя со Щебневым свел, не запомнил, поди?

- Почему? Этого мерзавца запомнил. Неказистый такой - щуплый, лысоватый. Зовут Игнатом. Он, видите ли, пива не пьёт, чай ему подавай. А вот мы с тобой, Лёша, сейчас ещё по стаканчику... Как кончилось? Пойду, распоряжусь, пусть коридорный ещё дюжину принесёт.

Лавровский был в превосходном настроении. Выяснить, для начала, удалось много. Во-первых, имя офицера полиции связанного с мошенниками. Поль, разумеется имя. Любят у нас, на французский манер, называть так всех Павлов, Ипполитов, Аполлинариев и Поликарпов. Имеется, правда, и человек с такой фамилией. Но подозревать ветерана Московской городской полиции полковника Ивана Петровича Поля, известного своей неподкупностью, это уж чересчур. Во-вторых, барышник, приходивший к Гоше это, несомненно, арестованный Евсеев - сходится и имя и внешность. По такому случаю можно и расслабиться немного.

- Давай, - махнул Алексей рукой. - Только вели портер подать. Под него раки лучше идут. А под светлое пецольдовское хороша вобла астраханская...

Глава 7

НЕ УБИВАЛ Я!

Смотритель Пресненского полицейского дома Василий Петрович Крутов, прочитав открытый лист, с уважением и некоторой опаской посмотрел на Лавровского. Неделю назад, он довольно бесцеремонно выпроводил этого репортёра, пытавшегося выведать - пьян ли был один из гласных Московской городской думы, подобранный в бессознательном состоянии на улице и доставленный в приёмный покой. Теперь же оказывается, что это вовсе, и не репортёр, а доверенное лицо самого генерал-губернатора. Такого и расположить к себе не лишне. Поэтому, распорядившись привести из арестантской Евсеева, Василий Петрович предложил:

- Давайте я вам пособлю малость. Приготовлю, так сказать, мазурика к допросу. Я ведь почитай тридцать лет

по полицейской части состою, изучил эту публику, знаю с кем надо лаской, а кому и в рыло.

Не без удовольствия входя в роль важного начальника, Алексей благосклонно кивнул:

- Сделайте одолжение.

Когда ввели Игната Евсеева, смотритель, вздохнув, сказал:

- Ну, что допрыгался, голубчик? Самого Алексея Васильевича, по твою душу прислали. Это тебе не судебный следователь господин Победимов, который всякую шпанку на "вы" величает, да спрашивает - нет ли каких претензий к полиции... Ладно, пойду я по хозяйству. Надо распорядиться, чтобы навоз с пожарного двора вывезли, потом в арестантскую заглянуть, в приёмный покой... Вы уж, Алексей Васильевич, когда его сиятельству докладывать станете, засвидетельствуйте - весь день Крутов в делах, оттого-то у него и порядок... Всё, не буду вам больше мешать, опрашивайте преступника. И, не извольте беспокоиться - в коридоре ничего слышно не будет.

Евсееву сразу вспомнились и оплеуха, полученная от Лавровского на бегах, и смутные слухи о том, что когда-то Алексей пользовался благосклонностью Раисы Ниловой. Пропал, подумал он тоскливо, теперь пропал. Перекрестился, дрожащими пальцами:

- Ей богу, не убивал я!

Алексей и сам так полагал. Но улики, о которых рассказывал вчера Змеев, были веские. Трое свидетелей, слышавшие как Игнат грозился убить Митьку... Серебряный портсигар Кумакина, который нашли при обыске комнаты Евсеева... Явные следы драки с погибшим, оставшиеся на лице и одежде.

- Грозился, при людях, убить Митьку?

- Грозился, в сердцах. Ведь, он подлец, меня так подвёл.

Оказалось, что по поручению Кумакина, Евсеев получил по пятьдесят рублей с Курносого, Быка, Мишки Кацмана и ещё нескольких мелких букмекеров за "надёжные" сведения - Полкан на второй версте сделает проскачку.

- А когда Полкан первым пришёл, поймали они меня возле бегов и взяли в оборот, - он указал на багровый синяк под глазом, ссадину на подбородке, полуоторванный рукав чуйки. - Ты, кричат, нам все убытки возместишь, а не то на куски порвём. Едва вырвался от них... Побежал Митьку искать... Тут меня и заарестовали...

- А портсигар его как к тебе попал?

Лавровский знал, что покойный очень дорожил серебряным портсигаром и перстнем, украшенным вырезанной из яшмы головой лошади. С помощью этих, купленных по случаю, вещей дурил людей. Говорил им, что портсигар и перстень получил от знаменитого наездника Ивана Алексеевича Шуваева, как самый любимый и талантливый его ученик.

- П-портсигар? А он мне его на день ангела подарил.

- Врёшь, мерзавец! - стукнул кулаком по столу Лавровский. - Украл, поди?

- Украл, когда Митька пьяный был...

- И перстень взял?

- Нет... Я его у него с пальца снять не смог.

- Да, с такими замашками лихо тебе на каторге придётся! Знаешь, что там с теми, кто крысятничает, у

своих крадет, делают? А сидеть-то долго. Лет двадцать за убийство дадут.

- Не убивал, я! - всхлипнул Игнат.

- Знаю. Как сказал один мой знакомый - жидковат ты для таких дел.

- Жидковат, - размазывая слёзы по грязным, небритым щекам согласился Евсеев. - Спасите, сударь! Замолвите за меня словечко. Вы ведь самим генерал-губернатором присланы... Век за вас бога молить буду!

- Замолвить можно. Где книга?

- К-какая книга?

- В зелёном переплёте, с золотом. Опись меншиковского завода. Тебе её в субботу Гехт передал.

- Какой такой Г-гехт?

- Ну, вот, опять, - вздохнул Алексей. - Дурак. Вместо каторги мог бы получить за мошенничество года три ссылки. Ладно, вольному - воля. Где тут у них звонок, конвой вызывать...

- Подождите, подождите... Всё, как на духу выложу.

Правда, как выяснилось, знал он мало. Из всей шайки знаком был только с Кумакиным, Гехтом и Михаем. О каком-то приставе слышал, но, ни разу его не видел. Митьку, судя по всему, убили свои.

- Он, подлец, у Карла Карловича взял семьсот рублей. Это, мол, Егору Московкину за то, что первым не придёт. Видать, хотел сбежать с деньгами.

Что ж, от Кумакина чего-нибудь подобного следовало ожидать. Обманул всех - взял деньги у своих, у

чужих букмекеров, собрал ставки с играющих... Но кто-то и его перехитрил - гирькой по затылку.

- А книга у меня в комнате лежала, под подушкой, - заверял Евсеев. - Наверное, полиция при обыске забрала. Мне не верите, так спросите у господина Баяновского, который обыск делал... Как этой книгой Карл Карлович дорожил! Покажет покупателю и тот тут же лошадь берёт, иной даже и торговаться не станет. Хорошо жили! А теперь, я в кутузке, Карлу Карловичу и Михаю, небось, от игроков прятаться приходится...

- Приходится. Где, случайно, не знаешь?

- За цыгана не скажу. А Гехт, скорее всего, как барин, на даче проживает.

- Далеко дача-то?

- По Курской дороге где-то. Не то в Царицыно, не то в Люблино.

- Ладно, проверим и на счёт книги и про дачу. Смотри, если соврал. А что за покупателя ты сегодня к себе ждал?

- Какого такого покупателя?

- Опять хитришь?! - прикрикнул Алексей. - Того самого про которого в "Перепутье" Гехту говорил.

- Барынька одна просила мужу в подарок рысачка хорошего и недорогого найти.

- Кто такая?

- Бердяева её фамилия. Она каждое воскресенье с мужем на бегах бывает.

Лавровский понял, что речь идёт о жене помощника начальника Московского охранного отделения ротмистра Бердяева.

- И кто же тебе такую покупательницу приискал?

- Никто. Сам нашёл.

- Да, ты, хоть знаешь кто такой Бердяев?

- Кажись, на железной дороге служит. А что?

- Да, ничего, - у Алексея совсем не было желания просвещать "жучка" на тему, кто есть кто в Москве из сильных мира сего. - Ладно, последний вопрос. Кто выдавал себя за купца Щебнева?

- Почему выдавал? Щебнев он и есть 2-й гильдии купец Иван Васильевич Щебнев.

- Московский?

- Не. Из Самары приехал.

- Где остановился?

- В Мясницких номерах. Второй месяц уже там живет.

- Хорошо ... Замолвить за тебя словечко, говоришь? Это можно. Если напишешь всё, что сейчас мне рассказал.

- Напишу, всё как есть напишу.

- Садись за стол. Пиши, - начал диктовать Лавровский. - Прокурору Московского окружного суда действительному статскому советнику П.Н.Обнинскому... Написал? Тогда дальше. Чистосердечное признание ...

Вернулся смотритель полицейского дома:

- Ну что, потолковали? Можно уводить?

- Можно, - разрешил Алексей.

На пороге Евсеев остановился:

- Явите такую божескую милость, уважаемый Алексей Васильевич - зайдите в Тверской полицейский

дом к акушерке Раисе Ниловой. Пусть она мне поест чего принесёт, да денег, хотя бы, рублей пять. Больно уж здесь голодно.

Каков наглец, подумал Алексей, совсем совесть потерял. И не без ехидства, ответил:

- Ничего. Воздержание и пост тебе полезны - они душу просветляют. Считай, что мы с господином Крутовым на тебя епитимью наложили. Правда, Василий Петрович?

- Само собой, - согласился смотритель. - Тем более, в соответствии с инструкцией, передачи подследственным не полагаются. Бывают, конечно, исключения - передадут им папирос или денег, чтобы чайком могли побаловаться. Но раз Алексей Васильевич приказал, то никаких поблажек.

Когда Евсева увели, Алексей поинтересовался у смотрителя полицейского дома:

- Василий Петрович, а как по имени отчеству зовут нового младшего помощника пристава 2-го участка Баяновского?

- Павел Филиппович.

Вот и Поль нашёлся, подумал Лавровский.

Глава 8 МНИМЫЙ СЫЩИК

"Мясницкие меблированные комнаты" находились в доме Фёдора Ивановича Малюшина на углу Лубянской площади и Мясницкой улицы. Публика в них квартировала солидная - в основном, провинциальные купцы и комиссионеры, приехавшие в Москву с образцами своих товаров.

... В прошлом году Лавровский от одного из московских старожилов услышал, что под этим домом находятся бесхозные глубокие подвалы. В них, судя по всему, в XVIII веке была секретная тюрьма Тайной экспедиции, в которой содержались самые отпетые злодеи, в том числе Емельян Пугачёв. Подумав, что материал может получиться весьма интересным, Алексей хотел было осмотреть эти подвалы. Обратился за содействием к хозяину дома. Тот пришёл в ужас:

- Да от нас, после вашей статьи, все жильцы разбегутся! Провинциалы - народ пугливый. А тут такие страсти-мордасти - катакомбы, подземные ходы незнамо куда ведущие... Ради бога, не пишите ничего. А за мной не пропадёт.

Пришлось его уважить.

Хозяйство у Малюшина было большое. Кроме меблированных комнат ему принадлежала чаеторговое заведение в Черкасском переулке и трёхэтажный доходный дом на Цветном бульваре. Но Алексею повезло - он застал Фёдора Ивановича в номерах.

- Должок за вами, - поздоровавшись, сказал Лавровский.

- Помню, помню... Чем могу служить?

- Один постоялец ваш меня интересуется. Щербнев его фамилия.

- Был такой. Самарский 2-й гильдии купец Иван Васильевич Щербнев. Да только вчера вечером съехал он.

- Замечалось за ним, что-нибудь подозрительное, странное?

- Прислуга ничего такого не докладывала. Но, на всякий случай, сейчас расспросим.

Коридорный и горничная мялись. Они явно, что-то знали, но сказать не решались. А швейцар, по виду из отставных унтеров николаевского времени - с роскошными седыми усами, выправкой и громогласным басом, зычно рявкнул:

- Так точно, замечали! Только говорить не велено!

- Кем это не велено? - в изумлении поднял густые брови Малюшин. - Ты, Ерофеич, ври, да не завирайся. Я здесь хозяин!

- Так точно, ваше степенство! Только Иван Васильевич всё равно не велели, поскольку это дело государственной важности.

- Ты пьян, что ли? - возмутился Малюшин. - Какие у купца могут быть дела государственные?

- Никак нет! Тверёзый с самого утра. Только не велено сказывать.

- Иван Васильевич и не купец вовсе, - вступила в разговор горничная. - Они сыщик. Из самого Петербурга приехали. Ловить нигу... нику...

- Нигилистов-с, - подсказал коридорный.

Алексей начал догадываться, в чём тут дело:

- Ну, если так, то, какие у вас от меня могут быть секреты! Ведь я и сам такой же сыщик. Из вас, кто грамоте обучен?

- Так точно! - сказал швейцар.

- Тогда читай, - Алексей протянул ему "открытый лист", полученный в канцелярии генерал-губернатора.

Перебивая друг друга, прислуга поведала много любопытного. Выяснилось, что борода у Щебнева подвесная, усы наклеенные, а на самом деле лицо у него

бритое, как у актёра. Из номеров он уходил то в долгополом сюртуке и сапогах бутылками, то в модной визитке и цилиндре, то в вицмундире судебного ведомства. А один раз даже в форме ахтырского гусара. Весь этот маскарад Щербнев объяснял тем, что следит за опасным государственным преступником. Чтобы не привлекать внимание соседей зачастую пользовался чёрным ходом - швейцар даже отдал ему запасные ключи.

- А в полицейский мундир случалось ему рядиться?
- поинтересовался Алексей.

- Чего не видел, того не видел, - ответил коридорный.

- В гости к нему полицейские приходили?

- Никак нет! Купцы приходили, господа разные. Студент один на своём рысаке приезжал. Женщины бывали, - обстоятельно доложил швейцар и прикрикнул на прыснувшую в кулак горничную. - Чего ржешь как кобыла? Они к Ивану Васильевичу по делу приходили.

- Полковница к мужчинам в номера за одним делом ходит, - притворно стыдливо потупила глаза горничная. - За этим самым.

Алексей слушал их и, время от времени, делал в записной книжке пометки о тех, с кем встречался Щербнев.

"Зинка - полковница, лет 30. Высокая, дородная. Замарьяживала пьяных на Цветном бульваре. Сейчас содержит пивную в Малом Колосовом переулке... Студент технического училища, лет 20. Стройный красавчик. Слегка заикается. Приезжал на своём рысаке... Судейский, лет 30-35. В золотом пенсне. Высокий лоб с большими залысинами. Нервный тип – дергается левая щека...."

О Карлушке Гехте, Михае - цыгане и "жучке" Евсееве писать ничего не стал. Этих он и так знал.

- Так вы думаете, он не сыщик? - встревожено поинтересовался Малюшин, провожая Лавровского к выходу.

- Даже не сомневаюсь.

- А кто?

- Аферист. И, скажу вам по секрету, сам, - Алексей многозначительно указал пальцем куда-то вверх, - очень заинтересован в его поимке.

- Ох, страсти-мордасти, какие! А паспорт у него настоящий - я смотрел перед тем, как в участок на прописку отправить... Вы уж, Алексей Васильевич в газете ничего не печатайте... А то все жильцы от нас разбегутся.

Лавровский пообещал, взяв взамен с хозяина меблированных комнат слово - не мешкая сообщить ему, если вдруг что-нибудь новое о Щебневе узнает. От приглашения поужинать отказался:

- К сожалению, дел на вечер ещё много.

И он не лукавил. Розыск розыском, но по-прежнему каждый день надо было собирать сведения обо всех московских происшествиях. Ведь репортёра, как и волка, ноги кормят. А кроме того имелось у него особое задание, полученное от самого редактора Пастухова - в ближайшем номере "Московского листка" отчихвостить "Салашку".

... "Салашкой" или "Солёным вертепом" москвичи называли "Салон де варьете", находящийся на Большой Дмитровке, недалеко от Камергерского переулка. Заведение это представляло собой нечто среднее между театром и трактиром. Здесь можно было посмотреть французскую оперетку и канкан. Послушать венгерский хор, пострелять в тире, выпить и закусить. Притом не только в буфете, но и в зрительном зале, где вместо кресел

стояли столики и стулья. Любители "клубнички" имели возможность свести знакомство с женщинами не очень строгого поведения - их хватало как среди хористок и танцовщиц, так и среди публики. Одним словом, отдых на любой невзыскательный вкус, были бы только деньги. А для тех, кто привык их не считать, имелись отдельные кабинеты, в которых хоть ванны из шампанского для приглянувшихся дам устраивай.

Николай Иванович Пастухов не ладил с хозяином "Салона де варьете" Егором Кузнецовым и частенько пробирал его в газете. Но в субботу он неожиданно отверг очередную статью, принесённую музыкальным критиком Яковым Гурвичем.

- Ну, что ты написал?! - шумел он. - Режиссура банальная... Декорации и костюмы не соответствуют показываемой исторической эпохе... Исполнительница главной роли не берёт верхнее "до"... Да кто такую галиматью читать станет?! Ты напиши, что у них кирпичи с потолка валяются, а в буфете кормят всякой дрянью! Вот тогда и прочитают, и в "Салашку" не пойдут. А то, экая невидаль, певица не берёт "до"...

Лавровского, присутствовавшего при этом разговоре, как и всегда, подвёл язык:

- А берёт она после? - самым невинным тоном поинтересовался он.

- Опять ёрничаешь? - сердито оборвал его редактор. - Больно умным, как погляжу, стал... Вот и отутюжь мне "Салашку". А то, как барин, какой, всё время на бегах и скачках.

- Почему всё? - попробовал возразить Алексей. - Я на всех пожарах бываю, на убийствах...

Но редактор его и слушать не стал:

- Экая невидаль! О пожарах и убийствах любой писать горазд. А ты попробуй про театр хорошо сочинить.

- Да ведь я не критик.

- Не критик. Ты репортёр! Вот поэтому тебе и поручаю... И чтобы в понедельник вечером был фельетон строк на сто...

Алексей взглянул на часы - четверть десятого. Самое время идти в "Салон де варьете".

Глава 9

СКАНДАЛ В «САЛОШКЕ»

Заплатив за вход рубль двадцать, Лавровский поднялся на второй этаж. Пока шел, придумал первые строчки будущего фельетона:

"Один мой давний знакомый рассказывал, что в "Солоне де варьете" на головы зрителей иногда кирпичи с потолка валяются. Не знаю, как насчет кирпичей, но крикни кто-нибудь: "Пожар!" и непременно быть беде. Поломают люди ноги, подавят друг друга на узкой крутой лестнице".

Веселье было уже в полном разгаре - залы и комнаты переполнены публикой. Мужская её часть, одетая в визитки и поддёвки, сюртуки и чуйки, принадлежала к самым различным слоям общества. А женская, судя по ярким кричащим нарядам, в лучшем случае к полусвету. Алексея сразу обдало запахом разгоряченных тел, пудры, дешёвых духов и ещё более дешёвого вина. Ну и амбре, подумал он, как в предбаннике или полтинничном борделе. Тут же нестерпимо захотелось на свежий воздух. Впрочем, нет худа без добра. Последние строчки фельетона, похоже, готовы:

"Деньги с публики надо брать не за вход в "Салон де варьете", а за выход".

Теперь дело оставалось за малым - найти, за что именно отчихвостить "Салошку".

В зале, где шла какая-то оперетка Оффенбаха ничего интересного не нашлось. Правда, декорации были ниже всякой критики. Море похоже на развешенное одеяло, а рыцарский замок - на питейный дом. Главные герои пели по-французски, а хор, непонятно с какой стати, по-русски. Но, по мнению редактора, такие "мелочи" читателям газеты ни к чему.

В тире три симпатичные девицы, одетые в костюмы тиролевских крестьянок, щедро открывавших грудь и спину, без устали заряжали для всех желающих ружья "Монтекристо". Алексей никогда не мог понять, почему это мелкокалиберное ружье, изобретённое французским оружейником Флобером в России стали называть по имени героя популярного романа Дюма-отца.

Честно говоря, для стрельбы в закрытых помещениях "Монтекристо" были малопригодны. Пороховая смесь, используемая в капсуле, при сгорании давала едкий неприятный запах. Да и звук выстрела получался чересчур громкий. Поэтому многие тире уже перешли на американские пневматические ружья "Куакенбуш". Вначале Алексей решил, написать об этом. Но, тут же, передумал. Оправдываясь потом перед Пастуховым, что не взял тайком денег с представителей Куакенбуша в Москве.

Внимание Лавровского привлёк молодой стройный блондин: отлично сшитый сюртук, в галстуке булавка с крупным бриллиантом. Расплачиваясь с "тиролкой" молодой человек достал из набитого бумажника сторублёвку.

- У меня со ста рублёв и сдачи нет, - растерянно хлопая глазами, сказала девица, выдавая голосом своё скорее рязанское, чем тирольское происхождение. - Подождите сударь, я сейчас сбегая разменять.

Получив сдачу, блондин склонился к её уху и что-то зашептал. До Алексея донеслись обрывки фраз - кабриолет, "Яр", шампанское... Всё ясно - загулявшего купеческого "облома" на "клубничку" потянуло.

- Ой, ну что вы такое говорите, - явно притворно, засмушалась "тиролька". - Нам на службе нельзя... Вот, разве, когда тир закроеся.

В это время какой-то рыжебородый здоровяк, в короткой поддёвке, толкнул Алексея в плечо.

- Извиняйте, сударь. Мы без умысла, - пробасил он, пробираясь к выходу из тира.

Где-то я этого рыжего видел, подумал Лавровский, да и блондина тоже.

В буфете, как говорится, дым стоял коромыслом. Буфетчик едва успевал наливать рюмки, лафитники и стаканы, а его помощница накладывает на тарелки закуски. Алексей отметил про себя, не прав был Пастухов говоря, что в "Саложке" посетителей кормят всякой дрянью. Закуски как закуски - не хуже, чем в трактирах средней руки или в вокзальных буфетах. Жаль! Ведь Алексею так хотелось попотчевать читателей "Московского листка" красочными описаниями осетрины не первой свежести и возможными последствиями её употребления. Но врать он не привык. Значит надо искать, что-то другое.

К стойке подошёл пожилой солидный купец с окладистой бородой:

- Налей-ка мне рюмку вот этой - распорядился он, указав пальцем на бутылку "Смирновской".

Выпил, брезгливо поморщился и велел:

- А теперь "вдовьих слёзок" плесни.

Буфетчик налил из бутылки, этикетка на которой сообщала, что эта водка произведена на заводе, принадлежащем вдове генерала Попова.

Купец выпил и снова поморщился:

- Шустовской налей.

Третью рюмку он и пить не стал, только слегка пригубил.

- Может на закусочку-с, ваше степенство, чего подать? - угодливо спросил буфетчик, почувствовав, что гость, чем-то недоволен.

- Подать! - грохнул купец кулаком по стойке. - Егорку!

- Икорку? - переспросил буфетчик, решив, что не расслышал. - Зернистой прикажите-с? Или паюсной? Есть ачувская, сальян...

- Егорку, глухая тетеря! Хозяина своего Егора Кузнецова зови сюда. Я ему, стервецу, покажу, как вместо чистойшей шустовской водки сивуху подавать. До "смирновки" и "поповки" мне и дела нет, а за шустовскую по судам затаскаю... Я Шустов!

Словно из-под земли возник хозяин "Салона де варьете" Егор Кузнецов.

- Николай Леонтьевич, это недоразумение, - залебезил он перед водочным заводчиком, известным крутым нравом и трепетным отношением к своей продукции. - Я сейчас разберусь, а буфетчика накажу...

- Никаких! - не унимался Шустов. - Зови полицию! Пусть протокол составляют!

На шум, прибежал, дежуривший у подъезда городской.

- Прекратите безобразить! - решительно потребовал он.

- А ты кто такой?

- Городовой 3-го участка Тверской части...

Шустов его и слушать не захотел:

- Не по чину мне с тобой лясы точить. Зови околоточного, а лучше самого пристава. Требую составления протокола!

Достойный материал для фельетона нашёлся. Больше в "Саложке" Лавровскому делать было нечего.

Оказавшись, наконец, на улице, Алексей с наслаждением вдохнул прохладный ночной воздух. Конечно, следовало торопиться в редакцию, но он всё-таки решил дожидаться приезда полицейского начальства. А вдруг решат замять скандал?

У входа было многолюдно. Подгулявшая компания бурно обсуждала, где лучше продолжить веселье - в "Яре", "Стрельне" или "Золотом якорё".

Потом из "Саложки" вышел рыжебородый здоровяк и чуть ли не бегом помчался к стоянке извозчиков. Глядя ему вслед, репортёр пытался вспомнить, где он мог его видеть раньше. И вспомнил! Сенька Картузин! Но ведь этого известного домушника в прошлом году, не без его участия, отправили в Сибирь.

Мимо Алексея прошёл давешний молодой блондин с очень юной спутницей под ручку.

- У меня т-такой рысак, - пьяно хвастался он, слегка запинаясь. - Моему Варвару равных в Москве нет. Он нас в п-пять минут домчит до "Яра".

- Не хочу в "Яр", - голосом капризного ребёнка отвечала девица. - Поехали лучше ко мне домой.

Услышав про Варвара, Лавровский сразу признал блондина. Это же Женька Борисовский, беспутный сын одного из братьев Борисовских - известных фабрикантов и коннозаводчиков. Недавно папенька подарил ему для городского выезда жеребца изумительной красоты - серого Эммина-Варвара, которому прочили блестящую беговую карьеру.

А вот ещё один знакомый - Лансиньяк. Приподняв цилиндр, француз на ходу приветствовал Алексея:

- Добрый вечег, месье... Но извините ради бога, стгашно тогоплюсь.

И как метеор устремился к стоянке, откуда, спустя мгновение, донёлся его голос:

- Извозчик! Гони на Цветной!

Наконец появился пристав 3-го участка Тверской части Игнатий Францевич Замайский.

- О, господи, - вздохнул он, увидев Лавровского. - Где скандал, там и вы.

- Служба у меня такая, - улыбнулся Алексей. - Скажите честно, будите составлять протокол или попытаетесь решить дело миром?

- Господь с вами! Стану я из-за Егора Кузнецова с Шустовым связываться. Так, что пишите смело: "Незамедлительно прибывший на место происшествия участковый пристав Замайский составил протокол и опечатал буфет".

- Именно это я и хотел узнать. Да, кстати, сейчас, я видел человека, очень похожего на Сеньку Каргузника.

- Обознались. Мой приятель – он по тюремному ведомству служит – рассказывал, что Каргузник и его подельник Лёвка Солдат пытались бежать с этапа, убили конвойного офицера. Ну, их и пристрелили при задержании. Впрочем, у Семёна младший брат имеется – Самсон. Он в каком-то борделе на Грачёвке вышибалой служит. Говорят, виртуозно владеет «Каролиной Ивановной» ...

Пастухов остался фельетоном очень доволен.

- Вот как надо писать, - поучал он сотрудников, оказавшихся в этот поздний час в редакции. - А то экая невидаль, певичка "до" не берёт...

Глава 10

НА ПРИЗОВОЙ КОНЮШНЕ

Аристарх Матвеевич Карасёв и в эту ночь не ложился спать, дожидаясь возвращения Лавровского.

- С тобой, Лёша, только свяжись - сразу полуночником станешь. А я человек уже не молодой, мне покой нужен, - ворчал он. Но азартно поблескивающие глаза старого полицейского лучше любых слов говорили, что недовольство это показное.

- Узнали, что-то важное? - догадался Лавровский.

- Узнал. Нашёл я иуду, который с мошенниками связался. Только он не участковый пристав, а ...

- Младший помощник пристава, - сказал репортёр, которому очень хотелось показать, что и он день не зря провёл. - А зовут Павел.

Карасёв нахмурился:

- Похоже, мы с тобой совсем о разных людях толкуем. Ты о ком?

- О младшем помощнике пристава 2-го участка Пресненской части Павле Филипповиче Баяновском.

Внимательно выслушав собеседника, Аристарх Матвеевич помрачнел:

- Поль, говоришь... Верно, он любит, когда его так называют. И опись меншиковского завода при обыске исчезла. И за два месяца ни одного протокола о недозволенной игре не составил, хотя в "Мире" и других трактирах у Брестского вокзала букмекеры в открытую промышляют... Похоже, всё сходится.

- Только вы, почему-то, этому не рады? - спросил Алексей.

- А чему тут радоваться? Я Пашку Баяновского с пелёнок знаю. Мы с его покойным отцом дружили - он, как и мы с тобой, из орловских... Эх, Пашка... Не ожидал от него такого... Сам, ведь, ходил к обер-полицмейстеру, хлопотал, чтобы помощником пристава назначили.

Алексею даже жалко стало старика.

- А может быть и не он? Бывают же совпадения... Вы-то, сами, кого подозреваете?

Карасёв рассказал, что его внимание привлёк околоточный надзиратель Робашевский.

Раньше он служил в петербургской полиции. За серьёзные упущения по службе его хотели уволить. Однако благодаря связям (поговаривали, что ему покровительствует то ли товарищ министра внутренних дел Оржевский, то ли директор департамента полиции Плеве) перевели в Москву, правда с понижением в

должности. Назначили в Петровско-Разумовский участок. Дали околоток, как говорится из "богатых" - на его территории находятся десятки пивных и трактиров, в том числе "Перепутье", скаковая слобода, беговой и скаковой ипподромы. Жил в Москве Робашевский как барин. Казённая трёхкомнатная квартира показалась ему чересчур тесной - снял шестикомнатную. По вечерам его частенько можно было видеть в "Эрмитаже", "Яре" или "Стрельне". На собственные средства нанял писаря, на которого переложил часть своих служебных обязанностей - переписку, составление протоколов.

- А это уже преступление, - сказал Карасёв и, по памяти, процитировал «Инструкцию околоточным надзирателям». - "Предоставление постороннему лицу, каких бы то ни было, вместо себя, служебных действий, составляет уже преступление со стороны околоточных надзирателей, подлежащее законному преследованию".

- Ну и тип! - не удержался от восклицания Алексей.
- Не удивлюсь, если он с мошенниками якшается.

- Вот и я о том толкую. А зовут его, будет тебе известно, Ипполитом. Давай так договоримся. О Пашке ты, пока, забудь. Я сам попрошу кое-кого понаблюдать за ним внимательно. А ты, займись-ка этим, питерским хлыщём - беговых порасспроси, "агентов" своих в "Перепутье". А Семёна Гирина, прямо с утречка, пошли на Лубянку, с тамошними извозчиками потолковать. Не на собственном же экипаже этот "Щебнев" по Москве раскатывал. Купчишку и судейского, понятное дело, никто не запомнит, а вот ахтырский гусар фигура приметная.

- Местные извозчики чужому на своей "бирже" стать не дадут.

- Само собой. Пусть он к городовому подойдёт и шепнёт на ушко, что от Аристарха Матвеевича - тот всё уладит...

Лавровский прекрасно знал, что если придёшь на беговую конюшню с утра пораньше, то рады тебе не будут. Не до гостей - дел много. Надо убрать навоз из денников, сгрести сухую солому, почистить лошадей и дать им по несколько глотков воды и немного сена. Потом сборка рысаков на ежедневную работу. А после поездки по аллеям Петровского парка или беговым дорожкам ипподрома снова чистка, уборка, кормёжка... Затишье наступает только часам к десяти. К этому времени Алексей и заглянул на конюшню симбирского коннозаводчика Дурасова, где служил наездником его давний приятель Егор Московкин.

Егор - плотный шатен лет тридцати с большими пышными усами и короткой, всегда аккуратно подстриженной бородой - сидел в наездницкой и пил чай.

- Быть тебе, Алексей, богатым, - сказал он, крепко пожимая руку Лавровского. - Только, что вспоминал тебя.

- Не добрым словом, поди? Наверное, отчёт мой о воскресных бегах не понравился?

- Нет, отчёт хороший. Не то, что у некоторых, что бега со скачками путают.

Алексей рассмеялся, вспомнив, как прошлым летом репортёра Серёжку Емельянцева редакция газеты "Русские ведомости" направила на бега, где разыгрывался Большой Московский приз. Серёжка лошадьми отродясь не интересовался, вместо того, чтобы посоветоваться с людьми знающими, весело провёл время в буфете. И написал такое! По стечению обстоятельств, его отчёт без

правки попал в номер: заведующий московским отделом был болен, а редактор занимался делом ответственным - правил передовую, посвящённую важным политическим вопросам. На следующий день вся Москва веселилась читая, что : «Приз выиграл выдающийся скакун Полкан. Его жокей Е. Московкин со старта запустил жеребца таким резвым галопом...» И всё в таком духе, вплоть до совета владельцу Полкана Дурасову, послать жеребца на ипподромы Англии, где он, непременно, все скачки выиграет. Прочитав Московкин вначале пришёл в ярость, хотел найти писаку и начистить ему морду, но потом успокоился - он был человек отходчивый, не злопамятный.

- Отчёт мне понравился, - продолжал Егор. - Только зря ты написал, что у Полкана есть все шансы на рекорд. Боюсь, как бы, не сглазить.

Рекорд заветная мечта любого настоящего наездника. Но у Московкина стремиться к нему была и собственная причина - обида.

... В 1867 году жеребец Потешный в беге на три версты показал резвость 5 минут 9 секунд "побив" рекорд Дружка, установленный лет двадцать тому назад на Царскосельском ипподроме. Публика была в восторге, все поздравляли наездника Ивана Алексеевича Шуваева, а тот сокрушался:

- Эх, сплоховал я... Была одна задумка, да побоялся... Ладно, в будущем сезоне попробую.

Попробовал. Велел запрячь Потешного не в дрожки, а в "американку" - более лёгкий двухколёсный экипаж. Они совсем недавно появились на московских бегах. Результат превзошёл все ожидания - Потешный, улучшив свой собственный рекорд на 9 секунд, прошёл три версты ровно за 5 минут.

- Это предел резвости, - говорили многие спортсмены. Время, казалось, подтверждает их правоту. Двенадцать лет держался рекорд Потешного. И только в прошлом году был улучшен на четыре десятых секунды. Новым рекордсменом стал серый Размах из конюшни князя Еникеева - постоянный главный соперник Полкана во всех призах.

Один маститый коннозаводчик, мнением которого Московкин очень дорожил, после какого-то не очень удачного бега Полкана во всеуслышание заявил:

- Не в отца Егор пошёл - руки не те. Ему такую классную лошадь как Размах никогда не обойти...

Алексею захотелось подбодрить приятеля:

- Как я могу сглазить? Голубыми то глазами? Да и к тому же у тебя и соперников достойных нет.

- Ну, это ты, брат, зря. Размах силён, - возразил наездник.

- Видел я Размаха на бегу неделю назад. Вытянул Егоров из жеребца все силы, замучил частой ездой на призы. Похоже у жеребца всё в прошлом.

- А Наветчик? Он сейчас в кондиции.

- Знаешь, как о таких говорят? Готов телом, да не готов делом. Дай бог, месяца через два, к Большому Московскому призу, Петька Фролов его в порядок приведёт.

- Может ты и прав, - согласился Московкин.

- К тому же Егоров и Фролов поедут, как всегда в дрожках, а ты на своей новой лёгонькой "американке". Между прочим, по условиям "Приза Его Императорского Величества" тебе за это даже дополнительный пуд веса не полагается.

- Я тоже в дрожках поеду.

- Да, почему?

- Хозяин так захотел.

... Хозяин Полкана Пётр Федорович Дурасов, как и многие другие русские коннозаводчики и беговые спортсмены, упрямо не желал признавать какие-либо новшества, в том числе и "американку". Михаил Иванович Бутович, первым освоивший новый двухколёсных экипаж, тщетно убеждал их, что дрожки мешают улучшению резвости.

- Зато они способствуют развитию силы, - возражали ему.

Вице-президент Московского Императорского общества любителей конского бега Колюбакин, когда общество решило учредить именной приз в его честь и попросило его самого разработать условия, написал без колебаний: "Ехать только в дрожках"...

За разговором время бежало незаметно. Лавровский достал часы:

- Ого! Половина двенадцатого. Как всегда заговорились мы с тобой, Егор.

- В самом деле. Через полчаса вторую уборку начинать пора... А я чуть не забыл тебя спросить, ты ведь всё всегда знаешь. Какая сволота распускает слух, что я деньги у букмекеров брал? Я им морды-то...

- Не начистишь. Митьку Кумакина в полицейский морг позавчера свезли, а дружок его Евсеев в кутузке. Да и вообще - пренебреги. В обществе никто в этот поклёп не поверит, а на букмекеров с "жучками" и прочей шантрапой внимание обращать не стоит... А я ведь к тебе тоже по делу зашёл. Ты местного околоточного Робашевского знаешь?

- Как не знать.

- Что он за человек?

- Ты анекдот про еврея и околоточного надзирателя слышал?

- Напомни.

- Приехал, значит, сапожник-еврей из Бердичева в Москву. Идёт по городу, а навстречу околоточный. Увидел еврея и спрашивает: "А какой документ, дающий право на жительство в столице, у вас имеется?" Белый билет, отвечает сапожник и достаёт двадцатипяти рублёвку. Взял её околоточный, посмотрел. "Правильный документ, - говорит. - За подписью директора Государственного банка". Так вот, это словно про Робашевского. Он за деньги, что угодно сделает.

- Может, наговаривают на человека? Сам знаешь, как у нас полицию любят.

- Какой там наговаривают? Ты Степана Хватова знаешь?

- Хватова? - наморщил лоб Лавровский, вспоминая.

- Знаю, старший конюх с мазуринской конюшни.

- Потолкуй с ним. Он тебе такого про нашего околоточного порасскажет!

- А ему, откуда знать?

- Как это откуда! У него зять в участке писарем служит.

А вот это интересно! Обязательно надо потолковать с Хватовым и попросить его свести с зятем. Так уж сложилось, что своего надёжного человека в Петровско-Разумовском участке у Алексея до сих пор не было. Он ещё раз взглянул на часы и решил, что успеет попасть на

мазуринскую конюшню до начала второй уборки и кормёжки.

Глава 11

СТРАННАЯ СДЕЛКА

Ещё недавно конный завод и призовая конюшня Митрофана Сергеевича Мазурина гремели на всю Россию. Его кабинет в особняке на Мясницкой улице украшали более сотни кубков выигранных на ипподромах Москвы и Петербурга, Тулы и Козлова, Тамбова и Ефремова... Да, что там Тула с Тамбовом! Мазуринские лошади блистали на беговых дорожках венского Пратера и Венсенского ипподрома под Парижем, уверенно побеждая лучших американских и французских рысаков. Удивительно, но факт - в 1876 году рыжая кобыла Краса выиграла Интернациональный приз, посвященный всемирной выставке в Вене, будучи жеребёй.

Митрофан Сергеевич занялся рысистым делом не в расчёте на барыши, а, как говорится "по охоте" - по любви. Будучи очень богатым (он являлся главным пайщиком и председателем правления "Товарищества Реутовской мануфактуры", на фабриках которой, работало более двух тысяч человек) не жалея тратил десятки тысяч рублей на покупку хороших маток и достойных производителей. Разбирался он не только в лошадях, но и в людях. Умел найти и заинтересовать настоящих мастеров своего дела. На его лошадях ездили только лучшие наездники, такие как Василий Морозов, Семён Герасев, Илья Федин. А на должность главного управляющего Мазурин пригласил известного добросовестностью и опытом Митрофана Илларионовича Крылова. Что греха таить, многие управляющие не считали зазорным обкрадывать своих хозяев, а уж обмануть покупателя, продать ему по дорогой

цене никчемного рысачка - дело святое. Крылов был не из их числа. У него даже покупали лошадей "за глаза" - прислав письмо, в котором сообщали, для каких именно целей приобретается лошадь, и излагали свои пожелания к её происхождению и формам. Выбором Крылова, как правило, все оставались довольны.

Всё шло превосходно. Но в конце 1880 года Митрофан Сергеевич, не дожив, до сорока пяти лет, умер. Его состояние перешло к малолетнему сыну, опекунами при котором стали братья покойного - Николай, Константин и Алексей. Разнообразными талантами бог их не обидел. Так, Алексей знал несколько иностранных языков, прекрасно музицировал, был одним из лучших московских фотографов. Его фотокартины, выставленные на продажу в магазине художественных изделий Дациаро на Кузнецком мосту, не смотря на высокие цены, шли нарасхват. Все трое были действительными членами Московского бегового общества. Но вот настоящего лошадика, знающего и любящего это дело, среди них не оказалось. Поэтому сейчас мазуринский завод и призовая конюшня были уже совсем не те.

Придя на конюшню, Лавровский понял, что торопился зря. Наездника Петра Звягина и старшего конюха Степана Хватова на месте не оказалось. А трое других конюхов "гоняли чай" и, судя по всему, прерывать это занятие, ради дневной уборки не собирались.

- Присаживайтесь с нами, сударь, - предложил один из них, знавший Алексея. - Сейчас калачиков горячих принесут, колбаски генераловской.

Варёные колбасы из магазинов купца Генералова были не очень дороги, но всё-таки питаться ими каждый день простому человеку не по карману.

- У вас сегодня праздник какой? - поинтересовался Алексей.

- Какой там праздник, - вздохнул второй конюх. - Горе у нас.

А третий, от которого пахивало сивухой, пояснил:

- Да хозяева, будь они ироды неладны, лучших лошадей продали.

Оказалось, что вчера вечером им велели готовить к отправке новому владельцу лучших лошадей конюшни - Арфу, Удачную и Шипку. Ничего не понимаю, подумал Лавровский, ведь ещё позавчера мне Алексей Мазурин сам говорил, что в воскресенье их лошади бегут и, непременно, возьмут призы для кобыл.

- Петя Звягин с горя запил, - продолжал первый конюх. - Всю ночь они со Степаном пили, а с утра пораньше пошли опохмеляться в пивную Губина, а может в чайную к Лукичу.

Наездник Пётр Звягин особым пристрастием к горячительным напиткам не отличался, но после такой новости не мудрено и сорваться. Беговая публика его долго не признавала. Дескать, все его успехи от Красы и других лошадей, которых выездил старый наездник Илья Федин. Арфу Звягин подготовил сам и уверенно выиграл на ней призы общества для кобыл четырёх и пяти лет. А в следующее воскресенье она была записана на престижный приз Главного управления государственного коннозаводства. Притом люди сведущие не сомневались - выиграет без конкуренции. Большие шансы на победу в призах имелись и у сестёр Арфы - пятилетней Удачной и четырёхлетней Шипки.

В наездническую стремительно ворвался главный управляющий Митрофан Илларионович Крылов. Глаза его гневно сверкали:

- Это, что такое? Почему лошади не чищены?

- Да чистили мы их с утра, - ответил один из конюхов. - А второй раз зачем? На поездку не выезжали.

- Поговори у меня ещё! - рявкнул Крылов. - Вмиг отправлю в контору за расчётом! Живо за дело!

Конюхов как ветром сдуло. Крылов поздоровался с Алексеем. Тяжело вздохнул:

- Где уж тут порядку быть... Вы, Алексей Васильевич, наверное, в курсе случившегося?

- Слышал, да честно скажу, ничего не понял. Расскажите.

Крылов рассказал, что в понедельник утром к опекунам малолетнего Мазурина заявился некий господин Ситников и предъявил "запродажную запись" - предварительный договор о купле-продаже. Согласно этому документу, составленному в июне 1880 года, Митрофан Сергеевич Мазурин обязался не позднее 1 июля 1882 года продать ему за 15000 рублей трех кобыл - Арфу, Удачную и Шипку, принял в задаток 7500 рублей. В случае отказа одной из сторон от выполнения условий сделки, предусматривалась неустойки в размере 15000 рублей.

- Диву даюсь, - сокрушался Крылов. - Я об этой "запродажной" впервые услышал. А ведь покойный Митрофан Сергеевич никаких дел по конской части без совета со мной не решал. Да и не мог он именно этих кобыл продать! Сам мне сколько раз говорил - потомство от Закраса и Удалой мазуринский завод в веках прославит.

- А как опекуны ко всему этому отнеслись?

- Николай и Константин только руками разводят. А Алексей Сергеевич говорит, что присутствовал при составлении "запродажной". Братец, мол, в этот момент очень в наличных нуждался для каких-то своих интимных дел, очень не хотел, чтобы жена об этом узнала, вот и запретил кому-либо рассказывать. Ох, нечистое тут дело...

- Насколько я понимаю в коммерции, подобные документы должны заверяться у нотариуса?

- Само собой. Да разве подпись и печать подделать трудно?

- Так спросите у самого нотариуса.

- Не у кого спрашивать. Нотариус Ефим Шварц прошлой зимой умер.

- Обратитесь в нотариальную часть при Московском окружном суде, где хранятся годовые реестры всех совершённых сделок.

- Уже обращался. Нет там шварцевского реестра за 1880 год.

- Почему?

- Помните, какой пожар приключился в августе позапрошлого года в Городской части?

- Конечно. Тогда ведь почти вся Ильинка сгорела.

- А контора Шварца, как раз и была на Ильинке.

Алексей присвистнул. Совпадение? Жизнь приучила его в такие совпадения не верить.

- Как покупателя-то фамилия, говорите? - спросил Лавровский.

- Александр Андреевич Ситников.

С членом-любителем Московского бегового общества Ситниковым Алексей был знаком. Сразу вспомнилась их первая встреча.

... За столом в саду "Эрмитаж" сидел Николай Иванович Пастухов в компании своих приятелей и сотрудников, в числе которых был и недавно принятый в газету Алексей. Подошёл щёголь - блондин с пушистыми усами и протянул с любезными словами Пастухову руку. Тот, молча, протянул ему два пальца и отвернулся, продолжая прерванный разговор. Сконфуженный блондин отошёл от стола.

- Кто это, Николай Иванович? - поинтересовался Алексей.

- Просто сволочь.

Мнению Пастухова о людях Алексей доверял.

Потом они познакомились на бегах - Ситников был их завсегдатаем. Он даже имел собственного рысака и сам ездил на призы. Притом перед записью часто интересовался мнением Лавровского, которого считал большим знатоком бегового дела:

- Как вы полагаете, у моего Валета есть шансы в этой компании?

И если Алексей говорил, что нет, то не записывал.

Чем занимался Ситников никто, толком, не знал. Вроде бы, коммерцией. Но от Малинина, который поинтересовался у своих друзей в сыскальной полиции, Алексей знал - основной доход спортсмену дают карты. Точнее содержание "мельницы", где собираются известные шулера...

При всем желании, трудно было поверить, что миллионщик Митрофан Мазурин, потребуясь ему срочно деньги, стал бы обращаться к такой тёмной личности.

Прав управляющий, подумал Алексей, дело действительно, нечисто, только к поиску мошенников торгующих мнимыми братьями и сёстрами Красивого-Молодца оно никакого отношения не имеет. Поэтому в подробности вдаваться не стал и поспешил откланяться - ему нужно было идти в "Перепутье".

Глава 12

«КЛУБ ЧЕРВОННЫХ ВАЛЕТОВ»

День выдался пасмурный. Настроение у Лавровского было под стать ему. Он обошёл все ближайшие пивные и чайные - Хватова в них не оказалось. Ничего нового об околоточном надзирателе Робашевском узнать не удалось. Берёт подношения? Все берут. Сквозь пальцы смотрит на то, что в чайных, из-под прилавка, торгуют водкой? Попробуй найти в Москве хоть одну чайную, где ею не приторговывают. Не пресекает недозволенную игру? Так и в этом он не отличается от других полицейских, которые составляют протоколы только тогда, когда букмекеров за руку поймали служащие бегового общества. Живёт не по средствам? Приведи такой довод судебному следователю или присяжным заседателям - засмеют... Короче, нет до сих пор никаких конкретных фактов, подтверждающих связь околоточного с мошенниками. С воскресенья розыск идёт. А, что, собственно, выяснить удалось? Да, почти ничего.

Но в "Перепутье" Алексея ожидал сюрприз. Половой Кузьма устремился ему на встречу:

- Пожалуйте-с за ваш постоянный столик. Сергей Сергеевич уже там-с.

- Серёжа?! - изумился и обрадовался Лавровский.

Помощник присяжного поверенного, Сергей Малинин, как всегда, был одет с иголочки, гладко выбрит, благоухал дорогим английским одеколоном.

- Сегодня утром вернулся из Харькова, - объяснил он другу. - Зашёл в "Черныши", но тебя уже не застал.

- К Матвеечу заглянуть не догадался?

- Догадался. Он меня просветил и сразу запряг - сходи в сыскное, потолкуй с тем, загляни к этому... Сам знаешь, как любит старик покомандовать.

- Знаю. Он такой, - от пасмурного настроения Алексея и следа не осталось. - А, что это, мой друг, мы за пустым столом сидим? Твоё возвращение не грех и отметить.

- С удовольствием. Но только при одном условии - если ты при деньгах, так как у меня..., - не договорил он, сокрушённо махнув рукой.

- С барышнями харьковскими, поди, всё прокутил?

- С ними, Лёша, с ними.

- Не переживай, деньги есть. Кузьма!

Расторопный Кузьма уже спешил к столу с полным подносом.

- Всё как вы любите, - говорил он, расставляя тарелки с закусками. - Селёdochка с картошечкой горячей, балычок, рыжики солёные, огурчики... Водочка, как всегда, смирновская-с...

- И шустовской графинчик подай, - весело потребовал Малинин, успевший прочитать в "Московском листке" фельетон друга о скандале в "Саложке". - Мы их сравнивать будем.

Оба залиvisto рассмеялись.

- Не извольте беспокоиться. Для таких уважаемых гостей у нас всегда только натуральные продукты-с, - заверил Кузьма, который, как и вся грамотная трактирная прислуга, любил и постоянно читал пастуховскую газету...

- Кстати о барышнях, - аппетитно похрустывая огурчиком, после третьей рюмки сказал Малинин - В поезде имел удовольствие...

- Прямо в поезде? - Лавровский сделал изумлённое лицо. - Ну, ты и хват!

Снова дружный хохот.

- В поезде я имел удовольствие познакомиться с одной дамой, - продолжал Малинин.

- Хорошенькая?

- Не то слово - красавица. Так вот, Лёша, всю дорогу она расспрашивала меня о тебе. Восхищалась просто! Какой мужчина, римский гладиатор, Геркулес, такая восхитительная мускулатура... Интересно, где это она тебя рассмотреть так подробно успела? Не иначе, как в бане... В общем, пришлось мне пообещать привести тебя к ней в гости.

- Самое время нам сейчас по гостям ходить, - смущенно проворчал Алексей. - Мошенников найти не можем и, что обидно, никаких путных мыслей в голове нет.

- А у меня появилась одна, - уже совсем другим голосом сказал Сергей. - Ты о "Клубе червонных валетов" слышал?

- Это которые дом генерал-губернатора английскому лорду продали?

- Сплетни. Но на их счету и без того достаточно разных афёр.

... "Клубом червонных валетов" называлась шайка аферистов восемь лет действовавшая в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Тамбове и Туле. Она совершила 56 различных преступлений. Чего только не было на её счету! Присвоение чужого имущества, посредством выманивания; составление подложных документов и введение в обман; кражи; грабежи; убийство.

Мошенники вовлекли молодого двадцатилетнего московского купца Клавдия Еремеева, получившего богатое наследство, в пьянство и разгул. Допившись до «белой горячки», не соображая, что делает, он выдал «друзьям» долговые обязательства почти на 60 тысяч рублей. Конеторговец Николай Попов продал одному из "валетов" восемь отличных рысаков, взяв за них вексель на 15 тысяч. Ему и в голову не приходило, что денежное обязательство молодого человека, принятого в лучших московских домах, ничем не обеспечено.

Много шума наделала, так называемая, "история с пустыми сундуками". На железнодорожных товарных станциях сдавались для отправки в другие города сундуки и ящики, набитые разным хламом. Хитрость заключалась в том, что задекларирован этот груз был как "пушной товар" или "готовое парижское бельё". Расписки грузоперевозчиков, являющиеся, согласно действующему законодательству, ценными бумагами, закладывали в ссудные кассы.

Не уgomонились мошенники, даже очутившись за решёткой. В Бутырской тюрьме они наладили изготовление и сбыт крупных банковских билетов. Оставшиеся на воле "валеты" покупали сторублёвые билеты Волжско-Камского или Московского купеческого банков, а сидевшие в Бутырке ловко переделывали их в пятитысячные.

Успехам аферистов во многом способствовало и то, что в их компании был однофамилец московского генерал-губернатора Всеволод Долгоруков. Обещания замолвить слово перед всемогущим дядюшкой, посодействовать в решении любых вопросов притягивали людей как магнит.

По самым скромным подсчетам с 1867 по 1875 год мошенники «заработали» более трехсот тысяч рублей.

Не останавливалась шайка и перед самыми решительными мерами. Один из её членов, отставной коллежский советник Слабышенский, служивший ранее по сыскной части, приревновал свою любовницу к более молодому «валету» и пригрозил донести на всех. Через несколько дней он был убит.

Владимир Андреевич Долгоруков, узнав о проделках "червонных валетов", рассвирепел.

- Изловить и посадить! - приказал он. - Незамедлительно!

Вот только после этого и начали ловить преступную шайку. Изловили, хоть и не так быстро, как требовал генерал-губернатор. В феврале 1877 года на скамье подсудимых оказалось почти пятьдесят человек. Кого среди них не было: богатый помещик и скромный банковский служащий, отпрыск известнейшей московской купеческой фамилии и иркутская мещанка, отставной павлоградский гусар и поездная воровка, нотариус и карточный шулер...

- А вот их атамана Павла Карловича Шпейера поймать так и не смогли, - рассказывал Малинин. - Исчез без следа.

Алексей о многом услышал впервые. Он поинтересовался у Сергея:

- А ты откуда обо всём знаешь?

- Во-первых, Лёша, я читал судебный отчет, а вторых, рассказывал Плевако, который, будет тебе известно, защищал на том процессе нескольких обвиняемых.

- Извини, отвлек я тебя. Ты о Шпейере говорил.

- Шпейер, Лёша, это талант. Он сумел собрать и объединить вокруг себя таких разных людей. Между прочим, был у него и свой человек в полиции - квартальный надзиратель Швиндт. На мелочи, в отличие от некоторых своих компаньонов, никогда не разменивался. Если уж он хотел, кого облапошить, то подыскивал фигуру посolidнее - с десятками тысяч рублей, как купчик Еремеев или наилучшей конюшней, вроде барышника Попова. Кстати, Шпейер очень любил менять личину - поэтому, всегда, брил усы и бороду. Представлялся то немецким профессором, то чиновником из Петербурга...

- Подожди, подожди... Так ты хочешь сказать, что...

- Да. Очень похоже, что твой "Щебнев" и Шпейер это один и тот же человек.

Подумав минуту-другую, Алексей согласился:

- Похоже, всё сходится. То он купец, то судейский, то гусар. Агентом Департамента полиции представился. А в хороводе у них кого только нет - сцепщики, бирочники...

- А главное, Лёша, жоржи. Такую шпану как Игнат Евсеев так величать не станут. Да и Гехта с Михаем тоже. Жорж это мошенник высокого класса.

К столу подошёл извозчик Семён Гири́н. Радостно улыбаясь, он сообщил:

- А я, кажись, их нашёл.

- Их? - спросил Лавровский. - Это кого же?

- Обоих!

На Лубянке Гирина встретили доброжелательно. И дело не в протекции городского, строго-настрого приказавшего новичка не обижать. Среди извозчиков оказалось несколько страстных любителей бегов. Они частенько встречали Семёна возле ипподрома, видели, как запросто говорит он с билетёрами, другими служителями бегового общества и, даже, с некоторыми наездниками. Почему бы и не взять такого нужного человека в свою компанию?

- Место у нас бойкое, нечета твоему Брестскому вокзалу, - просвещал Гирина Василий Калугин, цыганистого вида верзила с длинными, почти до колен, руками. Все лубяньские извозчики признавали его за своего старшего. - Седоки здесь всё больше люди солидные. Да ты сам посуди. У "Арсентьича" кто собирается? Купечество.

"Арсентьичем" москвичи называли трактир Михаила Арсентьевича Арсентьева в Большом Черкасском переулке. Заведение это, действительно, пользовалось большой любовью у купцов. Очень уж хороши были здесь горячая ветчина и белуга с хреном и красным хлебным уксусом. Эту немудрёную закуску многие предпочитали любым заморским разносолам, всяким омарам с устрицами. Под неё и рюмку хорошей водки велись деловые разговоры и заключались миллионные сделки о купле-продаже хлопка, сахара, пшеницы. Обмывать их ехали к "Яру". Извозчики, на долю которых выпадали такие поездки, в накладе не оставались.

- Или взять Мясницкие номера, - продолжал наставлять новичка Калугин. - Проживают там купцы приезжие, которые свой товар в столицу привезли,

перекупщики богатые. Эти, для нашего брата извозчика, то же седуки выгодные. Цельный день по городу носятся, как угорелые. По магазинам, да амбарам, а иной услышит, что в Подольске или Серпухове цены лучше, так и туда его везёшь.

- А мне иногородние аршинники не нравятся, - возразил Семён. - Жадные больно, за копейку удавятся.

- Не все, мил человек, не все. Вон Коська Жданов, - Калугин ткнул пальцем в сторону неказистого мужичонки лет пятидесяти. - Недели две подряд возил он купчину из самарских. Рад радёшенек остался. Мне, говорит, Иван Васильевич, каждый день красненькую давал.

Сердце Гирина радостно ёкнуло. Похоже, он нашёл именно того, кого искал - извозчика, возившего постояльца Мясницких меблированных комнат, значившегося по документам Иваном Васильевичем Щебневым. Сообразив, что нащупал у Калугина слабинку - склонность перемывать косточки седукам - Семён решил попытать удачу ещё раз.

- А по мне, лучше всего везти гусара какого-нибудь или улана. Они денег не считают, - мечтательно улыбаясь, сказал он. - Да и судейские господа щедрые.

- Насчёт судейских не скажу - не возил. А гусары... Ну, их к лешему. С ними только свяжись, никаких денег не захочешь.

- Да, что так?

- Брат мой меньшей, Санька, вёз одного такого дён десять назад. Приехали, значить, пожалуйста, как договаривались, три рубля. А тот достал револьверт огромный и говорит: "Опасаюсь, найдёт тебя муж моей любовницы и выпытает, где ты меня высадил. Придётся застрелить".

- И застрелил?

- Не. Пострадал только: "Скажешь кому хоть слово - сразу панихиду заказывай".

- В полицию надо было...

- В полицию, - хмыкнул Калугин. - Молод ты ещё Сеня, жизни не знаешь... Санька опосля три дня животом маялся, а как поправился сразу уехал в деревню. Провались, говорит, ваша Москва пропадом.

- Сумской, поди, гусар?

Офицеры Сумского гусарского полка, квартировавшего в Хамовнических казармах, издавна славились своими безобразиями.

- Не. Вроде ахтырский - доломан у него коричневый был.

По собственному опыту Семён знал, если повезло угадать лошадь в первом заезде, то, скорее всего, угадаешь и во втором, и в третьем. Подтвердилось его наблюдение и сейчас.

Словоохотливый Василий Калугин, сев на любимого конька - обсуждение и осуждение седоков - ни как не мог угомониться:

- Самые жадные, мил человек, это немцы. Отвозил я одного такого в воскресенье на галафтевские дачи в Люблино. Сговорились за полтора рубля. Приехали значить. Добавить бы, ваш-сиясь, прошу, назад-то пустой поеду. А он мне: "Уговор дороже денег. Зато совет бесплатный дам - езжай на железнодорожную станцию, может, кто из дачников на вечерний поезд опоздал".

Уговор дороже денег... Это была любимая присказка Карлушки Гехта. Имелась у него и привычка раздавать бесплатные, ничего не стоящие советы...

- А с Коськой потолковать не успел. Он первым в ряду был - уехал с какой-то барынькой, - сокрушался Гири́н. - Ладно, сейчас вернусь на Лубянку, всё из него вытяну.

- Нет, - решительно остановил его Малинин. - Познакомься с ним, пригляди́сь, что за человек. А о "Щебневе" пока молчок.

- Правильно, - поддержал друга Лавровский. - Не исключено, Коська в этом деле человек не случайный. Свой извозчик в любом хорошем хороводе имеется. Полезешь с расспросами - вспугнёшь раньше времени. Ты, лучше, попробуй у Калугина разузнать, на какую дачу он Гехта отвёз. Скажи, что подрядили тебя завтра в Люблино ехать, а ты тех мест совсем не знаешь.

- Не беспокойтесь, Алексей Васильевич. Сделаю всё как велели, - заверил извозчик. - Только мне бы контрамарочек парочку, а то я Калугину пообещал.

Алексей дал ему несколько контрамарок на воскресные бега.

- Ну, поехал я, - сказал Гири́н, поднимаясь.

А вслед за ним встал из-за стола и Малинин:

- Я в сыскное, на телеграф, потом...

Лавровский, не дослушав, перебил его:

- Извольте, друзья мои, присесть. Дел у всех много. Но это совсем не повод, чтобы толком не пообедать. Кузьма!

Тут же появился половой:

- Чего прикажите-с?

- Угостил ты нас на славу, закуски отменные, - похвалил его Алексей. - А чем покормишь?

- Рекомендовал бы бараний бок с кашей. Натуральные котлетки из телятины сегодня удались.

- Неси и то и другое, - распорядился Лавровский.

- А мне бы, что-нибудь полегче, - попросил Малинин. - Чувствую и так объелся.

- У нас новое блюдо - судак по-гречески. Думаю, вам понравится, вступил в разговор, незаметно подошедший хозяин трактира. Кивком головы, он отправил Кузьму выполнять заказ, а потом, немного помявшись, обратился к Малинину. - Сергей Сергеевич, пока будут готовить, уделите мне пару минут. Прошение в городскую управу о перестройке дома я написал. Посмотрите, всё ли там как полагается изложено.

Отказать в услуге хозяину трактира, который в дни безденежья всегда предоставлял неограниченный кредит, Малинин не мог:

- Пойдёмте, посмотрим.

Алексей достал сигару, спички. В это время возле их стола остановился человек неопределённого возраста в потрёпанном форменном сюртуке и чиновничьей фуражке.

- Ты, что, безобразишь?! - напустился он на Гирина.
- Кто дозволил в неподобающем месте стоять?! Почему кобылу без присмотра оставил?! Вот сейчас протокол...

- Это жеребец, - невозмутимо сказал Алексей, раскуривая сигару.

Страж порядка осёкся. Потом окинул Лавровского оценивающим взглядом. Видимо высокие сапоги, и картуз с лаковым козырьком впечатления на него не произвели -

явно из приказчиков или конюхов. Поэтому начальственно рывкнул:

-Что-о-о?!

- Жеребец, говорю, а не кобыла, - Алексей с наслаждением попыхивал ароматной "гаваной". - И, кстати, милейший, вы кто такой будете? Судя по петлицам, служите по министерству финансов, а фуражка - Главного управления государственного коннозаводства.

- Грамотный очень?! Властям дерзишь? Вот сволоку тебя в участок - по-другому запоёшь. Я, Николай Михайлович Архипкин, старший делопроизводитель околоточного надзирателя, капитана Робашевского. Слышал о таком?

- Слышал, - Лавровскому с величайшим трудом удалось скрыть радость и изобразить испуг. Всё утро думал, как познакомиться поближе с околоточным, ничего путного в голову не приходило, и вдруг такое везенье. - Может не надо в полицию, ваше благородие? Мы люди понятливые - ну штраф там, или ещё чего...

Архипкин, хоть и был польщён, что его "благородием" титулуют, остался непреклонен:

- Нет, голубчик! Поедем к околоточному. Извозчик, может быть, штрафом и отделается. А ты, за пердерзостное поведение, в арестном доме насидишься.

- Ох, беда. Да делать, видать, нечего. Поехали, - тяжело вздохнул Алексей и лукаво подмигнул Гирину.

Подбежал встревоженный Кузьма. Лавровский протянул ему двадцати пяти рублёвку и тихо, чтобы не слышал Архипкин, сказал:

- Сдачу отдай Сергею. И передай: у нас всё в порядке, мы на рыбалку поехали, утром встретимся в беговой беседке.

Глава 13

ВЕЧЕР В СЫСКНОМ

- А где Алексей? - удивился Малинин, вернувшись к столу.

- Их с Семёном в участок забрали, - сообщил половой. - А Алексей Васильевич такой довольный, весёлый... Передай, говорит, Сергею Сергеевичу, поехали мы на рыбалку, завтра на ранней поездке увидимся. За обед он заплатил. Вот сдача-с.

Участок... рыбалка... Похоже, Алексей вышел на след полицейского офицера, связанного с мошенниками.

Поручений Аристарх Матвеевич надавал Малинину много. Выяснить в купеческой управе состоит ли в числе московских временных купцов, проживающий в Самаре Иван Васильевич Щебнев. Узнать в Якиманской части кому проданы серые лошади, выбракованные в этом году, при проведении ремонта конского состава пожарной команды. Отправить телеграммы в Ригу, Самару и Саратов... В управление Московской сыскной полиции Сергей попал только вечером. Благо, его давний приятель, регистратор стола приключений Василий Степанов имел привычку засиживаться на службе допоздна.

- Давненько не заглядывал, - обрадовался Степанов гостю. - Присаживайся, чайком побалуемся. Ручаюсь, ты такого никогда не пил.

- От Перловых? - поинтересовался Малинин, имея в виду магазин «Чайный дом Сергея Васильевича Перлова» на Мясницкой улице, славящийся на всю Россию.

- От Дмитрия Алексеевича Расторгуева. Ему через Кяхту такие редкие сорта китайского чая провозят, что и в магазины не поступают, по самым уважаемым клиентам расходятся. Заезжал он сегодня к нам в управление.

- Благодарил?

- Конечно. Кассир у него сбежал. Так мы в три дня нашли, и кассира, и кассу.

Чай оказался восхитительным - с лёгким цветочным ароматом и привкусом неведомых фруктов.

- Тебя, наверное, убийство букмекера Кумакина интересует? - спросил Степанов, наливая по второй чашке.

- Угадал.

- К сожалению, ничего определённого сказать не могу. Мы этим делом не занимаемся.

- Как не занимаетесь? На убийство, ведь, выезжал Сашка Соколов.

- Выезжал. Но потом судебный следователь Победимов решил, что пристав Змеев справится и без нашей помощи. Впрочем, ты лучше самого Соколова расспроси. Он вот-вот должен вернуться... А у нас тут на днях ещё одно любопытное дельце появилось. В какой-то мере с лошадьми связано. Может, что и подскажешь.

- Рассказывай.

- Проводили мы облаву на Солянке на хитровских огольцов...

- Важнее, чем ловить малолетнюю шпану для сыскной полиции дела нет, - усмехнулся Малинин.

- Полностью с тобой согласен, что не мы должны этим заниматься. Но сверху указание поступило. Кухарка Шестёркина с базара шла, а у неё корзину вырвали, и колечко с пальца сдёрнули.

Старшина мешанской управы и гласный Московской городской думы Иван Иванович Шестёркин отличался скандальным характером. К тому же был вхож к

генерал-губернатору. Поэтому связываться с ним не любили. Неудивительно, что полиция незамедлительно приняла меры по его жалобе.

- Наловили десятка два малолеток, - продолжал свой рассказ Степанов. - Стали обыскивать, а у одного при себе три паспорта.

- Тёмные глаза? - поинтересовался Малинин.

- Да, все паспорта фальшивые, - отвечал Степанов, недовольно поморщившись. Он не любил без особой необходимости говорить на "картавом" - блатном жаргоне. Хотя знал его в совершенстве, на досуге даже занимался составлением словаря "Блатная музыка московских трущоб". - Паспорта выписаны на разные фамилии, но, несомненно, предназначались одному человеку: 38-40 лет, среднего роста, плотного телосложения. А, кроме того, у мальчишки нашли аттестат на жеребца конного завода князя Меншикова от...

- От Непобедимого-Молодца и, скорее всего, Каролины, - закончил за приятеля фразу Малинин.

- Так ты в курсе?

- Нет, впервые слышу. Но мы с Алексеем сейчас, как раз, заняты поиском мошенников, которые пекут такие аттестаты. Продолжай, пожалуйста, все это очень интересно.

Допрашивал мальчишку сам начальник управления полковник Муравьёв, известный своим рукоприкладством. Малец попался упрямый. От кого получил документы и кому их нёс, говорить не хотел.

- Догадываюсь, - сказал Малинин. - Муравьёв налил ему как богатому.

- Сергей! - не выдержал Степанов. - Мы с тобой не в хитровской ночлежке и не на этапе. Говори по-русски.

Избитого мальчишку отвезли в больницу при Мясницком полицейском доме, а ночью он бежал. Полиция искала его, но тщетно. Удалось выяснить, что Шалунок, такая кличка была у беглеца, родился на Хитровке. С малолетства побирался, потом обирал пьяных, лежащих у трактиров. Вместе с другими огольцами «работал» по базарам - ватагой набрасывались на торговков, опрокидывали лоток и, расхватав товар, разбегались в рассыпную. За ловкость и гибкость приняли было его в компанию посерьёзнее - в "фортачи", которые совершали кражи, проникая в квартиры через открытые форточки. Но здесь он долго не задержался - после Пасхи с Хитровки Шалунок сбежал.

- Нахамил? - спросил Малинин.

- Нет, укусил кого-то, - ответил Степанов и, в сердцах, плюнул. - Тьфу! Пять минут с тобой пообщался и сам по «фене заботал».

«Нахамить» на «картавом» означало утаить часть общей добычи, а «укусить» - беспричинно обидеть кого-либо из своих.

В комнату вошёл полицейский надзиратель Александр Соколов, маленький, вихрастый, вечно улыбающийся. Несмотря на молодой возраст, он заслуженно считался одним из лучших московских сыщиков.

- Сергей Сергеевич! Наше вам с кисточкой, - распахнул он объятия навстречу Малинину. - Краем уха услышал, что Шалунок интересуется?

- Интересуюсь Саня. Очень надо мне узнать, откуда у него аттестат на рысака взялся и кому он его нёс.

- Кому нёс, не знаю, а вот откуда... Огольцы хитровские кое-что порассказали. Когда они Шалунок на

Солянке встретили, тот хвастаться начал. Я, мол, сейчас на Грачёвке, с серьёзными людьми знаюсь, жоржи в звонки взяли. Для них, говорит, меньше чем косуля это и не бабки, а я при самом бароне состою.

- Любопытно, весьма любопытно, - заинтересовался Малинин.- Ученик у мошенников, которые счёт деньгам ведут исключительно на тысячи... А барон настоящий или липовый?

- Не знаю, Сергей Сергеевич, - вздохнул Соколов. - Слышал, что зовут так какого-то бирочника из Колосова переулка. Говорят, он любой вид на жительство сделать может. А больше ничего сказать не могу - у меня на Грачёвке своих агентов нету.

- Это вотчина помощника начальника Николаса, - пояснил Степанов. - Поэтому другим сыщикам, кроме его любимчика Тимошки Ватошника, туда дорога заказана.

- Понятно. Грачёвка место доходное... Вася, хорошо бы мне взглянуть на фальшивый аттестат, который у Шалунка нашли.

- К сожалению, Серёжа, у нас теперь новы порядок завели - деньги, документы и прочие предметы, изъятые при задержаниях и обысках, передаются на хранение помощнику делопроизводителя Чистякову.

- Пустили козла в огород, - фыркнул Соколов.

Малинин распрощался с сыщиками. Уже у порога вспомнил:

- Саня, ты, ведь, не только на убийство Митькинаездника выезжал, но и на обыск к Евсееву?

- Выезжал.

- Тебе так на глаза книга не попадалась? Зелёная с золотом.

- Была такая книга.

- А в протоколе обыска она, почему-то, не упоминается.

- Так её помощник пристава Пашка Баяновский себе взял. Сказал, что к делу она всё равно никакого отношения не имеет, а ему пригодится.

Вот это удача! Подключиться к розыску и в первый же день узнать, кто из офицеров полиции связан с мошенниками.

-Здравствуйте, господа!

Стремительной походкой в комнату вошёл мужчина лет сорока пяти, очень примечательной внешности: высокий и широкоплечий; короткие волосы цвета «перца с солью»; небольшие лихо закрученные усы; острый, казалось видящий тебя насквозь, взгляд. Это был начальник управления Московской сыскной полиции полковник Константин Гаврилович Муравьёв.

Сашка, торопливо вскочив со стула, начал было докладывать:

- Ваше высокоблагородие! Дежурный по управлению полицейский надзиратель...

- Сиди, Соколов, сиди. Сам знаю, что происшествий, слава богу, никаких... Чаи гоняете? А налейте-ка и мне.

Судя по одежде – смокингу, галстуку-бабочке, ботинкам тонкой кожи – полковник провел вечер в Английском клубе, в который его недавно приняли. А благодушное настроение лучше всего говорило, что вечер был проведён с пользой для дела.

- Сыграл партию на бильярде с самим, - сказал Муравьёв, имея в виду московского генерал-губернатора

Долгорукова. – Обещал он отписать в Петербург о необходимости увеличения нашего штата в связи с предстоящей коронацией Его Императорского величества.

- Превосходно! – обрадовался Степанов. – Значит, теперь самое время подумать о создании антропометрического бюро. Нельзя же, Константин Гаврилович, по старинке, как деда работать!

- Вот именно об этом я с тобой и хочу потолковать.

У Соколова тут же нашлись неотложные дела. В след за ним поднялся и Малинин:

- Не буду вам мешать. Разрешите откланяться.

- Не спеши, Сергей, - остановил его Муравьёв. – Тебя это тоже касается.

- Каким это образом? – насмешливо хмыкнул Малинин. – Я, господин полковник, ежели запомнили, с марта позапрошлого года в сыскальной полиции не служу. Сами настоятельно рекомендовали подать прошение об отставке.

По лицу полковника пробежала тень. Вспоминать эту историю ему было неприятно.

... Начальник управления отличал молодого сыщика Малинина, часто ставил его в пример другим сотрудникам, прочил блестящее бедующее. И, разумеется, у Сергея сразу появились завистники и недоброжелатели.

Полиция вышла на след фальшивомонетчиков. Но кто-то предупредил их о готовящемся обыске. Те успели уничтожить улики и скрыться. Один из бежавших, по стечению обстоятельств, был однокурсником Сергея по университету.

Об этом тут же сообщили Муравьёву. Доложили ему и о том, что «согласно агентурным сведениям, в ночь

со 2 по 3 марта 1880 года на «мельнице» у Цапли, молодой человек, очень схожий внешностью с полицейским надзирателем Малининым С.С., расплатился за проигрыш в банковку десятью двадцатипятирублёвыми фальшивыми ассигнациями».

Муравьёв пришёл в ярость и, вместо того, чтобы внимательно разобраться в этой тёмной истории, предложил своему недавнему любимцу подать в отставку. А летом прошлого года выяснилось, что фальшивомонетчиков предупредил сыщик Яков Байстрюков. Под его же диктовку один их агентов написал, что Малинина видели у Цапли...

- Налей-ка, Вася, мне ещё чайку, - попросил Муравьёв, отгоняя неприятные воспоминания. И, когда Степанов подал ему чашку, продолжал. – Прочитал я вчера брошюру Бертильона, которую ты мне дал. Толковая вещь!

Малинин понял, что речь идёт об изданной в 1881 году во Франции брошюре чиновника Парижской префектуры полиции Альфонса Бертильона «Практическое применение антропометрии».

Антропометрия, как наука, возникла ещё лет тридцать назад. Основой её стала теория бельгийского математика и статистика Ламберта-Адольфа Кетле, согласно которой нет двух людей размеры частей тела, которых полностью совпадают, а длина костей человека с определённого возраста, практически, не меняется. Полицейские многих стран сразу сообразили, что эта наука может пригодиться при регистрации преступников. Первым попытался применить её на практике Стивенс – директор тюрьмы в бельгийском городе Лувен. Он начал измерять голову, уши, ноги, грудь и длину тела заключённых. Через несколько лет попытки применения

антропометрии были предприняты в Австрии, Пруссии, России. Но успехом все они не увенчались. Специалисты долго не могли прийти к единому мнению, что именно измерять. Одни предлагали проводить сорок измерений, другие – шестьдесят. А как записывать? Как потом всем этим пользоваться?

Альфонс Бертильон сумел детально разработать антропометрическую систему регистрации. Он предложил проводить всего лишь одиннадцать самых важных измерений тела – роста, высоты сидя, размаха рук, длины и ширины головы и правого уха, длины левой стопы и предплечья... Предложил он и очень удобную для работы карточку, куда заносились все эти данные. А также отмечались цвет радужной оболочки левого глаза и особые приметы – рубцы, пятна, татуировки.

- А как изящно решил он вопрос с картотекой! – восхищался Степанов. – Вместо того, чтобы располагать карточки по именам, предложил расположить по признакам. Те, у кого голова среднего размера – одна группа. Больше среднего – вторая, маленькая – третья. А внутри каждой группы ещё три подгруппы, в зависимости от длины указательного пальца и так далее... Вы представляете, насколько быстро можно уличить, преступника желающего скрыть своё имя?!

- Вот поэтому с марта нынешнего года система Бертильона в опытном порядке и введена в парижской полиции, - сказал Малинин и пояснил. – Я об этом недавно в «Фигаро» читал.

- Опять нас иностранцы обскакали, - вздохнул Степанов. – Эх, если бы его сиятельство помог увеличить штат!

- Дело не только в штате, - возразил начальник управления. – Толковых образованных людей нам не

хватает. Один раз уже пробовали было ввести антропометрию. Слышали, наверное, чем всё кончилось?

... Об этой курьёзной истории, случившейся ещё в конце 60-х годов, они слышали.

Министр внутренних дел Александр Егорович Тимашев, приехавший в Москву, поинтересовался, помогает ли новшество установлению личностей преступников.

- Очень даже помогает, ваше высокопревосходительство! – бодро доложил, хорошо зарекомендовавший себя в делах сыска, помощник частного пристава, выслужившийся из простых будочников. – Как только попадется, какой неразговорчивый «Иван родства не помнящий», так я ему циркуль к роже и обещаю этой страшной штуковиной глаз на жопу натянуть. Сразу вспоминает, как его звать – величать и откуда родом.

Министр рассмеялся и приказал обер-полицейстеру:

- Прекратить трату государственных денег на приобретение никому не нужных измерительных приборов. Такие орлы и подручными средствами, вроде кочерги, обойдутся...

- Антропометрическое бюро мы в самое ближайшее время создадим, - продолжил Муравьев. – Заведовать им я поставлю тебя, Вася.

- Я с удовольствием, - обрадовался Степанов. – Но сразу заявляю – при бюро необходима фотографическая лаборатория. Предлагаю поручить её Володе Менгдену их 1-го участка Арбатской части.

- Согласен, - кивнул Муравьёв. – А кого вместо себя в стол приключений порекомендуешь назначить? Здесь нужен человек с головой!

Степанов вопросительно посмотрел на Малинина. И Муравьёв тоже.

- Нет, - отрицательно покачал головой Сергей. – Нет.

- Обижаясь до сих пор? – спросил Константин Гаврилович. – Да, признаю, погорячился тогда. Больно уж ловко этот подлец Байстрюков всё подстроил.

- Причём здесь обида? – не, совсем искренне, ответил Малинин. – Просто я понял – служба в полиции не по мне.

- Вот как? А некоторые наши общие знакомые считают иначе. – Муравьёв встал и направился к двери. – Да, чуть не забыл. Я сегодня с Аристархом Карасёвым разговаривал. Он сказал, что ты со своим приятелем-репортёром выполняешь какое-то личное поручение генерал-губернатора. Просил посодействовать, если какая помощь потребуется.

- Потребуется, - обрадовался Сергей. – Мне надо посмотреть аттестат и паспорта изъятые у Шалунка.

- Они в несгораемом шкафу у Чистякова. Приходи завтра утром. А на счёт моего предложения. Серёжа, на досуге подумай.

Глава 14

МЫ, ОРЛОВСКИЕ, ТАКИЕ

- Куда ехать-то, ваше благородие? - спросил Гирин, садясь на козлы. - В Петровско-Разумовский участок?

- К Ходынской водокачке, - распорядился Архипкин, по-хозяйски разваливаясь в пролётке. - Ипполит Андреевич там квартирует. А он уж сам решит, куда вас потом - в участок или сразу в полицейский дом.

Алексею было тесновато.

- А ну подвинься, - сказал он. Теперь, когда цель достигнута и они "арестованные", ехали к Робашевскому с липовым "их благородием" можно было не особо церемониться.

- Да я..., - начал Архипкин, но взглянув на Лавровского, осёкся. Торопливо отодвинулся на краешек сидения.

Околоточный надзиратель Робашевский жил с шиком. Он занимал половину длинного одноэтажного дома, построенного для служащих Ходынского водопровода. Небольшой ухоженный сад. Конюшня на два стойла.

Молодая, пышнотелая служанка встретила их неприветливо:

- Ноги вытирайте, ироды! Только полы помыла. А тебе, Колька, сколько разов говорено, не таскай суда кого попало!

- С тобой не спросился. Где Ипполит Андреевич?

- Где ж ему быть? В столовой, кофий пьёт с энтим охальником - цы...

- Цыц! Кобыла толстозадая! - оборвал её Архипкин.
- Вот я расскажу Ипполиту Андреевичу, как язык распускаешь - вмиг с хорошего места вылетишь. Пойду доложусь. А ты покарауль задержанных.

Женщина, на всякий случай, отошла поближе к уличной двери.

Алексею вспомнились "Наставления для чинов сысской полиции", которые на досуге сочиняли Сергей и его приятель регистратор стола приключений Василий Степанов. Как там у них написано? Кажется так: "Весьма полезно для дела установить приятельские отношения с прислугой в квартире подозреваемого. Ежели прислуга женского пола, то в случае необходимости не возбраняются и более тесные отношения". А что? Хорошая мысль.

- Да, ты, нас красавица не бойся, - улыбнувшись, как можно добродушнее, сказал он. - Мы люди мирные. Не обидим.

- Мирные, - проворчала служанка. - А у самого рожа чисто разбойничья.

- Что за напасть такая, - развёл руками Алексей. - Как только приглянется, красна девица, так сразу рожа моя ей не по нраву... Кисмет!

- Какой ещё кисет?- переспросила служанка.

- Кисмет. Судьба по-арабски.

- Так ты арап что ли?

- Нет, я из орловских.

- Ой, и я тоже! А ты откуда будешь?

- Елецкого уезда.

- Ой, и я оттуда.

- Да я сразу догадался.

- Почему это?

- Всю Россию обошел и нигде таких красавиц, как наши Елецкие, не встречал. Тебя как звать-то?

- Дарьей кличут.

Вернулся Архипкин. Злорадно ухмыляясь, сказал:

- Извозчику велено ждать, а тебя Ипполит Андреевич в кабинет требует. Ох, и не завидую я тебе, бедолаге.

Околоточный надзиратель в халате сидел за письменным столом. По его плохо расчёсанным рыжеватым бакенбардам и усам, помятому лицу чувствовалось - ночь он провёл бурно.

- Так, - пробасил он. - Злостное неповиновение представителю власти при исполнении служебных обязанностей. Ты понимаешь, что тебе за это грозит согласно "Уложению о наказаниях"?

Алексей молчал. Его внимание очень привлекли несколько бумаг, лежащих на столе. Очень уж похожи они на аттестаты, которые коннозаводчики выдают при продаже лошадей.

- Что молчишь, мазурик?

- Насколько мне известно, в штате Московской городской полиции нет должности старшего делопроизводителя околоточного надзирателя, да и младшего тоже.

- Я же докладывал - смутьян, - подал голос Архипкин. - Не из студентов ли?

- Какой из него студент. Скорее каторжник беглый, - околоточный отодвинул бумаги в сторону.

А он не так прост, как кажется, подумал Алексей. Под бумагами лежал массивный полицейский "Смит-Вессон".

- Документ у тебя имеется? Или беспаспортный?

- Имеется, - сказал Лавровский и достал свой открытый лист.

Прочитав его, Робашевский сперва побледнел, а потом побагровел. Вскочив из-за стола, он отвесил звонкую оплеуху своему "делопроизводителю":

- Ты, что творишь, паскуда?! Ты кого посмел задержать? Вон отсюда! Потом я с тобой разберусь...

Околоточный, пинком под зад, вышиб проштрафившегося Архипкина из кабинета. Повернувшись к Лавровскому, залебезил:

- Простите, бога ради, господин Лавровский. Виноват.

Алексею припомнилось, как недавно Владимир Андреевич Долгоруков распекал в своём кабинете заводчика Гужона:

- Что мне с вашей вины?! Как вы посмели?!

Всё-таки приятно иногда оказаться в роли большого начальника. Но надо знать меру, а, то Робашевского кондрашка хватит, тогда уж точно ничего интересного не расскажет. С крика Алексей перешёл на спокойный, сочувственный тон:

- Право не знаю, что делать. Ваш башибузук сорвал мне очень важную встречу. Как Владимиру Андреевичу теперь докладывать, ума не приложу... Чем вы можете объяснить подобный произвол?

- Понимаете, я получил приказ обер-полицмейстера - в связи с возможным посещением Всероссийской художественно-промышленной выставки высочайшими особами запретить стоянку извозчиков вдоль Петербургского шоссе. Вот и послал помощника, навести порядок, велел построже с нарушителями спрашивать... Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт.

- Позвольте узнать, это, с каких пор в околотках должности помощников или делопроизводителей ввели?

- Да нет таких должностей, - вздохнул Робашевский. - А что делать? Вы инструкцию околоточного видели?

- Доводилось.

Когда Алексей впервые увидел этот документ, то, глазам своим не поверил. "Инструкция околоточным надзирателям Московской городской полиции" представляла собой увесистую книгу в триста с лишним страниц. Притом набранных довольно мелким шрифтом. В сотнях пунктов и подпунктов излагались обязанности околоточного по "наблюдению за наружным порядком и надзору за народонаселением". Наружный порядок и надзор за народонаселением трактовались весьма широко. Сюда входило всё! От недопущения проживания на подведомственной территории незарегистрированных жильцов до выявления случаев ремонта домов, производящегося без разрешения городских властей, от присмотра за вывозом домовладельцами снега и нечистот до поимённого знания всех женщин, тайно занимающихся сводничеством. Околоточному предписывалось в дневное и ночное время, как можно чаще, притом только пешком, обходить околоток, проверять несение службы городскими, дворниками и ночными стражами. Он обязан был составлять протоколы о мелких или требующих незамедлительного устранения нарушениях порядка, а остальных задержанных правонарушителей доставлять для разбирательства в участок... Действительно, хлопот полон рот. А кроме всего этого, какие-то "умники" из Министерства внутренних дел возложили на околоточных личное вручение жителям города всех казенных бумаг, направляемых в их адрес - повесток о вызове в участок, к мировому судье, податному инспектору... До реформы,

между прочим, этим занимались "хожалые" - младшие полицейские служащие, имевшиеся при каждом квартале.

- А мой околоток особенный, - продолжал сетовать Робашевский. - Это по числу жителей он, как и все прочие. А по территории побольше некоторых участков. О бойких местах и сами знаете - бега, скачки... Если я буду работать круглые сутки, без сна и отдыха, то и тогда всех дел не переделаю. Вот и пришлось на нарушении идти - помощника нанять. Из своего жалования плачу.

- Насчёт этого не верю, - усмехнулся Лавровский. - А во всём остальном... Так и быть - замнём эту историю. Только хама своего гоните в шею.

- Сегодня же прогону и в околотке запрещу появляться, - заверил, обрадованный Робашевский и предложил. - Не угодно ли коньячку, Алексей Васильевич?

- Угодно. Только мне сперва рапорт генерал-губернатору написать надо. Где бы присесть?

- Пожалуйте в моё кресло. Вот бумага и чернила. А я не буду вам мешать. Когда закончите, в колокольчик позовите - Дарья, всё, что надо принесёт и меня позовёт.

Плотно закрыв за собой дверь, Робашевский вышел. Алексей принялся перебирать бумаги на письменном столе. Так и есть - аттестаты. Два на жеребцов меншиковского завода - братьев Непобедимого-Молодца. Очень модный нынче товар! А третий за подписью самого Александра Васильевича Колюбакина. Оказывается у знаменитого колюбакинского Варвара, дети которого в последнем сезоне очень резво бегут на московском и петербургском ипподромах, тоже есть никому не известный родной младший брат. Больше ничего заслуживающего внимания на столе и в его ящиках обнаружить не удалось. Алексей позвонил. С подносом,

на котором стояли две бутылки очень дорогого французского коньяка "Финна-Шампань" и тарелочки с сыром и лимоном, вошла служанка. На Лавровского она смотрела восхищенно и изумлённо. Ещё бы! Всего четверть часа назад почти арестант, а сейчас дорогой гость самого хозяина.

- Мы, орловские, такие, - подмигнул ей Алексей. - А скажи, красавица, с кем сегодня Ипполит Андреевич кофий пил?

- С цыганом. Михаем его звать. Такой охальник! Так и норовит ущипнуть или облапить.

- Я ему руки-то укорочу, - пообещал Алексей. - Дашенька, а выходные тебе хозяева дают?

- А вам на что?

- Хотел тебя в "Фантазию" пригласить или к "Саксу", - сказал Алексей, имея в виду увеселительные сады в Петровском парке, любимое место отдыха модисток, цветочниц и горничных. - Там чай замечательный, музыка играет.

- Ой, и не знаю даже, - засмушалась женщина. - Разве в эту субботу. Я по субботам вечером к тётке в гости хожу.

- В семь часов вечера буду ждать тебя у "Фантазии". А сейчас позови своего хозяина... И вели, пусть Семёна угостят, а то эта скотина Архипкин ему поесть толком не дал...

Глава 15

НОВЫЙ СЛЕД

Лавровский и Малинин прогуливались вдоль фигурной металлической решётки, отделяющей партер от

бегового круга. Обсуждали события вчерашнего дня. Сергей рассказал о своём визите в сыскное. Алексей, в лицах, передал разговор с Карасёвым, напрочь развеявший возникшие было надежды на скорое завершение дела о мнимых детях Непобедимого-Молодца.

... - Робашевского в оборот надо брать, Аристарх Матвеевич.

- Ну и, что, Лёша, мы ему в вину поставим?

- Фальшивые аттестаты. Где он их взял?

- Где, где... На улице нашёл, когда околоток обходил.

- Михай-цыган у него на квартире прячется.

- Экое преступление! Приютил на несколько дней приятеля без прописки.

- Не просто приятеля - скрывающегося мошенника. Михай недозволенной игрой занимается, деньги, поставленные на Полкана, присвоил... Да его сейчас десятка два игроков ищут.

- Про обвинение в недозволенной игре забудь - его ни кто за руку не поймал. Жалобы о присвоении чужих денег в полицию не поступали. Потерпевших нет, а значит, не было и никакого преступления.

- А продажа жеребца герцогу Лейхтенбергскому?

- Так он не продавал, а только покупателя с продавцом свёл. Хотел, скажет, герцогу услужить и деньжат заработать. А его, бедолагу, самого вокруг пальца обвели. Цыган, ведь, даже комиссионные вернуть согласен... Гехта надо искать.

- Так и он, как Михай выкрутится - такой же посредник.

- Как бы ни так! У него неправильная опись меншиковского завода была. Он её подельнику, при свидетеле, передал, чтобы покупателя дурить. Тем более у нас письменные показания Евсеева имеются. Он от своих слов не откажется?

- Пусть только попробует!

- Это хорошо.

- А со "Щебневым" что делать?

- Ловить. Он нам в первую очередь и нужен. Только, ежели верно угадал приятель твой насчёт "червонных валетов", дело это не простое...

Разговаривая, репортёр и помощник присяжного поверенного не упускали из вида происходящее на беговых дорожках. Алексей, время от времени, делал пометки в записной книжке, секундомер держал наготове. Он пытался вычислить основных претендентов на призы Главного управления государственного коннозаводства и Московского бегового общества в отсутствие мазуринских Арфы, Удачной и Шипки.

С кобылами старшего возраста сомнений не возникало. Серая Зима выгодно выделялась среди всей компании. В прошлом году она легко выиграла долгоруковский приз. Хорошо показала себя на зимних бегах. Удачно начала и нынешний летний сезон - с двух побед. Среди пятилеток, несомненно "фаворитом" была вороная Отвага с конюшни Молостова. А вот четырёхлетки подобралась ровные - трудно было отдать предпочтение одной из пяти лошадей.

- А вот эта мне нравится, - сказал Сергей. - Что-то я её раньше не видел.

По средней дорожке размашкой - крупной свободной рысью, шла очень изящная гнедая кобыла.

- Чаруса, собственного завода князя Вяземского. Её недели две назад на бега привели, - пояснил товарищу Алексей. - Мелковата, на мой взгляд, но резвая. Матвей Кучинин говорил, что ему такие четырёхлетки давно не встречались.

Возле призового столба наездник потянул вожжи на себя, потом немного ослабил их, и Чаруса сразу пошла полной рысью. Алексей щелкнул секундомером.

- Как идёт! - восхищался Малинин. - Лёша, ты посмотри, как идёт! Просто летит... Эх, заскакала...

Выходя из левого поворота Чаруса, перешла на галоп. Сделала один скачок, второй, третий... Только после девятого наезднику удалось поставить её на рысь.

- Матвей сам виноват. Лошадь бежит в полную силу, а он её всё посылает и посылает, - проворчал Лавровский, - А Чаруса кобыла классная! Но мазуринская Шипка всё равно лучше.

- Мазуринская, - задумчиво повторил Малинин. - Мазуринская... А ты не допускаешь, что неожиданная продажа мазуринских кобыл это ещё одна проделка мошенников, которых мы ищем?

- По-моему, мой друг, ты чересчур увлёкся - все аферы, случившиеся в Москве за последние месяцы готов записать на счёт "последнего из валетов", - не согласился с ним Лавровский.

- Увлёкся? Ничего подобного. Вчера я внимательно перечитал судебные отчёты, которые печатались в газетах. Одним из 49 обвиняемых по делу о "Клубе червонных валетов" был Алексей Сергеевич Мазурин. Чистым из этой истории он вышел чудом...

... Алексей Мазурин обвинялся в том, что вместе со Шпейером и ещё двумя "валетами" вовлёк в кутежи и

разгул молодого купца Клавдия Еремеева. Когда тот допился до чёртиков (он действительно заболел «белой горячкой»), его в очередной раз заставили подписать векселя. Долговые обязательства были выданы на имя Мазурина. Не последнюю роль сыграл Алексей Сергеевич и в обмане конеторговца Николая Попова, в результате чего мошенники получили восемь превосходных рысаков.

На предварительном следствии Мазурин путался, давал противоречивые показания. Вначале заявил, что никаких векселей не получал. Потом признался - получил, не ведая о неменяемом состоянии Еремеева. А вскоре опять начал отрицать факт получения... А Попова, по его словам, он обманывать не желал и действовал "не в расчёте на барыш, а исключительно из чувства личной приязни к нему".

Еремеевские векселя и подписанное Мазуриным поручительство о платёжеспособности покупателя поповских лошадей судебному следователю и сыщикам найти не удалось. Это ловко использовал в своей речи Фёдор Никифорович Плевако, защищавший Мазурина в суде. Адвокат сумел убедить присяжных заседателей, что его подзащитный молодой и житейски неопытный человек виноват только в одном - в чрезмерной доверчивости. Но за неразборчивость в знакомствах, говорил Плевако, Алексей Мазурин и так уже достаточно наказан - длительным пребыванием под следствием и судом, ожиданием возможного сурового приговора. Присяжные заседатели вынесли вердикт - невиновен...

- А теперь представь, что векселя и поручительство у Шпейера, - рассуждал Малинин. - Вернулся он с этими бумагами в Москву и предложил Мазурину - или тот помогает ему за бесценок заполучить Арфу, Удачную и Шипку, или ...

- Шантаж? Похоже, мой друг, ты прав. Ни чем иным не возможно объяснить странное поведение Мазурина, подтвердившего подлинность весьма сомнительной "запродажной". Надо нам для начала к Ситникову повнимательнее присмотреться. Пожалуй, этим сегодня и займёмся.

- Но мы собирались сегодня в Люблино, Гехта искать.

- Аристарх Матвеевич опасается, что вспугнём мы немца. Просил повременить. Он какого-то своего приятеля из губернского врачебного управления туда с нами послать хочет.

- Ловко придумано! - восхитился Малинин. - Кто посмеет отказать чиновнику, пришедшему проверять состояние отхожих мест и выгребных ям?! Все дачи осмотреть можно, ни кто и не заподозрит. Ох, и хитёр Карасёв. Нам у него ещё учиться и учиться.

- А вот насчёт Баяновского он ошибся. Крепко расстроится старик, когда узнает у кого зелёная книга... Смотри Размах поехал.

- Красавец!

Девятилетний жеребец Размах, в самом деле, отличался изумительной красотой - серебристо-белый, с длинным хвостом и пышной гривой. Он был прекрасно выдержан - ни фунта лишнего веса. Старые беговые охотники говорили, что он обладает всеми качествами необходимыми для настоящего призового рысака - силой, резвостью и охотой к езде.

Размах прославил мало кому известный до него конный завод саратовского помещика князя Еникеева и своего наездника молодого Гавриила Егорова. На его счету были победы в самых престижных призах - Главного

управления государственного коннозаводства, Большом Московском и Большом Императорском. В прошлом году Размах первым среди русских рысаков "разменял" пять минут - прошёл дистанцию в три версты резвее пяти минут.

- Какой приём! С места и сразу на полную рысь... Как вожжей слушается - на малейший посыл отвечает... Нет, Лёша, ты не прав. Полкану до него далеко. Лучше Размаха на московских бегах сейчас никого нет.

Лавровский не разделял восторгов Малинина:

- Жеребец хорош, что и говорить. Только замучили его - каждое воскресенье бежит. Ему бы перед призом роздых дать, а Гаврила опять в резвую пустил. Зачем спрашивается?

- Как это зачем? - возмутился Малинин. - Недавно я читал один спортивный журнал...

- Американский?

- Наш! Так вот, будет тебе известно, такой уважаемый человек как ...

На чьё авторитетное мнение хотел сослаться Сергей, узнать Алексею не удалось.

- Здгавствуйте, господа. Стгашно гад вас видеть.

Обернувшись, они увидели корреспондента нескольких парижских газет и журналов Анри Лансиньяка.

Француз, как всегда был бодр и весел. Хотя по свежему запаху хорошего шампанского и слегка затуманенному взгляду, чувствовалось, на бега он приехал прямо из ночного ресторана.

- Нет ничего лучше после бессонной ночи, как подышать угненной прохладой и полюбоваться гысаками, - сказал Лансиньяк.

- Не знал Анри, что вы такой большой любитель лошадей, - удивился Лавровский. - На выставке вы всё время в промышленном отделе.

- О, это служба, - улыбнулся француз. - Наши газеты интегесуют гусские железные догоги, лес, уголь... А моя стгасть гысаки.

Когда мимо них промчался вороной Наветчик, который наряду с Полканом и Размахом считался одним из основных претендентов на победу в императорском призе в следующее воскресенье, Лансиньяк пришёл в полный восторг:

- Этому жегебцу нет гавных! Не задумаваясь купил бы его! Но не пгодают, чётг побегии!

Хвастовство французa вызвало у Малинина невольную усмешку - богатых репортёров он отродясь не встречал. Заметив это, Лансиньяк пояснил:

- Не для себя.

Из его рассказа Лавровский и Малинин узнали, что отправляясь в Москву он, получил редкую возможность совместить полезное с приятным. Несколько французских коннозаводчиков, в том числе граф де Круа, поручили ему покупку лошадей, выделив для этого очень крупную сумму. Коннеторговец из газетчика оказался плохой. До сих пор ни одного классного рысака ему приобрести не удалось. Мало того, недавно чуть не стал жертвой обмана. Ему предложили купить ... младшего брата Красивого-Молодца.

- Но меня нелегко об... как это по-гусски...

- Облапошить, - подсказал Алексей.

- Нет, Объе...

- Объегорить.

- Да, объегогить! Меня нелегко объегогить. Я посоветовался с господином Сахновским. Он пгедостегёг меня от необдуманной покупки.

- Поосторожнее надо с нашими барышниками, - посоветовал Малинин. И будто так, к слову, поинтересовался. - Цыган, наверное, жеребца сватал?

- Цыган? - изумился Лансиньяк. - Что вы! Это уважаемый человек, котогый по долгу своей службы сам обязан... Впгочем, бог с ним... Но я так гассегдился, что не стал покупать его собственную кобылу. Жалко, такая кгасавица, и так поэтично зовут - Лебёдка... Но извините, стгашно тогоплюсь.

Глядя вслед французу, Малинин тяжело вздохнул. Круг подозреваемых расширился. Кобыла по имени Лебёдка была на московских бегах в настоящее время только одна. Принадлежала она судебному следователю Владимиру Фёдоровичу Кейзеру.

К ним подошёл служитель бегового общества:

- Вас просят в беседку-с.

Глава 16

САЛАТ ОЛИВЬЕ

Прошлым летом Лавровский и Малинин оказали большую услугу Московскому Императорскому обществу любителей конского бега. Они разоблачили шайку преступников, пытавшихся прибрать к рукам тотализатор, и спасли доброе имя, а возможно и жизнь Александра Васильевича Колюбакина. С тех пор они были желанными

гостями в членской беседке и даже в ложе вице-президента.

Сейчас в ложе собралась вся беговая администрация - вице-президент Коллюбакин, казначей и секретарь Приезжев, старшие члены Пейч и Сонцов, председатель суда чести Бутович. Были здесь и несколько известных спортсменов - Стахович, Ржевский, Коноплин.

- Давненько не заглядывали, - басил Коллюбакин, по-приятельски обнимая их. - Рад видеть!

- Мы к вам за содействием, - сказал Приезжев, отличавшейся энергичностью, порой переходящей в суетливость. - Надо покритиковать в газетах московскую полицию, которая не уделяет должного внимания пресечению недозволенной игры. От этих букмекеров общество несёт большие убытки...

- Да подожди ты, Павлуша! За завтраком всё расскажешь, - перебил его Коллюбакин. И пояснил. - Мы ведь как вечером собрались, так до ранней поездки и просидели за беседой о делах общества. Со вчерашнего дня никто ничего не ел.

- Огорчу вас, Александр Васильевич, - вступил в разговор Пейч. - Но завтрака не будет. Буфетчик с воскресенья горькую пьёт.

- Экий мерзавец! - возмутился было Коллюбакин, но тут же успокоился. - Делать нечего, в "Эрмитаж" поехали.

- В такой ранний час ресторан ещё закрыт, - заметил молодой Николай Коноплин.

- Ничего, Коля, - успокоил его вице-президент. - Оливье меня уважает. Авось не даст помереть с голода.

Ресторан "Эрмитаж Оливье" был открыт в середине 60-х годов на Трубной площади французским кулинаром Люсьеном Оливье и купцом Яковом Пеговым. По всем статьям "Эрмитаж" походил на парижский ресторан самого высокого разряда - сверкающие зеркала и люстры, дорогая удобная мебель, самая изысканная кухня. Здесь можно было отведать руанских уток, красных куропаток из Швейцарии, выловленную в Средиземном море "рыбу-соль" - королевский морской язык. Под стать этим деликатесам были и напитки - всё, что угодно, вплоть до коньяков столетней выдержки. Только одно напоминало, что вы не в Париже - официанты одетые не во фраки, а в белоснежные рубашки тонкого голландского полотна. Публика здесь собиралась солидная - иностранные предприниматели, преуспевающие адвокаты, модные литераторы. Но преобладало старое московское барство...

Николай Коноплин оказался прав. Ресторан ещё был закрыт.

Оливье, увидев неожиданных, очень ранних посетителей, растерялся:

- Такие дорогие гости, и такой пассаж... Право, не знаю чем вас угощать. Всё съедено, повара уже разошлись, на кухне никого нет, провизию с рынка привезут только часа через два... Кофий я сейчас сварю. Коньяк подам. Но, что на закуску к нему!? Не корнишоны же...

- Вот их и неси, - распорядился Колюбакин. - Помню, когда я эскадрой командовал, не раз пивал коньячок под огурчики. Впрочем, не надо коньяка. Мы лучше, водки выпьем.

На помощь ресторатору пришёл Бутович:

- Люсьен, на кухне, поди, какие-нибудь остатки найдутся?

- Разумеется, Михаил Иванович. Но, что можно из них приготовить?

- Русский солдат кашу из топора сварил. А я, как ты знаешь, в гусарах служил... Алексей, пошли с нами на кухню, поможешь.

На кухне, кроме остатков дичи и мяса, ничего не было. Бутович осмотрел их:

- Так, пара рябчиков... Ещё половинка... Куропатка почти целая... А это, что такое? Язык отварной... Прекрасно...

На минуту он задумался, а потом решительно распорядился:

- Кроши всё вместе. Добавь огурчиков.

- Маринованных или свежих? - спросил Оливье.

- И тех, и других. Листья салата найдутся?

- Да. Только немного заветрившиеся с вечера.

- Кроши и их. Хорошо бы пару варёных яиц и немного икры – только не зернистой, а паюсной.

Француз всплеснул руками:

- Дичь и икра вместе?! Но эти продукты несовместимы!

- Ничего, всё перемешай получше и заправь прованским маслом.

Оливье принялся за работу, а Бутович отвёл Алексея в сторону, и тихо сказал:

- Ещё одно деликатное дело к тебе Алёша имеется. Вчера вечером ко мне Никанор Борисовский заезжал, плакался.

Никанор Мартемьянович Борисовский был человеком богатым. Вместе с братьями и племянниками он владел сахарорафинадным заводом в Сокольниках, бумагопрядильной фабрикой в Переславле, громадным лесным имением и конным заводом на юге России. В беговом обществе Никанора уважали как настоящего знатока рысистых лошадей, но не любили за гордый и надменный нрав.

- Это не по моей части, - ответил Алексей.

До него доходили смутные слухи о том, что недавно Борисовские стали жертвой какой-то ловкой аферы киевского "сахарного короля" Бродского и сейчас несут миллионные убытки. Поговаривали даже о возможности их скорого банкротства.

- Как раз по твоей. Какие-то прохвосты у его непутёвого племянника Женьки обманом выманили Эмина-Варвара. А Никанор так рассчитывал жеребца в завод отправить, классных рысаков от него отвести надеялся.

- Почему в полицию не обращается?

- Опасается, а вот чего не говорит - мнётся.

Алексей насторожился. Ему вспомнилась недавняя встреча у подъезда «Салона до варьете» - пьяный Женька Борисовский под ручку с очень юной спутницей, которая настойчиво приглашала его к себе домой... А может быть это ещё одна афера "валетов"? Эмин-Варвар, сын знаменитого колюбакинского Варвара, давшего много резвачей, куш хороший. Тысяч на десять потянет.

- Ладно. Постараюсь сегодня заехать к Борисовским. А как насчёт жалобы Живаго?

- Как договорились. Мы с ним вчера съездили в окружной суд. Прокурор поручил предварительное следствие очень толковому следователю.

- Не Кейзеру, надеюсь?

- Как раз ему. А что это ты, Алёша, так против Владимира Фёдоровича Кейзера настроен? Человек он хороший. К тому же наш, из беговых – действительный член общества.

Лавровский пересказал ему утренний разговор с Лансиньяком. Бутович был ошарашен:

- Может, напутал чего француз? Не хочется в такое верить. Я ведь от очень надёжных людей слышал о порядочности Владимира Фёдоровича. Уверяют, что он взятки не берёт.

- Подождите Михаил Иванович, - Лавровский достал записную книжку, нашёл. Нужную страницу и прочёл – «Судейский, лет 30-35. В золотом пенсне. Высокий лоб с большими залысинами. Нервный тип – дёргает левой щекой». Вам это описание никого не напоминает?

- Конечно, напоминает! Вылитый Кейзер. И как метко подмечено...

- Этот человек несколько раз бывал в «Мясницких меблированных номерах» у «Щебнева». Да, да у того самого, который облапошил Сергея Живаго, герцога Лейхтенбергского и ещё много кого.

- Всё равно не верится... Да и с Лебёдкой концы с концами не сходятся. Я сам на днях для герцога просил Кейзера уступить кобылу, очень хорошие деньги предлагал. Он отказался...

Их разговор прервал Оливье:

- Салат готов. Прикажите подавать?

- Подожди, - остановил его Бутович. – Сперва попробуем... Прелесть! Добавь ещё специй.

Компания беговых по достоинству оценила новое блюдо.

- Божественно, - сказал Сонцов.

- У меня превосходный повар, но ему, ни разу не удавалось создать такой шедевр, - поддержал его молодой Николай Коноплин, известный как большой гурман.

А Колубакин резюмировал:

- Под водку лучшей закуски и быть не может!

Оливье пришёл в восторг и от нового блюда и от идеи пускать в дело остатки, которые раньше за гроши продавали уличным торговцам или содержателям харчевен Хитровки и Сухаревки. Они сортировали объедки. Те, что покрупнее пользовались спросом у «гурманов» из «бывших». А остальное мелко рубилось, обильно сдабривалось перцем и лавровым листом и запекалось в глиняных плошках. Это блюдо называвшееся «бульонкой» или «собачей радостью», было по карману любому босяку.

- Позвольте, я включу этот салат в карту блюд и дам ему ваше имя.

- Включай, - согласился тот. - А вот насчёт имени... Назови-ка ты его "салатом Оливье". Красиво звучит!

За завтраком Приезжев вернулся к разговору, начатому в беседе:

- Мы к вам за содействием, Алексей Васильевич. Общество последнее время несёт большие убытки. Почти

треть играющих к букмекерам перекинулась. Надо хорошенько покритиковать в газетах полицию за то, что не уделяет должного внимания пресечению недозволенной игры.

Алексей замялся. С одной стороны не хотелось, отказывать в просьбе беговой администрации, а с другой...

«Русские ведомости», «Современные известия», «Русский курьер» и другие влиятельные газеты подобную статью печатать не станут. Они «принципиальные» противники любой игры, как не дозволенной, так и дозволенной. Именно в ней видят они причину всех бед – обнищания народа, пьянства и разврата, роста преступности. Особенно ополчились газеты на бега и скачки. В позапрошлом году, все как одна напечатали речь Фёдора Никифоровича Плевако, в которой он, пытаясь, вызвать у присяжных заседателей сочувствие к своему подзащитному, заявил: «Если строишь ипподром, рядом строй тюрьму!»

Лавровский в своём отчёте об этом суде для «Русского курьера» «развил» мысль адвоката. «Непременно следует построить тюрьму и возле Английского клуба, где по вечерам, а то и всю ночь напролёт, идёт такая игра, о какой беговой и скаковой тотализаторы и мечтать не смеют. Здесь на карту порой ставят десятки, а то и сотни тысяч рублей. И не всегда своих...» - написал он.

Редактор вычеркнул этот абзац и сочувственно сказал:

- Будто сами не знаете, молодой человек, что в Английском клубе почётным старшиной генерал-губернатор состоят, а обер-полицмейстер – постоянным членом.

Больше с просьбами дать статью редакция этой газеты к Лавровскому не обращалась.

Одна надежда на «Московский листок». Николай Иванович Пастухов против игры ничего не имел, а полицию утюжить, всегда рад. Разумеется не всю, а какого-нибудь околоточного надзирателя или участкового пристава.

- Пожалуй, я смогу опубликовать такой фельетон в «Московском листке», - сказал Алексей. – Думаю отчихвостить Петровско-Разумовский участок.

- Почему это только Петровско-Разумовский? – не согласился Сонцов. – Букмекеров полным полно и у Бутырской заставы, и в Грузинах, в Ваганькове...

- Недавно они и на Грачёвке появились, - внёс свою лепту в разговор Оливье. – Мне повар рассказывал, что в пивной у полковницы ставки принимают.

- Тут дело не в одном участке, - продолжал настаивать Сонцов. – Вопрос этот требует решения в целом, как в городе, так и в ближайших сёлах Московского уезда.

- Верно! – пробасил Колюбакин. – По всем сразу ударить надо!

Ругаться со всей городской, а заодно и уездной полицией в планы Лавровского не входило. Неожиданно на помощь ему пришёл Николай Сергеевич Пейч:

- Нет, господа, вы не правы. Напечатает Алексей Васильевич статью. Наживет себе врагов. А проку-то? Вы всерьёз полагаете, что полиция завтра же переловит всех букмекеров? Сколько уже лет её ругают за незаконную торговлю водкой, процветающую в харчевнях и чайных? Который год подряд требуют очистить город от

беспаспортных бродяг, зарегистрировать всех проституток? А воз и ныне там!

- Красиво вы говорите, Николай Сергеевич, - ехидно улыбнулся Сонцов, недолголюбивающий Пейча. – Но делать-то, по-вашему, что с букмекерами?

- Ничего.

- Как это ничего? – Приезжев от возмущения даже подпрыгнул, чуть рюмку не опрокинул. – Тогда беговое общество совсем обнищает.

- Вы меня, Павел Павлович, не так поняли. Я, действительно считаю, что с самими букмекерами нам делать ничего не надо. А вот игроков от них переманивать необходимо. Согласитесь, сегодня наш тотализатор малопривлекателен для публики. Ставка на победителя – вот и всё, что мы ей предлагаем. Сорвать хороший куш игрок может, только если придёт «тёмная лошадка». А американцы у себя на ипподромах недавно ввели «дубль» - надо угадать победителей в двух заездах подряд.

- Любопытно, весьма любопытно, - заинтересовался молодой Николай Коноплин. – Допустим, что в первом заезде два фаворита, а во втором три... А ведь выдача, в любом случае значительно увеличится! Думаю, заинтересуются играющие «дублем» - пойдут в тотализатор.

Приезжеву предложение Пейча очень понравилось:

- Да, «дубль» вводить надо. Но полностью решить финансовые вопросы мы сможем только тогда, когда построим широкую общую дорожку.

Эта дорожка, по которой можно запускать сразу по шесть – восемь лошадей, была его давней и заветной мечтой.

- А где денег взять? Опять в долги влезть? – недовольно поморщился прижимистый Стахович. – Сорок тысяч рублей сумма немалая. На одних процентах разоримся.

Завязался жаркий и, как всегда, долгий спор о беговых делах. Колюбакин подозвал Оливье:

- А сообрази, Люсьен, ещё пару бутылок холодненькой.

- Один момент. Думаю, что провизию с рынка уже привезли. Что кушать будете?

- Полагаюсь на твой вкус, братец. Он у тебя отменный.

Стало понятно, что затянувшийся завтрак непременно перейдёт в обед. Малинин склонился к Лавровскому и прошептал:

- Я ухожу – мне в сыскное надо. Ты остаешься?

- Нет. Пожалуй, и я пойду – дел на сегодня много.

Глава 17

НЕКОРОНОВАННЫЙ КОРОЛЬ

У подъезда «Эрмитажа» их поджидал Семён Гирич:

- На бегах узнал, что вы у Оливье завтракаете. В Люблино поедем?

- Нет. Аристарх Матвеевич просил повременить, - сказал Лавровский. – Да и в городе дел полно – столько всяких новостей. А у тебя как?

- И у меня новенькое есть, - довольно улыбнулся извозчик.

- Неужто выяснил, на какой даче Гехт отсиживается? – предположил Малинин.

- Нет... Немчур хитрый. Он Ваську Калугина в самом начале Московской улицы отпустил. Пешком пройтись ему, видите ли, захотелось... Про Гехта не узнал. А вот Коська Жданов кое-что интересное рассказал. Про «Щебнева».

- Упрямый ты, Семён, - осуждающе покачал головой Лавровский. – Тебе же велели – не лезь к Коське, вспугнёшь раньше времени.

- А я и не лез – он сам. Как контрамарки у меня увидел, так сразу стал в приятели набиваться. Пообещал подыскать выгодного постоянного седока. А ты, просит, подскажи верную лошадку, в накладе не останешься. Сколько, спрашиваю, поставить хочешь? Сто рублей отвечает, а то и все полтораста.

Семён усомнился, что у Коськи имеются такие деньжищи, но тот побожился: « Сейчас и взаправду нет, а завтра – послезавтра будут, Иван Васильевич, обещал рассчитаться».

- Значит Иван Васильевич, - задумчиво сказал Лавровский. – И «Щебнев» тоже Иван Васильевич. Похоже Коська, действительно, связан с мошенниками.

- Я попробую договориться в сыскном, чтобы установили за ним наружное наблюдение, - предложил Малинин. – Муравьёв вчера обещал содействие.

- Попробуй, - одобрил Алексей. – Но не особо надейся. У сыщиков сейчас из-за выставки и без нас хлопот полон рот... Ладно, бери Семёна, и летите в сыскное. А я в окружной суд. Только сперва заскочу к «трём китам московским».

Из-за раннего времени извозчиков на стоянке возле «Эрмитажа» не оказалось. Оно и к лучшему, подумал Алексей. По Цветному бульвару он вышел на Самотёчную площадь, где находилась ближайшая извозчицкая биржа. Здесь у него был свой надёжный человек по прозвищу «Птичка».

Пастухов, обучавший Лавровского азам репортёрства, сказал ему о Птичке: «Знает много, да не каждому расскажет. Подход нужен».

- Лексей Василич! – обрадовался извозчик. – Садись. Я тебя на своей птичке вмиг домчу куда прикажешь.

Алексей не торгуясь, как любили обыкновенно делать москвичи, сел в пролётку и распорядился:

- К трём китам.

Птичка занимался извозом не первый год, поэтому сразу понял, что ехать надо к Красным воротам, возле которых живут «три кита московских» - первейшие миллионщики Алексеев, Хлудов и Борисовский.

- Ты на Грачёвке часто бываешь? – поинтересовался репортёр.

- Раньше бывал. А теперь ни за какие коврижки не поеду.

- Пошаливают?

- Да пошаливают, Лексей Василич, нынче везде. На этот случай у меня припас имеется.

- Кастет?

- Не... Шкворень. Он сподручнее. В случае чего, отмахуюсь. Другое плохо – податью нашего брата извозчика на Грачёвке обложили.

- Околоточный или пристав?

- Не... Щёголь. Он там нынешней весной, окромя птичек божьих, всё к рукам прибрал. И пивные, и меблирашки, и дома публичные. Теперь вот и до нас добрался. Хочешь ездить по Грачёвке – плати целковый в день. А мне целковые и самому нужны – птичек кормить. Ведь у меня их уже пять штук.

- Пять лошадей?! Да ты просто богач!

- Каких лошадей?! Детей. А лошадь только одна, вот эта самая – птичка.

Оба рассмеялись.

Возле Сретенки их остановил городской.

- В участок захотел? – начальственно рыкнул он. – Почему седок полостью не пристёгнут? Ведомо ли тебе, образина, что за подобные нарушения, соответственно с распоряжением его превосходительства московского обер-полицмейстера...

Обычно в таких случаях Лавровский показывал свой корреспондентский билет и, взяв вину на себя, просил извозчика не наказывать. Как правило, всегда расходились миром. Но вот откровенного хамства он не любил. Судя по возрасту и новенькой форме парень этот без году неделя, как переведён из полицейского резерва в городские. Как говорится, молодой да ранний. Не поучи такого своевременно уму-разуму вырастет настоящий держиморда. Придётся поучить.

- Господин городской, - дружелюбно улыбаясь, начал Лавровский, - разве на занятиях в полицейском резерве вам не говорили, что при общении с обывателями прежде всего следует представиться?

- А ты, что ещё за человек будешь? Документ какой имеется?

По-хорошему не понял, подумал Алексей, сам виноват. И уже без улыбки, доставая бумагу, полученную в канцелярии генерал-губернатора, продолжил:

- Человек я казённый. И документ есть. Читай!

Прочитав, городской побледнел:

- Ваше...ваше... Извините, не знаю как титуловать – в документе ваши чин и должность не прописаны...

- А их тебе и знать не следует. И фамилию мою забудь. Понял?

- П-понял.

- Что?! Отвечай, как по уставу положено.

- Так точно!

- Кто такой? Представься.

- Орлов Михаил.

- Что?! Ты в кабаке или на царёвой службе?!

- Так точно! На службе. Городовой 3-го разряда 2-го участка Сретенской части Орлов.

- Что же ты, Орлов, полицию позоришь? Ведёшь себя как башибузук турецкий.

- Виноват.

- «Инструкцию городovým Московской городской полиции» знаешь?

- Так точно! На занятиях по изучению должностных инструкций имел всегда высший балл...

- Проверим сейчас.

Четверть часа гонял Алексей городского по «Инструкции», благо недавно, готовя статью для газеты, читал её. Задавал самые каверзные вопросы. Остался доволен:

- Вижу, знаешь. Да толку мало. Как же так получается?

- Виноват, - потупился городской. – Бес попутал.

- Доложишь участковому приставу, майору Капени, что доверенное лицо генерал-губернатора негласно инспектирующее территорию вашего участка сделало тебе замечание.

Орлов тяжело вздохнул. Капени, выслужившийся в приставы из простых городских был известен требовательностью к подчинённым.

Алексею стало жалко Орлова:

- Ладно, не докладывай. Но смотри у меня! Извозчик! Поехали.

Птичка вытер вспотевший лоб:

- Выручил ты меня, Лексей Василич. Не будь тебя, ободрал бы меня этот орёл как липку.

- Выручил, - хмыкнул Лавровский. – Сам тебя под монастырь и подвёл. Вечно забываю пристегнуться... Так говоришь, всех подмял под себя Щёголь?

- Всех - Барона, Самсона, Оську-еврея...

До какого-то неизвестного ему Оськи Лавровскому дела было мало. А вот первые двое представляли интерес. Барон подозревался в изготовлении аттестатов для несуществующих братьев Красивого-Молодца и фальшивых паспортов. Самсон,

вроде бы, никакого отношения к хороводу «Щебнева» не имел. Но вспомнились вдруг слова пристава Замайского о том, что Самсон виртуозно владеет «Каролиной Ивановной» - гирькой на ремешке. А вдруг?

- А Самсон, - как можно более равнодушным тоном сказал Алексей. – Знаю. Брат покойного Семёна Картузника. Он вышибалой служит в публичном доме у этой, как её... запамятовал...

- Не... Он сейчас в пивной у полковницы за порядком следит.

- Полковница? Это высокая такая, толстая? Помню. Она пьяных на Цветном бульваре замарьяживала. Так теперь у неё своя пивная?

- Считай, что своя. Щёголь подарил. Он ведь её полюбовник.

- Ну надо же! А вот Барона , что-то не припомню.. Подожди... подожди... Длинный, в очках!

- Да, нет! Щуплый такой, рыженький. Он ещё в фуражке с кокардой всегда ходит.

- Вспомнил! Это который любые удостоверения строчит?

- Он самый.

- Тоже поди у полковницы ошивается?

- Само собой... Ты, Лексей Василич, кота за хвост не тяни. Тебе, поди, адрес пивной нужен?

- Нужен.

- Не бывал я там, но знаю, что где-то в Малом Колосовом переулке, во дворе. Ты, конечно, мужик отчаянный, только имей в виду – там чужих не любят.

- Ладно, бог не выдаст, а свинью мы и сами съедем...А скажи-ка, друг мой, Щёголь, он какой масти будет? Из «Иванов»?

- Не... Похоже из настоящих господ. Вальяжный такой, одет всегда как картинка... Собственных рысаков держит! На одном по городу катается, а другой на бегах. Того, который в городской езде я видел. Красавец! Пожалуй не хуже моей птички.

- Зовут-то как?

- Одного Агатом кличут, а другого Валетом.

- Да не жеребцов, а Щёголя этого!

- Александром Андреевичем.

- А фамилию, случайно, не знаешь?

- Знаю... Ситников... Приехали, Лексей Василич. Двугривенный с тебя.

- Держи. Сдачи не надо, - Алексей протянул ему пятирублёвку. Полученные сведения того стоили.

Он вышел из пролётки и неторопливо направился к воротам городской усадьбы, принадлежащей Никанору Борисовскому и его младшим братьям.

Глава 18

КРАЖА НА ВЫСТАВКЕ

Приехав в управление сыскной полиции Малинин увидел – Алексей, как в воду смотрел, предполагая, что на содействие сыщиков особо надеяться не стоит.

- Извини, Сергей, но сейчас не до тебя, - сказал Степанов и снова принялся просматривать картотеку, время от времени делая какие-то выписки.

- Что случилось?

- Кража на выставке.

... Всероссийская художественно-промышленная выставка открылась в конце мая на Ходынском поле. В 56 павильонах экспонировалось всё самое лучшее, чем могли гордиться отечественная промышленность, сельское хозяйство и искусство. Каждая солидная фирма считала за честь принять участие в выставке и стремилась поразить воображение посетителей, возможных покупателей и клиентов. Главным украшением павильона Златоустовского оружейного завода был огромный герб Российской империи сделанный из сабель, кортиков, штыков и другого холодного оружия. Водочный фабрикант Штритер построил свой стенд в виде Триумфальной арки, состоящей из бутылок выпускаемых им водок и настоек, ликёров и наливок. В экспозиции московского парфюмера Брокара бил фонтан цветочного одеколона. Большой популярностью у публики пользовалась электрическая железная дорога по которой, разумеется за дополнительную плату, мог прокатиться любой желающий... С утра до вечера на выставке было полно народа. Газеты пишут, что ежедневно её посещает, в среднем, более восьми тысяч человек. А по воскресеньям число посетителей превышает тридцать тысяч. Здесь можно встретить представителей всех слоёв общества. От великих князей и министров, фабрикантов и банкиров, до оборванцев с Хитровки, одевших по такому случаю сапоги – босоногие на выставку не допускаются. Порядок обеспечивают двести служащих, нанятых Хозяйственным комитетом выставки и более 160 околоточных надзирателей, городских и пожарных из специально созданного Временного выставочного полицейского управления. Сергей слышал, что за первые недели работы выставки случилось всего три или четыре мелкие кражи.

Притом, всё в отделах, где была выставлена продукция ликероводочных и винодельческих заводов...

- Крупная кража? – спросил он.

- Не то слово. Ночью из витрины золотых дел мастера Крумбюгеля похитили ювелирных изделий на 20 тысяч рублей. Начальство бушует! Муравьёв почти всех наших на выставку отправил. Сам только что оттуда вернулся.

- Накопали чего?

- Ничего существенного. Правда приказчики Крумбюгеля заподозрили одного посетителя - купца из Самары. Даже фамилию его называют. Накануне он, дескать, очень долго крутился возле их витрины... Думаю это пустышка. На любой выставке таких подозрительных десятки.

- Да, дела... А я рассчитывал у вас помощь получить – за человечком одним проследить очень надо.

- Зайди к Муравьёву, попытка не пытка.

Константин Гаврилович Муравьёв нервно расхаживал по кабинету и что-то диктовал канцеляристу. Прервался, когда в дверь заглянул Калинин:

- Заходи, Сергей. Насчёт аттестата я помню. Сейчас допишу запрос и займёмся этим. Ты о наших новостях уже слышал?

- Слышал. А я так рассчитывал на ваше содействие. Очень нужно установить наружное наблюдение за одним извозчиком.

- Извини, ни чем помочь не могу. Каждый сотрудник на счету, - развел руками Муравьёв. Обращаясь к канцеляристу приказал, - Прочти ещё раз, что мы с тобой насочиняли.

- «Полицмейстеру города Самары его высокоблагородию...»

- Да не это! Запрос участковым приставам, читай.

- «В связи с кражей на Всероссийской художественно- промышленной выставке разыскивается мужчина лет сорока, роста среднего, телосложения плотного. Особые приметы – окладистая борода русая с проседью. Может представляться самарским купцом 2-й гильдии Щебневым Иваном Васильевичем. Вам надлежит...» Пока всё.

- Н-да... Убого, очень убого. По такому запросу искать человека одно и то же, что иголку в стогу сена. Но выбрать не приходится... Пиши дальше: «Вам надлежит поручить околоточным надзирателям проверить все гостиницы и меблированные комнаты, находящиеся на территории вашего участка...».

Малинин сперва в такое везение даже не поверил. «Щебнев»! И описание сходится.

- Константин Гаврилович у меня имеются кое-какие сведения по интересующему вас человеку. Позвольте, я надиктую запрос? – попросил он.

- Ну, попробуй, - разрешил Муравьев. – Посмотрим чему ты в частном сыске научился.

И Малинин неторопливо, чтобы канцелярист успевал записывать, начал диктовать:

« По подозрению в краже на Всероссийской художественно-промышленной выставке и совершении ряда других преступлений разыскивается мужчина лет сорока, роста ниже среднего, телосложения плотного, лицо бритое. Меняет внешность с помощью подвесных бород, наклеенных усов и т.д. Может быть одет в долгополый сюртук и сапоги бутылками, визитку и

цилиндр, вицмундир судебного ведомства, форму ахтырского гусара. До 13 июня сего года, по паспорту самарского купца 2-й гильдии Щебнева Ивана Васильевича, проживал в «Мясницких меблированных номерах». Прислуге номеров представлялся секретным сотрудником Департамента полиции, объясняя этим необходимость частого изменения внешности. Вам надлежит организовать проверку гостиниц и меблированных комнат на территории участка. Обо всех случаях обнаружения лиц похожих на разыскиваемого, незамедлительно, по телеграфу, сообщать в управление сыскной полиции. При необходимости проведения задержания проявлять осторожность, так как подозреваемый вооружен револьвером».

Выражение лица канцеляриста, по мере написания, становилось всё более и более изумлённым. Несколько раз он даже прекращал писать и вопросительно смотрел на начальника управления. Но тот коротко бросил:

- Пиши.

Потом Муравьёв подписал бумагу и распорядился:

- Лети на телеграф и скажи, что я прошу, нет не прошу, а требую передать это во все участки вне всякой очереди.

Когда они остались одни, Муравьёв спросил:

- Сведения достоверные?

- Обижаете, господин полковник.

- Это связано с вашим розыском о котором Аристарх говорил?

- Да. Мы ищем мошенников продающих лошадей с поддельными аттестатами. У них там такой «хоровод»! А атаман «Щебнев».

- «Хоровод»? А по подробнее можно?

- Можно. Но при одном условии. Если вы выйдете на этих людей раньше нас...

- Понятно. Вашему розыску мешать не стану. Напротив, чем могу – помогу.

- Слово даёте?

- Обижаешь, Сергей!

И Малинин рассказал. О рижском мещанине Гехте, прячущимся на даче в Люблино. О цыгане Михея, отсиживающимся на квартире околоточного надзирателя Робашевского. О сидельце Пресненского полицейского дома Евсееве.

- Молодцы. Глубоко копнули, - похвалил Муравьёв. – Ну из Евсеева твой приятель, думается, всё вытряс. Насчет поездки в Люблино с санитарным врачом Аристарх толково придумал. Так, что немец за вами. А я займусь цыганом и этой продажной сволочью – околоточным.

- По закону им в вину пока поставить нечего.

- Так то, Серёжа, по закону. Но ведь можно и по совести. Кажется всё порешали?

- Нет. Извозчик Жданов остался.

Муравьёв вздохнул:

- Ну пойми, нет сейчас у меня ни одного свободного сотрудника. Тем более наружное наблюдение не каждому по зубам.

- Жданов две недели возил «Щебнева», а сегодня или завтра должен встретиться с ним для получения денег.

- Вот так сразу бы и сказал.

Он вызвал дежурного полицейского надзирателя – Тимофея Ватошника и приказал ему с сегодняшнего дня,

силами внештатных агентов обеспечить плотное наружное наблюдение за извозчиком с Лубянской площади Коськой Ждановым. Сыщик начал плакаться, что у него для такой задачи нет достаточного количества нужных людей.

Муравьёв рассвирепел:

- Как это нет?! Деньги на агентуру получать ты всегда первый! Посмотришь в ведомость, так на тебя пол-Москвы работает. И извозчики, и разносчики, и мальчишки-газетчики. А как до дела дошло, так сразу никого! Раз нет агентов – сам за ним по пятам ходить будешь. Упустишь – шкуру спущу! Пошёл вон!

Успокоившись, начальник управления повел Малинина в канцелярию. Но посмотреть фальшивые паспорта и аттестаты не удалось. Помощник делопроизводителя Чистяков, у которого хранился ключ от несгораемого шкафа, сегодня на службу не пришёл.

- Заболели они, - пряча ухмылку доложил один из канцеляристов.

- Вот сволочь, - тяжело вздохнул Муравьёв. – Опять запил. Теперь раньше, чем через неделю не появится.

- Что же вы его держите? – удивился Малинин. – Гнать таких в шею надо из полиции.

- Попробуй, прогони. У него рука в министерстве.

Сергей ни как не мог решить, говорить, или не говорить Муравьёву о своём предположении, что «Щебнев» это ни кто иной как Шпейер. Сейчас, те доводы, которые он приводил Алексею, показались ему не очень убедительными. Ведь поднимет на смех – фантазёр, скажет, начитался бульварных романов о парижских и лондонских сыщиках. Нет, всё-таки надо сказать.

- Константин Гаврилович, есть у меня одно подозрение...

Сверх всяких ожиданий Муравьев отнёсся к его рассказу крайне серьёзно:

- Интересно. Очень интересно. Эту версию исключать нельзя. Не такой человек, Павел Карлович Шпейер, чтобы надолго залечь на дно. Спокойная жизнь рантье в Париже или на Ривьере не по нему. Ведь его не только деньги манили. Он игрок! Я ждал, что рано или поздно Пашка выплывет. А Москва для этого самое подходящее место. Здесь у него и друзья-приятели остались, и должники... И внешне этот «Щебнев» похож – среднего роста, плотный... Степанов!

Из своей комнаты выскочил встревоженный Василий Степанов:

- Что случилось, Константин Гаврилович?

- Готовь срочно отношение в Московский окружной городской суд, чтобы тебе незамедлительно выдали для ознакомления все следственные и судебные материалы по «Клубу червонных валетов». Нас интересуют московские связи Шпейера.

- Так это томов пятьдесят! Я один и за неделю не управлюсь.

- Почему один? Надеюсь, Сергей Сергеевич тебе в помощи не откажет?

- Не откажу, – сказал Малинин.

Глава 19

О ВРЕДЕ НЕСПЕЛОЙ «КЛУБНИЧКИ»

Купец 1-й гильдии Никанор Мартемьянович Борисовский имел нрав гордый и надменный. На всех, у кого не было миллионов, смотрел свысока, словно на букашек каких. Но не любили его за другое. Честное

купеческое слово... Многие русские предприниматели относились к нему не только как к красивым, звучным словам. Не писанный закон! Раз пообещал, так выполняй. Даже если себе в убыток. Никанор жил по иным правилам.

Будучи избранным председателем Совета Московского коммерческого ссудного банка Борисовский обещал свято оберегать интересы акционеров и вкладчиков. Но в дела банка особо не вникал, хотя исправно получал жалование побольше министерского – девять тысяч рублей в год. А когда банк, благодаря мздоимству и афёрам его протеже Ляндау и Полянского, оказался на грани банкротства, он подписал годовой отчёт сильно приукрашивающий действительность. Акционеры строили радужные планы, ожидая крупные дивиденды, а председатель Совета тем временем, через подставных лиц, распродал свои акции. Лопнул банк. Члены Совета и директора попали под суд. Правда, Никанор сумел выкрутиться – его оправдали. Но уважения в деловых кругах эта история ему не прибавила.

В беговом обществе Борисовского ценили как большого знатока рысистых лошадей и способного коннозаводчика. Но и здесь его недолюбливали.

- Для него не лошади главное, а сколько за них получить можно, - сказал как-то Алексею Сахновский. – Ну какой настоящий охотник станет продавать весь лучший молодняк собственного завода, а на свою призовую конюшню поставлять материал исключительно второсортный?! Надо же было додуматься продать Турка, Пройдоху, Ротозея... Они Фёдору Макарову за год шесть призов выиграли. А трехлеток, каких отдал – Туманную и Жемчужного, от Варвара. Поверьте моему слову, в следующем сезоне они себя ещё покажут! И ведь счастлив просто! Я, говорит, за них по тысяче двести рублей взял... Алтынник и аршинник он, а не охотник...

- Чего надобно? – спросил дюжий дворник, загораживая дорогу.

- Хозяина твоего.

Дворник окинул взглядом костюм Алексея – потёртый пиджак из «чёртовой кожи», высокие сапоги, картуз с лаковым козырьком.

- Только ему и делов с всякими..., – начал было он, но вдруг что-то вспомнил. – Подожди, а ты, случаем, не репортёр газетный будешь?

- Угадал.

- Тогда проходите. Хозяин на ваш счёт предупреждал. Велел сразу к нему.

- Хорошо ты, любезный, званых гостей встречаешь.

- Извиняйте. Место у нас тут бойкое. Курский вокзал почитай рядом. Увиваются всякие, вот мне и приходится блюсти.

Появился лакей. По мраморной лестнице поднялись на второй этаж. Через богато убранную гостиную – картины в золочёных рамах, китайские вазы на столиках, беккеровский рояль – прошли к кабинету.

- Господин Лавровский, - доложил лакей.

- Пусть заходит, - пробасил Борисовский.

Не поднимаясь из кресла, купчина слегка кивнул головой в знак приветствия. Сесть не предложил.

- Дело у меня до вас, сударь, серьёзное.

Что же это за день сегодня выдался, мелькнуло в голове у Алексея, хам на хаме и хамом погоняет. Придётся и этого поучить.

- А ко мне с другими и не обращаются – такса у нас с компаньоном высокая, не каждому по карману. Надеюсь, вы в курсе?

- Конечно, конечно... Да вы присаживайтесь, - спохватился Никанор Мартемьянович. - Угодно будет сигару?

- Благодарю. Но курю исключительно один сорт, - вальяжно развалившись в кресле, Алексей достал «гавану» и принялся её раскуривать. – Слушаю вас.

- Тут такая оказия приключилась. В воскресенье какие-то разбойники отняли у моего племянника рысака.

- Отняли? Открытое завладение чужим имуществом или попросту говоря грабёж... Такими мелочами мы с компаньоном не занимаемся. В полицию вам обращаться надо, - Алексей сделал вид, что хочет встать. – Позвольте откланяться.

- Подождите Алексей Васильевич. Не всё так просто.

Оказывается и имя-отчество знает, усмехнулся Лавровский, а то – сударь, ещё бы любезным, как полового или дворника назвал.

- Не совсем, чтобы открыто отобрали... Он им сам отдал и рысака и аттестат.

- Ничего не понимаю. Что значит отдел? Извольте говорить вразумительно. Проиграл в карты? Проспорил? Подарил?

- Да с девицей он одной познакомился. А она малолетней оказалась. Сидят они, чай пьют, а тут мать её...

Алексей сразу вспомнил вечер у подъезда «Салошки»: пьяный Женька Борисовский с очень юной

спутницей под ручку, её предложение кавалеру поехать не к «Яру», а к ней домой. Очередная проделка «хоровода», крутящегося вокруг бегов? Похоже на то. Надо выяснить подробности.

- Полицию говорит вызову, пусть протокол составляют, - продолжал тем временем Борисовский.

Алексей перебил его:

- Никанор Мартемьянович, у вас дурная болезнь была когда-нибудь?

От неожиданности подобного вопроса у почтенного купца аж глаза на лоб полезли:

- Бог миловал. А что?

- А то! Когда к врачам обращаются, то не рассказывают сказки как жасмин нюхал и «гусарский насморк» от того приключился. Само по себе знакомство с малолетними девицами и распитие с ними чая преступлением не является. А вот их растление совсем другое дело. За это каторга полагается... Поэтому, если рассчитываете на моё содействие, рассказывайте, как всё было на самом деле. В подробностях.

- Да откуда мне их знать? Я разве охальничал? Надо племянника позвать.

Через несколько минут появился Женька Борисовский – стройный красивый блондин лет двадцати.

Дядя встретил племянника нелюбезно:

- Паршивец! Рассказывай Алексею Васильевичу всё, как на духу. И врать не вздумай!

В тот день Женька загулял. Позавтракал в «Славянском базаре», пообедал у Тестова, а к вечеру завалился в «Салошку». Потянуло на «клубничку». «Тиролька» из тира была не прочь поехать с ним к «Яру»,

но ждать, когда она освободится, не хотелось. А тут подвернулась очень юная девица. Сама подошла, папироску попросила. Она охотно согласилась «продолжить знакомство», но в «Яр» ехать наотрез отказалась, сказала, что боится встретить там знакомых маменьки. Поехали к ней домой.

- А как же маменька? – поинтересовался Алексей.

- Говорила, что она на богомолье в Троице-Сергиеву лавру ушла.

- Где эта девица живёт?

- Возле Цветного бульвара.

- А точнее?

- Не запомнил я. Пьяный сильно был.

Оставили рысака во дворе двухэтажного дома, под присмотром дворника. Поднялись на второй этаж в богато меблированную квартиру. Там нашлись и фрукты, и шампанское, и хороший коньячок.

- А потом её мать заявила и давай кричать. Девочке, дескать, четырнадцать лет, а ты такой-сякой..., - вздохнул Женька.

- Потом – это когда? – спросил Лавровский.

- Ну, когда я её..ну это ...начал...

- Девчонка сопротивлялась?

- Сперва сама ластилась, сама разделась... А потом как заорёт. Щёку мне расцарапала.

- Неужто в первый раз? – изумился Лавровский.

- Какой там в первый! Она перед этим в постели такое вытворяла!

- Всё понятно. Крепко тебя подловили. За растление малолетней с насилием согласно «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» полагается от десяти до четырнадцати лет каторги.

- Барон так мне и сказал.

- Какой барон? – встрепенулся Алексей.

- Да мать её соседей позвала в свидетели.

- Так, - протянул Алексей. – Так... Описать их внешность можешь или спяну не запомнил?

- Могу. Один, дядя её, здоровый с рыжей бородой, кулаки громадные. Второй неказистый, потрёпанный какой-то, еврейчик. А третий барон.

- Как он выглядел?

Единственное, что запомнилось Женьке в бароне – это фуражка с кокардой.

Роли у «родственников» и «соседей», судя по всему, были расписаны заранее. «Безутешная мать» причитала. «Дядя» пару раз заехал Женьке по морде. Барон, назвавшийся отставным судебным следователем, грозил каторгой. При этом он предупредил: согласно действующему законодательству, в случае подачи жалобы потерпевшей или её родственников дело уже не может быть окончено примирением. Неказистому еврейчику досталась роль доброго и мудрого человека, к советам которого окружающие привыкли прислушиваться.

- Ну, что вы такое говорите? – сокрушённо покачал он головой. – Законопатить молодого человека на каторгу. А оно вам надо? Или вам станет легче от того, что он до самой смерти будет катать тачку? Да, до самой смерти! Ибо в том аду кромешном четырнадцать лет мало кто сможет выдержать. Конечно, вы, юноша, поступили очень скверно – опозорили бедную девушку. Мы-то, люди свои,

будем молчать. Но чем заткнуть рты дворнику и соседям, видевшим, как вы привезли её пьяную на своём роскошном кабриолете? Лиза, таки будут злословить они, пошла по рукам.

Он выдержал паузу и по-деловому закончил:

- Предлагаю маленький гешефт. Вы отдаёте своего рысака. Я помогаю его выгодно продать. Думаю полученного хватит и на сплетников - соседей, и на приданое опозоренной девушке.

Женька согласился. Вместе с рыжебородым они поехали к нему домой за аттестатом.

- Они меня ещё расписку дать заставили, - признался он. – В том, что продал Эммина-Варвара вдове титулярного советника Феоне Ивановне, фамилию замятовал, и причитающиеся деньги получил.

- Всё? – спросил Алексей.

- Всё.

- Сможешь ты дом найти?

- Нет.

- Тогда иди. Нам с Никанором Мартемьяновичем потолковать надо... Да, чуть не забыл. Ты зачем в «Мясницкие меблированные номера» ходил? К купцу одному.

- К Ивану Васильевичу Щебневу? Так он у меня Эммина-Варвара торговал.

- Сколько давал?

- Мену предложил – на двух жеребцов от какого-то Непобедимиго-Молодца.

- Не понравились?

- Я и смотреть не стал. Зачем они мне? У меня собственного завода нет.

- Понятно. И последний вопрос. Как выглядит Феона?

- Высокая брюнетка. Сдобная, - глаза Женьки масляно заблестели. – На мой вкус, аппетитная дамочка. Право, не отказался бы.

- Вон отсюда! – замахнувшись, рывкнул Борисовский – старший. Когда племянник выскочил из кабинета, спросил. – Порадуйте чем или нет?

- Попробуем. Для начала ушлите своего «облома» куда-нибудь подальше.

- Я его на фабрику в Переславль отправлю.

- Вот и замечательно. Если вам начнут угрожать – тяните время и разыщите меня.

- Благодарствую. Сколько с меня причитается?

- Во сколько вы оцениваете Эммина-Варвара?

- В десять тысяч.

- Это вы конечно загнули, ну да бог с вами. После возвращения жеребца, вы платите мне тысячу рублей.

Борисовский крикнул.

- Ещё тысячу за то, что ваш «облом» не пойдёт под суд. Это тоже позже. А сейчас позвольте получить с вас пятьсот рублей на расходы связанные с проведением розыска.

Купец достал бумажник.

Лавровский собирался побывать сегодня в Московском окружном суде. Большой интерес

представляла для него встреча с судебным следователем 8-го участка Кейзером. Ведь. С одной стороны этот человек ведёт предварительное следствие о мошеннической торговле рысаками, а с другой, если верить Лансиньяку, - сам к ней причастен. Но после разговоров с Птичкой и Борисовскими планы его изменились. Грачёвка сейчас важнее.

Грачёвка – местность между Цветным бульваром и Сретенкой – одно из самых нехороших мест Москвы, пожалуй, ещё похлеще, чем Хитровка и Хипиловка. Как недавно написал один из фельетонистов, обличающий пороки современного общества, «здесь даже до наступления вечерней темноты идёт и в будни и в праздники грязный и откровенный разгул». В Большом и Малом Колосовом, Соболевом, Мясном, Сумниковом и других переулках давно и прочно обосновались публичные дома. От самых роскошных, ночь в которых обходится клиенту не менее десяти рублей, до простеньких, где любого желающего готовы по-быстрому обслужить за тридцать – пятьдесят копеек.

Борделей около сотни. Разумеется, речь идёт только о работающих с дозволения властей, а сколько подпольных – бог весть. Питейных заведений ещё больше.

- На каждой сотне шагов полсотни кабаков да пивных, - рассказывал Алексею Пастухов, знакомивший его с «достопримечательностями» Москвы. – Публика там такая собирается, которой даже в ночлежках Хитровки появляться опасно, вмиг полиция заметёт.

Вот в это премилое местечко и вели все следы розыска. Ситников, он же Щёголь, Барон и Шалунок, Самсон и полковница, а теперь ещё и вдова титулярного советника Феона Ивановна, так или иначе, были связаны с Грачёвкой.

Находилась Грачёвка на территории 2-го участка Сретенской части. Вот туда Алексей и отправился.

На доверительный разговор с участковым приставом коллежским асессором Капени рассчитывать не приходилось. Знакомы они были шапочно – встречались несколько раз на пожарах. Показывать открытый лист и требовать всемерного содействия? Не исключено, что уже сегодня, кому следует, станет известно, что ими заинтересовался сам генерал-губернатор. Нет, тут подход нужен.

- Чем обязан? – спросил Капени. – У нас за минувшие сутки ничего интересного для вас не случилось – ни убийств, ни пожаров. Даже грабежей не было.

- Да я к вам по личному делу, - Алексей постарался придать лицу как можно более смущённое выражение. – Можно сказать, по интимному.

- Излагайте. Посодействую. Если это не противозаконно.

Готовность помочь имела под собой причину. Прошлой зимой за пьяный дебош в участок доставили репортёра «Русских ведомостей» Серёжку Емельянцева. Пристав, не смотря на все уговоры, составил протокол и отправил его к мировому судье. А через месяц Емельянцев так отчихвостил его в газете за несвоевременный вывоз нечистот и снега со Сретинки, что обер-полицмейстер в своём приказе объявил замечание за упущения по службе. С тех пор Капени старался с репортёрами жить мирно, в мелких просьбах не отказывал.

- Был я вчера в цирке Саламанского. Познакомился там с женщиной... Нет, нет, не из «тех» дам – приличная, вдова титулярного советника.

- Хороша? – подмигнул Капени.

- Не то слово, - Алексей припомнил, как описывает всех своих пассий его друг наездник Павел Чернов. Даже языком цокнул. – Не женщина, халва, рахат-лукум... Зовут Феона Ивановна. Живет не далеко от Цветного бульвара. Мне бы её точный адрес узнать.

- Фамилию знаете?

- Нет.

- Н-да... Это несколько усложняет дело. Надо списки всех прописанных просматривать. Точно у нас во 2-м участке живёт? А не с другой стороны Цветного бульвара, в 1-м?

- Точно. Знаю даже, что на втором этаже доходного дома.

- Ладно. Сейчас распоряжусь, найдём вашу вдовушку.

Но распорядиться не успел. Вошёл, вернее, влетел, какой-то молодой полицейский чиновник:

- Ваше благородие, срочная телеграмма из сысского. У них появился подозреваемый в ночной краже на выставке. Полковник Муравьев требует...

Капени выразительно погрозил ему кулаком, указав взглядом на репортёра. Прочитал телеграмму.

- Немедленно вызвать в участок всех околоточных, и позови моих помощников, - велел он. А когда чиновник умчался исполнять приказ, сказал Алексею. - Извините, но вашей просьбой завтра займусь, сейчас не до того. Вы, конечно, о крупной краже на Всероссийской выставке уже знаете?

Лавровский кивнул. Не сознаваться же в том, что почти в двенадцать дня лучший репортёр «Московского

листка» не знает о серьёзнейшем происшествии случившимся ещё ночью.

- Похоже, сыщики что-то разнюхали. Будем проверять гостиницы.

- Можно узнать подробности?

- Не обессудьте, но не имею права.

Алексей выбежал из участка, вскочил в первую попавшуюся пролётку. Не торгуясь, велел:

- Гони на Ходынское поле, на выставку.

Глава 20

НЕОЖИДАННЫЙ ПОМОЩНИК

Василий Степанов ошибся. Следственных и судебных материалов по делу о «Клубе червонный валетов» было значительно больше, чем он предполагал. Они составляли не пятьдесят, а почти сто толстенных томов. Неизвестно сколько времени занял бы самый поверхностный их просмотр, но помог случай. Архивариус Московского окружного суда коллежский ассессор Зорин оказался не чужд литературных трудов – на досуге он пописывал романы-фельетоны на уголовные темы для газеты «Новости дня». Многие сюжеты брал у «валетов», поэтому дело их изучил, как говорится, от корки до корки.

- Павел Карлович Шпейер? – архивариус слегка поморщился. – Не самая яркая личность в этой компании. Вот Костя Огонь-Догановский это фигура! Потомственный игрок. Между прочим, в своё время, его батюшка обыграл в карты на двадцать тысяч самого Александра Сергеевича Пушкина и при этом ухитрился остаться с ним в самых приятельских отношениях. Костя в

него пошёл. Через свои «Кабинеты коннозаводства» ободрал как липку многих заводчиков. А они на суде упрямо твердили – честнейший человек... Или павлоградские гусары – Засецкий, Дмитриев-Мамонов, Калустов. Они все в любительском театре играли. А потом в жизни такие представления с переодеваниями устраивали... Весьма интересен тамбовский мещанин Михаил Сидоров - человек редких артистических способностей... Но всем им далеко до профессора истории Неофитова. Именно ему принадлежала мысль создать преступное сообщество по образу и подобию торгово-промышленных товариществ, с уставом, выборными органами управления, основным и запасным капиталом.

- Создали? – заинтересовался Малинин. – В судебных отчётах, которые печатались в газетах, об этом не слова.

- Предварительное следствие категорически утверждало, что создали. В обвинительном заключении об этом говорилось уже весьма невнятно. А суд полностью отверг всякую мысль об организованном сообществе. И вообще, скажу по секрету, в этом процессе было много странностей. Прокурор отказался обвинять некоторых подозреваемых. Одного, явного мошенника, в день открытия суда упрятали в сумасшедший дом. А присяжные заседатели, как себя повели?! Из сорока восьми обвиняемых оправдали восемнадцать. Оправданные, в основном, люди денежные... Но возвращаясь к Неофитову. Главным, бесспорно, был он. А Шпейер состоял при нём кем-то вроде вице-директора. В его руках находились касса и связи.

- Вот они-то нас и интересуют, - сказал Степанов.

Архивариус освободил половину своего стола. Куда-то сходил и вернулся с двумя стульями. Достал стопку писчей бумаги:

- Располагайтесь, изучайте. Во времени вас не ограничиваю, я всё равно собирался сегодня задержаться на службе – кое-что написать хотел.

Степанов тоскливо посмотрел на полки с томами, попросил, без особой надежды:

- Может быть вы нам поможете? Ведь вы знаете где и что найти можно.

- Рад бы, но к сожалению, - архивариус развел руками. – Сами знаете какое у нас жалование. А тут одна редакция маленький фельетончик заказала. Надеюсь получить гонорар.

- Гонорар? – обрадовался Малинин и достал две красненьких, полученные от Лавровского на непредвиденные расходы. – Это мы с удовольствием.

И работа закипела.

Архивариус брал с полок том за томом, раскрывал на нужных страницах, обращая внимание на самые интересные факты, делился своими соображениями... Степанов и Малинин едва успевали записывать... Уже вечером вышли они из архива. Степанов бережно прижимал к себе папку с целой кипой исписанных листов.

Кого только не оказалось среди близких знакомых и возможных поделельников Шпейера: директор рижской торговой фирмы и тульский помещик, помощник присяжного поверенного и бывший смотритель Московского тюремного замка, ростовщик из Рогожской слободы и содержатель гостиницы «Россия» на Петровских линиях...

Выяснилось, что Алексей Мазурин был далеко не единственным отпрыском именитого московского купечества якшавшимся с «валетами».

- Валентин Щупин был осуждён за растрату. Кроме того, он подозревался в подделке крупных банковских билетов, но не доказали – билет Волжско-Камского банка на шестьдесят тысяч куда-то пропал, - сказал Малинин. – А ведь срок давности по этому преступлению не истёк.

- Полагаешь, что Шпейер станет его шантажировать? – спросил Степанов.

- Не исключено. Щукин человек не бедный, новый суд ему ни к чему. Наверняка попробует откупиться... Слушай, а хозяин ссудной кассы Чистяков, оштрафованный за скупку краденного, вашему помощнику делопроизводителю Чистякову часом не родственник?

- Не знаю, надо будет проверить... А на «похороны» ты обратил внимание?

Степанов имел в виду странное происшествие не задолго до ареста большинства членов «Клуба червонных валетов».

... Однажды вечером на квартиру Шпейера, где кроме хозяина находились ещё трое «валетов» и недавно появившийся в их компании некий Иван Брюханов, привезли гроб. Брюханов лёг в него. Остальные с зажжёнными свечами стали рядом. Заранее приглашённые певчие из одного из лучших церковных хоров, пропели «вечную память». После чего «покойник» с друзьями отправились к «Яру». Их карету сопровождали похоронные дроги с факелами и певчими. На следствии и суде все участники этого кощунственного действия оправдывались тем, что были пьяны. Даже Шпейер,

который, по словам свидетелей, в тот вечер хмельного в рот не брал...

- Пьяный кураж, - сказал Малинин. – Наши московские «обломы» ещё и похлеще отчудить могут.

- Нет, Серёжа. Слишком уж всё похоже на церемонию.

- Присяга? – задумался Малинин. – Похоже, ты прав. Какое преступное сообщество без принесения присяги! Интересно, а свой «телеграф» у них был?

- Имелись и система условных знаков и жестов – мне о ней как-то Муравьёв рассказывал.

За разговором незаметно дошли до «Чернышей». Погода в этот вечер, уже в который раз за лето, преподнесла «сюрприз». Неожиданно поднявшийся сильный ветер нагнал тучи и хлынул ливень.

- Пока до сысского доберёмся до нитки промокнем, – вздохнул Малинин и предложил. - Зайдём к Алексею. Переждём дождь.

- Ты иди, - сказал Степанов. - А мне к одной знакомой заглянуть надо, она в Брюсовом переулке живёт.

Глава 21

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТ «ПТИ ЖУРНАЛЬ»

У касс и турникетов толпился народ. После того, как недавно цены на входные билеты снизились с рубля до 15 копеек, публики стало очень много не только по воскресеньям, но и в будни. Слава богу, Лавровскому в очереди стоять не пришлось – ещё в мае ему выдали именной сезонный билет дающий право бесплатного прохода на выставку через специальные входы.

Возле «Дома администрации» толпилось с десяток знакомых репортёров. К Алексею подошёл Серёжка Емельянцев из «Русских ведомостей».

- С десяти утра здесь – с самого открытия. А выяснить, ничего толком не удалось, - посетовал он. – Слух идёт, кража в главном здании, в галерее VI-й группы.

В VI-й группе были выставлены фабричные и ремесленные изделия из металлов, в том числе из золота и серебра. С утра до вечера толпились посетители у витрин тридцати лучших российских ювелиров, восторгались красотой украшений, приходили в изумление от цен, указанных на ярлыках. Неудивительно! Так, золотая диадема с бриллиантами и жемчужными подвесками, представленная фирмой Болина, стоит 120 тысяч рублей.

- Кого из ювелиров обокрали? – спросил Алексей.

- Не говорят, - развёл руками Серёжка. – Администрация молчит и полиция будто воды в рот набрала.

- У шестовских узнать пробовал? – поинтересовался Алексей, имея в виду служащих Шестовской биржевой артели, которая была нанята Хозяйственным комитетом выставки для продажи и проверки входных билетов, наблюдения за порядком, обеспечения целостности и сохранности выставленных предметов.

- Пробовал, проку мало. Они все злые как черти – убыток им теперь возмещать.

Мимо них торопливо прошёл один из артельщиков – дюжий детина в полукафтани, широких шароварах, заправленных в высокие сапоги, в мерлушковой «боярке». По жетону, Лавровский понял, что это старший сторож.

- Сударь, позвольте вас на минутку, - обратился к нему Лавровский, вертя между пальцами серебряный рубль.

- Извиняйте, Лексей Василич, тороплюсь дюже – к самому нас всех вызвали, - ответил тот. – Да вы меня, гляжу, не признали?

Только тут Алексей узнал Мирона Шапкина, служившего раньше городовым в 1-м участке Лефортовской части, но по болезни вышедшим в отставку.

- Мирон! – искренне обрадовался он. – Ну как ты, на новом месте?

- Опося, как-нибудь потолкуем, начальство к себе требует. А вы никуда не отлучайтесь – сам сейчас к репортёрам выйдет.

- У кого пропажа? Большая?

- У Крумбюгеля. На двадцать тысяч, - шепнул Шапкин и скрылся за дверью «Дома администрации».

Репортёры, уставшие от ожидания, один за другим потянулись в трактир Лопашёва, благо он находился недалеко. У «Дома администрации» остались только двое: Емельянцева, по причине полного безденежья, и Лавровский, точно знавший – словам Шапкина можно верить.

Через несколько минут, действительно, появился красивый, элегантный шатен с пышной шевелюрой и длинной, расчёсанной надвое бородой. Это был генеральный комиссар выставки Александр Борисович Бер. Его сопровождал дюжий седой полковник – начальник Временного выставочного полицейского управления Иван Петрович Польш.

- Ничего не понимаю, - удивился Бер. – Мне сообщили, что здесь собралась корреспонденты всех

столичных и московских газет. А я вижу только представителей...

- «Русских ведомостей» и «Московского листка», - угодливо подсказал Емельянец.

- Самых читаемых московских газет, - веско добавил Лавровский.

- А я имею честь представлять «Матен» и ещё несколько пагижских газет и жугналов.

Этот голос спутать было не возможно. Лансиньяк. Когда он появился, Алексей не заметил.

- Тогда, пожалуй, начнём, - генеральный комиссар достал из роскошной кожаной папки несколько листов бумаги и, то и дело заглядывая в них, стал рассказывать о случившемся. – В ночь на 16 июня в Галерее VI-й группы из витрин ювелиров Крумбюгеля и Хаджаяна похищено разных вещей на сумму до 20 тысяч рублей. По-видимому, вор имел достаточно времени для операции. Сперва им была взломана витрина кавказского экспонента Хаджаяна. Затем он сломал печати и висячий замок витрины господина Крумбюгеля. Были попытки произвести кражи и в других витринах. Но, вероятно, нужных для этого инструментов под руками не было, и попытки остались тщетными. Экспоненты будут вознаграждены за пропавшие вещи из сумм Шестовской биржевой артели, согласно условиям договора, заключённого ею с Хозяйственным комитетом выставки. О том, что делается для исключения возможности повторения подобных случаев, расскажет начальник управления полиции.

Полковник Поль откашлялся и начал своим зычным командирским басом излагать, какие меры уже приняты:

- До сих пор надзор за выставкой был исключительно с наружной стороны зданий, так как

администрация нашла неудобным, из боязни пожара, помещать караул внутри. В настоящее время принято решение об учреждении ночных дежурств. Причём члены Шестовской артели и полиция каждую ночь будут обходить внутренность здания в сопровождении одного из помощников генерального комиссара. Особо строгий надзор установлен в галерее VI-й группы – о подробностях умолчу по причинам необходимости соблюдения секретности.

К тому времени, когда он закончил, пишущей братии собралось уже человек двадцать. Они было полезли с вопросами, но Поль оборвал их:

- Всё, господа, всё! Нам с Александром Борисовичем не досуг – генерал-губернатор ждёт.

Генеральный комиссар попытался смягчить явную грубость полицейского служаки:

- Извините, в самом деле очень спешим. И убедительная к вам просьба – не расписывайте вы это недоразумение. Ничего особенного в нем нет. Самая обычная кража. Такие были на всех выставках – в Вене, Лондоне, Париже... Думаю наш французский гость подтвердит правоту моих слов.

- Газуеется, ничего стгашного. Кгажи были, - сказал Лансиньяк. – Но везде полиция держала пгессу в кугсе гасследования.

Ободренные поддержкой иностранца, репортёры загалдели:

- Вот как в Европе живут!

- А у нас от полиции слова вразумительного не дождёшься!

- Как воры попали в здание? Кто на подозрении? Ничего об этом так и не сказали.

- И не скажу! – рявкнул полковник. – Не положено вам об этом знать пока розыск идёт. Имейте в виду: я решительно запретил своим сотрудникам говорить о краже с шелко... репортёрами.

Глядя ему в след, Лансиньяк покачал головой:

-Стгашный хам. Впгочем ничего не поделаешь – фамильная чегта.

- Почему фамильная? – не понял Лавровский.

- Мне недавно довелось общаться с его отпгыском. Такой же бугбон.

Алексей сразу вспомнил о полицейском офицере, которого Михай-цыган называл Подем. А что если это не имя, а фамилия? Конечно, подозревать в связях с мошенниками заслуженного полковника глупо, но ведь у него есть сын. Вдруг, он служит в полиции?

- Не припомню, кем служит Поль-младший? – спросил Алексей.

Лансиньяк пожал плечами:

- Пгедставления не имею. Но мундиг на нём полицейский. Впгочем, чётгт с ним. У меня к вам интегесное пгедложение.

- Давайте.

Вот уже более двадцати лет «Пти журналъ», что на русский язык переводится, как «Маленькая газета», заслуженно считается одним из популярнейших парижских изданий. Тираж огромный - триста тысяч экземпляров. В каждом номере обязательно какая-нибудь сенсация. Видное место отведено уголовной хронике. Узнав, что Лансиньяк едет в Москву, редакция заказала ему серию статей о Всероссийской художественно-промышленной выставке. Однако предупредила – нужны

не рассказы о русской водке и икре, соболях и чернобурках, а что-нибудь «жаренное» - афёры, грабежи, убийства. Крупная кража ювелирных изделий – тема подходящая. Но Лансиньяк понимает, что ему она не по зубам из-за отсутствия нужных знакомств в полиции и уголовном мире.

- Буду признателен, если станете делиться со мной полученными сведениями. Напишу я сам, а гоногаг пополам.

- Ну и сколько это получится?

- Десять копеек за стгочку.

Заманчивое предложение. Лучшие московские репортёры получают за строчку по пятоку, а Алексею в «Московском листке» платят всего лишь по три копейки.

- Согласен. Только при одном условии. Расскажите, кто хотел вас объегорить при покупке жеребца.

Лансиньяк сразу помрачнел:

- Послушайте добрый совет – не лезте в это дело.

- Почему?

- Тут замешаны стгашные люди.

- Да ну?! Один их них, как я понял из ваших слов, это Кейзер, хозяин той самой Лебёдки от покупки которой вы отказались. Кстати зря – кобыла классная. Чем же Кейзер страшен? Обычный судейский. Зануда правда. Но, в общем, милейший человек.

- Милейший?! Это шеф де банд...э...как это по-русски... голова... начальник...

- Главарь? – подсказал Алексей. - Предводитель?

- Да, да... Пгедводитель шайки бандитов. Утгом в понедельник, я пгиггозил ему газоблачением. А вечегом в

«Салон до Вагъете» ко мне подошли и посоветовали дегжать язык за зубами.

В понедельник... В тот вечер Алексей видел в «Саложке» рыжебородого Самсона с Грачѣвки, в причастности которого к шайке мошенников сомневаться почти не приходилось.

- Кто подошёл? – спросил Лавровский. – Рыжий? Косая сажень в плечах, а кулаки с мою голову? Зовут Самсоном?

- Как зовут не знаю, а по описанию он.

Алексей решил пообиднее задеть самолюбивого француза. Вдруг да и удастся вытянуть из него, что-нибудь интересное? С насмешкой в голосе, сказал:

- Видать крепко Самсон вас застрашал. По сравнению с ним, вам парижские уголовники, поди, невинными гимназистками показались.

- Застгащал? – взорвался Лансиньяк. – О нет! Для подобных типов у меня всегда имеется веский аргумент. Семизагадный. Этого бандита я спустил с лестницы. Но на следующее утро меня посетили двое. Жандагм и полицейский. Пгедупгедили – всместо Погижа я могу оказаться в Сибири.

- За какие грехи?

- Я знаком с некоторыми из ваших политических эмигрантов, бгал у них интегвью. Подбгосить «улики» доказывающие, что я пгиехал в Москву по их погучению не трудно... Но хватит об этом! Я и так сказал много лишнего. Больше ни слова.

Лавровский узнал много больше, чем надеялся. Но и виду не подал. Как можно более равнодушно сказал:

- Ну как хотите. А насчёт кражи договорились. Как только раскопаю, что интересное, сразу к вам зайду. Вы в «Лоскутной» остановились?

- Недавно я пегеехал в другую гостиницу, - Лансиньяк достал визитную карточку, написал на ней несколько слов и протянул её Лавровскому.

От приглашения отобедать у Лопашёва, Алексей, не без сожаления, отказался. Дел на сегодня было слишком много.

Глава 22

ХЛОПОТ ПОЛОН РОТ

Репортёра, как и волка, ноги кормят. Ох, не случайно возникла такая пословица! Много пришлось побегать Лавровскому в этот день.

Он несколько раз обошёл галерею VI-й группы. Пообщался с ювелирами и их приказчиками. От одного из обворованных экспонентов, Хаджаяна узнал, что за день до кражи приметил тот очень подозрительного посетителя, по виду из провинциальных купцов:

- Со мной говорит, то портсигар ему покажи поближе, то цепочку, а сам глазами по сторонам зырк-зырк. Как вор на базаре!

- Представился?

- Даже карточку свой дал. Её потом у меня полиция забрала.

- Фамилию не запомнили, часом?

- Нет, дорогой. Трудный очень ваш русский фамилия. Помню из Самары он.

Выяснил Алексей и причину по которой похитители не тронули самые дорогие экспонаты из витрин лучших московских и петербургских купцов.

- А мы всё самое дорогое после закрытия в нескораемый шкаф убираем. Он у нас не хуже чем в банке Ротшильда, - объяснил приказчик Фаберже. – Болин и Чичилев то же самое делают.

Весьма любопытное предположение почерпнул Алексей из случайно услышанного разговора двух юных посетителей выставки – гимназистов, судя по всему больших любителей книжек о сыщиках.

- Предполагаю, что преступник проник через крышу. Тем более, накануне шёл её ремонт, - важно изрёк один из них.

- Вздор! – оборвал его приятель. – Просто напросто перед закрытием он спрятался у «Пушкина».

Лавровский ещё раз обошёл галерею и у самого выхода в наружный сквер увидел «Пушкина». Огромный бронзовый бюст поэта украшал беломраморный камин выставленный на стенде «Чугунолитейного и механического завода Ф.К. Сан-Галле». Осмотрев камин, репортёр пришёл к выводу – взрослый человек вряд ли сможет в нём спрятаться, а вот подросток...

Николай Иванович Пастухов репортажем с выставки остался доволен.

- В набор. Поставить на первую полосу, - распорядился он. И тут же дал новое задание. – Лети-ка ты, голубь сизокрылый, на Николаевский вокзал. У них, говорят, сегодня все поезда часа на два запаздывают. Разведай, почему.

Полетел. На вокзале выяснилось, что Пастухова ввели в заблуждение – поезда прибывали и отправлялись строго по расписанию. Хотел было уже возвращаться домой, но тут увидел дым со стороны Сокольников. Взяв извозчика, благо деньги имелись, помчался на пожар.

Горели сараи на Ивановской улице, недалеко от ресторана «Золотой якорь». Пожар так себе – строчек на двадцать, не больше. Зато встретил давнего знакомого – пристава 4-го участка Мещанской части. Алексей посетовал ему, что зря ехал к чёрту на кулички.

- Вот и не зря, - успокоил полицейский. – Два часа назад в Сокольнической роще найден убитый извозчик. Свидетелей нет, но и без них ясно – это шалит шпана, которая каждое лето из трущоб к нам «на дачу» перебирается. Судите сами – забрали деньги, сапоги, барахло разное. Даже ведро. А пролётку и лошадь оставили... Ладно, я этой рвани покажу кузькину мать! Завтра под утро устрою облаву – всех тёпленькими возьмём. Только об облаве, пока, не пишите.

- Само собой, – заверил Алексей. – Извозчика зарезали?

- Нет. Голову гирькой размозжили. Запишите его номер и фамилию, в этом секрета нет.

- Диктуйте.

- Номер 1639. А зовут... звали Ждановым Касьяном Ивановичем.

- Твою мать! – вырвалось у Алексея.

- Что случилось? – удивлённо спросил пристав.

- Да карандаш сломался...

... Пастухов похвалил Лавровского за небольшие заметки о пожаре и убийстве:

- Молодец! Нам, как раз, в этом номере, уголовной хроники не хватало... А теперь слетай-ка в цирк – Саламанский обещал дать объявление.

Слетал. Снова вернулся в редукцию. Новых заданий у Пастухова для него, слава богу, не нашлось. Сел писать для Лансиньяка всё, что удалось узнать о краже на выставке...

В общем в «Черныши» Лавровский вернулся поздним вечером.

- А у вас гость, - сказал швейцар. - Господин Малинин. Только он сейчас не в вашем номере, а у Аристарха Матвеевича.

Карасёв и Малинин пили чай. На столе лежали варёная генераловская колбаса, сыр, калачи.

- Присаживайся, Алёша, - предложил Карасёв. – Перекуси, чем бог послал. За день, небось, и поесть было некогда?

- Угу, - уже с набитым ртом ответил Алексей.

- Рассказал мне Сергей Сергеевич про то, что Пашка Баяновский ту зелёную книгу взял. Не верилось мне, что он... - Карасёв вздохнул. – Послал я за ним нарочного. Вот придёт, все вместе с ним и потолкуем.

- Придёт? – усомнился Малинин. – Поздно уже.

- Придёт, - голос старого полицейского стал жёстким. – Когда я зову – все приходят. Сергей Сергеевич, пока Лёша ест, повторите-ка вы ещё разок обо всём, что разведали.

Малинин рассказал о том, что «Щебнев» подозревается в краже на выставке и Муравьёв подключил

к его розыску всю московскую полицию, о своём архивном поиске...

- Муравьёв считает, что это действительно, «валеты», - глаза Малинина азартно заблестели. – Да, чуть не забыл – полковник велел организовать плотное наружное наблюдение за извозчиком Ждановым. Думаю не сегодня, так завтра мы...

- Убили сегодня Жданова.

- Как... как убили?

- Как, как... Гирькой по голове. Вот тебе и вся помощь от твоего Муравьёва.

Слушая рассказ Алексея о Щёголе, взявшем всю власть на Грачёвке, о Борисовском-младшем и малолетней девице, о разговоре с Лансиньяком, об убийстве в Сокольниках Карасёв мрачнел всё больше и больше.

- Да уж, крутая каша заварилась, - задумчиво произнёс он. – Не знаю как и расхлёбывать станем... А насчёт Кости Муравьёва ты, Лёша, не прав. В сыскном у него, чего скрывать, всякой сволоты много. Но сам он мужик порядочный – не продажный.

В дверь постучали.

- Дядя Аристарх! Можно к вам?

- Пашка, шёпотом сказал Карасёв и указал пальцем на дверь ведущую в другую комнату. – Спрячьтесь, не время, потом позову.

Через неплотно прикрытую дверь было слышно каждое слово.

- Здравствуй Паша. Что-то долго тебя ждать пришлось?

- На убийство выезжал дядя Аристарх.

- Что поделаешь, такая уж у нас с тобой служба – хлопот много, жалования мало. Хватает на жизнь-то?

- Пока хватает. А вот как свою семью заведу, будет негусто.

- Неужто дружки твои плохо платят?

- Какие ещё дружки?

- Да те, что рысаками приторговывают.

- Вы, что-то путаете, дядя Аристарх. Я с барышниками дел не имею. Да и в лошадях не разбираюсь.

- А книгу для чего тогда взял во время обыска у «жучка» Евсеева?

- Какую...какую книгу?

- Зелёную с золотом. Опись меншиковского завода. Молчишь? Входите, ребята.

Они вошли. Алексей посмотрел на Павла Баяновского и сразу понял – не тот. Полицейский офицер, который по словам Гоши Ростовцева подсел к нему и Михаю-цыгану в трактире «Молдавия» и рассказал о немыслимой резвости родного брата Красивого-Молодца, был с аршинными усищами и бакенбардами, но без бороды. А у этого борода, как у нынешнего императора. Такую, за пару недель, не отрастишь.

- Позвольте полюбопытствовать, давно бороду носите? – на всякий случай, спросил Лавровский.

- Да с год уже, - растерянно ответил полицейский.

- Аристарх Матвеевич, это не он, - категорично заявил Алексей. – Тот который связан с «хороводом» безбородый.

- Тот, не тот... Ничего не понимаю, - рывкнул Карасёв. - Выходит Сашка Соколов врёт, что Пашка книгу взял?! Не верю! Соколов напраслину возводить не станет.

Баяновский побагровел, как рак:

- Книгу взял я.

- Зачем она вам, если вы не лошадиник? – удивился Малинин.

- Хотел полицеймейстеру Огарёву на день ангела подарить.

- Эх, дурья твоя башка. Учю, учю тебя, а всё без толку, - вздохнул Карасёв. – Этой книжке красная цена пара целковых, а как вещественное доказательство она дорого стоит. Ладно, завтра, на свежую голову покумекаю, как её к делу приобщить.

По голосу и виду Аристарха Матвеевича чувствовалось – он доволен тем, что Пашка Баяновский, которого он с пелёнок знает, с мошенниками не связан. Присвоение важного вещественного доказательства проступок, конечно, то же серьёзный, но святых в полиции нет.

- Переволновался я, что-то, - сказал он. – Сразу и не засну. Надо рюмочку опрокинуть. Составьте-ка молодые люди старику компанию. Коньячок у меня хороший найдётся

Под коньячок с лимончиком завязалась беседа неспешная. Но Алексей в любой обстановке не забывал о том, что он репортёр и следовательно обязан знать обо всех происшествиях в городе.

- Вы говорили, что выезжали на убийство? – спросил он Баяновского.

- Да. Возле «Молдавии» человека застрелили.

- Застрелили? – изумился Лавровский. Случалось в Москве резали, душили, травили ядом. Могли и гирькой по голове угостить, а вот стреляли крайне редко. – Кого, если не секрет?

- Да какие тут секреты, если репортёры со всех газет сбежались. Погибший был личностью довольно известной – бывший ресторанный певец Михай Фэгэраш.

Лавровский взглянул на настенные часы. Около двух ночи. Сегодняшний номер «Московского листка» начнут печатать самое позднее через полчаса. Не успею, подумал он, да и другое сейчас важнее – выяснить все подробности.

- Ещё один! Не иначе этот Шпе..., - воскликнул было Калинин, но осёкся, увидев, как Карасёв приложил палец к губам.

А Аристарх Матвеевич налил всем ещё по рюмке:

- Помянем раба божьего Михая. Пусть земля ему будет пухом.

Выпил и сокрушённо покачал головой:

- Жалко... Эх, душевно он пел... Зачем с «валетами» связался?

- С какими ещё «валетами»? – удивился Баяновский. – Уверен, его убил кто-то из обманутых игроков. Ведь в прошлое воскресенье...

- Многого ты, Паша, пока не знаешь. Тут дело намного серьезнее. Мы им по поручению самого Владимира Андреевича Долгорукова занимаемся... Выкладывай-ка, как всё случилось.

... Михай сидел в «Молдавии» весь вечер. Был очень весёлый. Знакомым объяснял, что сумел достать денег и завтра расплатится со всеми, кто поставил у него на Полкана. Ушёл часов в десять. Трактирная прислуга,

привлечённая звуками выстрелов, высыпала на улицу и увидела лежащего на земле цыгана и уносящийся прочь экипаж.

- На извозчике убийца уехал? – спросил Карасёв.

- Не рассмотрел ни кто. Стемнело уже. Да и дождь, как раз, начался.

- Из сыскного приезжали? – продолжал расспросы старый полицейский.

- Двое сыщиков – Соколов и Рабинович. Потом сам Муравьёв подъехал.

- Ну и как он?

- Сказал, что нам с приставом, после убийства Митьки Кумакина, доверять ничего серьёзного нельзя, поэтому дело вести будет сыскное. Распорядился отправить труп в морг при Тверской части.

Пообещав незамедлительно сообщать обо всех новостях. Баяновский ушёл.

- Что делать будем, Аристарх Матвеевич? – растерянно спросил Лавровский. – Ведь одна за другой ниточки рвутся.

- Да, ребята. Ловкий нам с вами супротивник достался. Но ничего, бог не выдаст, а свинью мы и сами съедим. Люблю я, понимаешь, жареную свинину, да под холодную водочку...

И без всякого перехода стал отдавать распоряжения:

- Сергей Сергеевич, поезжайте с самого утра в сыскное. Чует моё сердце, есть там у Шпейера свой человек. А ты Лёша, в Люблино. Напарника я тебе нашёл надёжного, перед ним все двери открыты. За вами Семён Гирин заедет – я его попросил. А теперь спать идите!

На пороге Алексей остановился:

- Аристарх Матвеевич, засомневался я, что Польша это имя. А вдруг фамилия?

- Ты о младшем Поле? Чиновника особых поручений при обер-полицмейстере, следовало бы тебе в лицо знать. Он, как и Пашка, бороду носит.

Алексей смутился:

- Да откуда мне знать? Он всего недели две из Петербурга переведён. Мне Пастухов сегодня об этом сказал.

- А хоть бы только два дня! На то ты и репортёр газетный! И вот ещё, насчёт следователя Кейзера. Французу твоему, вроде бы, врать незачем... А всё равно, не верится. Ладно, утро вечера мудренее...

Глава 23

ГЕХТ, ШАЛУНОК И ДРУГИЕ

Они стояли на Тверской и ждали Семёна Гирина. Напарник, которого подыскал Карасёв, Алексею понравился. Такой же типичный русак, как и он сам – крупный, светловолосый, неторопливый и добродушный. Правда постарше.

- Младший губернский ветеринарный врач коллежский асессор Соболев Иван Васильевич, - крепко пожав руку, представился он. – Только давайте без чинов. Можно и без отчества.

- Договорились, - назвав себя, согласился Алексей. – А мы с вами, похоже, уже где-то встречались.

- На беггах, поди, - добродушно проворчал Карасёв. – Ваня такой же заядлый лошадишник как и ты... А вот и

Семён. Ты, Лёша, там поосторожней, на рожон не лезь. Вдруг на даче не только этот сморчок Гехт, а кто посерьёзнее. Самсон, допустим.

- Не волнуйтесь. Аристарх Матвеевич. Если, что – помогу. Два таких богатыря любого Самсона скрутят и Далилу впридачу, - засмеялся Соболев. И пояснил Алексею. – Я пять лет на Кавказе служил, в Нижегородском драгунском. Довелось не только коней лечить, но и абреков ловить.

Дорога была не близкая. Через Красную площадь, Варварку и Солянку, на Таганку, а оттуда по Воронцовской улице к Спасской заставе. Гири́н долго не решался говорить при незнакомце. Наконец не выдержал:

- Алексей Васильевич, тот человек, который вас интересу́ет, вчера под вечер уехал с рыжим. До ночи на Лубянку не вернулся.

- Уже не вернётся, - вздохнул Лавровский, но в подробности вдаваться не стал. Обращаясь к Соболеву, сказал. – Об опасности Аристарх Матвеевич не шутил. На счету этой компании три убийства.

Соболев остался невозмутим:

- Он меня, в общих чертах, посвятил в дела. На всякий случай я захватил револьвер.

- Предусмотрительно. Только не палите без особой необходимости. Гехт нам живым нужен.

- Договорились. А вот набить морду этому проходимцу руки так и чешутся, чтобы не смел породу русского рысака портить... Да, Алексей Васильевич...

- Без отчеств, мы же договорились.

- Запомню, извини. Прочитал на днях в «Московском листке» ваш отчет о воскресных бегах. Вы,

что всерьёз полагаете, Полкан установит новый рекорд на три версты?

- Уверен. А чем вам Полкан не нравится?

- Полкан жеребец классный, происхождение лучше и не бывает. А вот наездник! Не умеет Московкин лошадей беречь, все силы из них вытягивает.

- Напраслину возводите, - обиделся за приятеля Алексей. – Вы его с Гаврилой Егоровым, часом, не спутали? Вот тот, действительно, из Размаха все силы вытянул.

- Не спору. Но и Московкин недалеко от него ушёл. Если готовишь жеребца на рекорд, зачем за неделю на приз ехать надо было? Да ещё совсем на другую дистанцию?

- Во-первых, это решает не наездник, а владелец. Во-вторых, Московкин Полкану целую неделю отдыха дал, никакой резвой работы.

- Многие полагают, Наветчик рекорд побьёт, а Полкана и Размаха за флагом оставит, - не выдержал долгого молчания Гирин.

Лавровский и Соболев тут же дружно объединились против него. Завязался долгий спор о лошадях и наездниках. Прервался он только в конце Воронцовской улицы. Поднявшийся ветер принёс «ароматы» ассенизационного обоза, стоянка которого находилась поблизости, и городской свалки нечистот у Спасской заставы.

- Ну и запах, - поморщился Алексей.

- Знаете сколько таких свалок в окрестностях Москвы?- спросил Соболев.

- Нет.

- Тридцать! Давно пора устраивать канализацию как в европейских городах. А нам Городская дума пока «устроила» только очередную комиссию. Четвертый год вопрос обсуждают, договориться ни как не могут.

- Ничего, потерпите малость, - обнадёжил их извозчик. – До Люблинской роши доедем. Там не воздух, а благодать!

Проехав вёрст шесть по Бронницкой дороге, свернули направо, на просёлок обсаженный деревьями.

- Вы бывали в Люблино? – поинтересовался Соболев.

- Не приходилось.

- Изумительные места. Огромная, на две версты роша, пруд, холмы...Кстати, цены на дачи здесь вполне приемлемые, намного дешевле чем в Пушкине.

- Много дач? – спросил Алексей.

- Штук пятьдесят.

- Долго их обходить придётся.

- Думаю, к обеду управимся.

- А под каким предлогом будем заходить?

- Проверка санитарного состояния в связи с выявлением случаев заболевания чумой крупного рогатого скота в Воронежской губернии. А хотите, сошлёмся на эпидемию ящура в Тмутаракани? Можно и на холеру...

Но проверять ничего не пришлось. Они въехали в рошу и увидели идущего навстречу человека с саквояжем в руке.

- Гехт! – обрадовался Лавровский. – Карл Карлович Гехт собственной персоной.

Полковник Муравьев был мрачнее тучи. Вечером его вызвал обер-полицмейстер Янковский и предупредил – если дерзкая кража на Всероссийской выставке не будет раскрыта в самые кратчайшие сроки, то их обоих отправят в отставку.

- И, возможно, не только нас. Ведь это вопрос большой политики, - тяжело вздохнул он. – Осенью государь-император намерен посетить выставку. А кое-кто в высших сферах нашёптывает ему, что этого делать не следует. В Первопрестольной, мол, слишком опасно, никакого порядка нет... Вы уж постарайтесь, полковник. Просите любую помощь. Считайте, что весь полицейский резерв в вашем распоряжении. Если потребуется, Московский жандармский дивизион привлечём. Могу и с начальником охранного отделения Скандраковым о содействии потолковать. Благо мы с ним, в последнее время, нашли общий язык.

Помощь это, конечно, замечательно. Силами полицейского резерва и жандармов можно такие облавы провести – ни одна мышь не проскочит. Только мало толку. Об облавах преступники знают заранее. Муравьев больше не сомневался – предатель завёлся в его собственном управлении.

Вчера, после разговора с Малининым пригласил он к себе околоточного надзирателя Робашевского. Тот незамедлительно явился и сразу на стол рапорт о том, что румынский подданный Михай Фэгэраш пытался вовлечь его в преступную шайку, занимающуюся мошенничеством при торговле рысаками. Каялся, мерзавец, в том, что «будучи в состоянии сильного душевного волнения от подобного наглого предложения, а так же по причине нездоровья, так как накануне был на именинах своей кумы, я не правильно оценил обстановку и не сумел принять должных мер к задержанию преступника.

Фэгэраш ударил меня по голове, после чего выскочил из окна моей квартиры и скрылся в неизвестном направлении». А вскоре цыгана нашли убитым.

И ещё одна неприятная история. Из несгораемого шкафа пропали фальшивые паспорта и аттестаты, изъятые при задержании малолетнего бандюгана Шалунка. Пьяный помощник делопроизводителя Чистяков, которого по приказу Муравьёва привезли из дома на службу, открыл шкаф, долго в нём копался, а потом развёл руками:

- Нету. Пропали.

Муравьёв не сдержался и пару раз заехал ему в морду. Но разве этим делу пособишь?

- Да откуда я знаю, куда они делись? – всхлипывал, оправдываясь Чистяков. – Я ведь ключи, Костя, с собой не ношу. Потеряются чего доброго. Они у меня всегда в столе лежат. Кто угодно взять мог ...

Избави бог, в такой ситуации от содействия охранного отделения, подумал Муравьёв, позора не оберёшься.

Вошёл Сергей Малинин.

- Цыгана убили, - вместо приветствия сказал Муравьёв.

- Знаю. И про него, и...

Он не договорил, так как в кабинет заглянул полицейский надзиратель Тимофей Ватошник.

- Ваше высокоблагородие! Вчера вы приказали обеспечить наружное наблюдение за извозчиком Ждановым. Хотел было доложить, не знал, что вы заняты.

- Докладывай, - распорядился полковник. Перехватив взгляд сыщика брошенный на Сергея, сказал. – Господин Малинин не посторонний. Я подписал приказ

о его временном зачислении на службу внештатным полицейским надзирателем.

Сергей насмешливо взглянул на Муравьёва, но ничего не сказал.

- К наблюдению мною привлечено три внештатных агента. Расходы на их оплату составили четыре рубля пятьдесят копеек, - затараторил Ватошник. – В течение дня они отслеживали все поездки Жданова. Ничего заслуживающего внимания не выявлено. А вот вечером...

- Упустили?

- Так точно. При переезде соединительной ветки Николаевской и Московско-Курской железных дорог. Жданов успел проехать до того как опустили шлагбаум, а мой агент запоздал. Когда поезд прошёл, Жданова на Каланчёвской площади и Краснопрудной улице не оказалось. Свернул или направо – к товарной станции, или налево – к Ольховцам.

- Прямо он поехал – в Сокольники, - сказал Малинин.

- Домысливать всякий горазд. Вас, сударь, там не было.

Сергей знал, что каждый рабочий день начальника управления сыскальной полиции начинается с просмотра суточных рапортов участковых приставов, которые для ознакомления присылают ему из канцелярии обер-полицмейстера.

- Константин Гаврилович, вы смотрели рапорта приставов? – спросил он.

- Нет. Ещё не прислали. А что?

- Извозчик Жданов вчера вечером был найден убитым в Сокольниках.

Ватошник побледнел.

- Вот так значит, Тимофей?! Хорошо... Изволь подробно, по минутам, расписать чем ты вчера занимался, с кем встречался, как моё распоряжение выполнял.

Голос Муравьёва был спокойным, почти ласковым. Но его подчинённые знали: когда шумит – это ничего, а вот если так заговорил – беда.

Полковник вызвал своего помощника титулярного советника Николаса и приказал:

- Закрой его где-нибудь и смотри, чтобы не сбежал. Да револьвер у него не забудь забрать.

- Карл Карлович! Радость-то какая! – соскочив с пролётки, Лавровский, как к лучшему другу устремляясь к Гехту. – Грешным делом, опасались вас не застать в Люблино.

- Позвольте, сударь, позвольте, - растерялся немец. – Разве мы знакомы? Хотя лицо ваше мне и...

- Конечно знакомы! Нас Павел Карлович друг другу представил. В «Яре»! Вы там с Михаем и Полем сидели...

- Не припомню, право, - начал Гехт и осёкся. – Какой ещё Павел Карлович?

- Как какой? – Алексей изобразил на лице искреннее недоумение. – Павел Карлович Шпе...

- У меня очень плохая память на фамилии, - поспешно перебил его Гехт. – Напомните кто это такой?

Он внимательно посмотрел на Лавровского. Ждёт условного знака, подумал тот, а я их «телеграфа» не знаю.

Так и не дождавшись ответа, Гехт решительно заявил:

- Позвольте пройти, сударь. Вы обознались.

- Ну, на нет и суда нет, - вздохнул Алексей. – В таком случае извольте сесть в пролётку.

- Как вы смеете?! Кто вы такой?!

- Придёт время – узнаешь, - пообещал ему Лавровский. – А саквояж мне отдайте.

Он ещё сам не решил, кем выгоднее представиться – сыщиком или совсем наоборот.

- Караул! Гра...

Крик застрял в глотке немца. Это на помощь товарищу подоспел Соболев. Ткнув Гехта револьвером в живот, он внушительно пообещал:

- Пикнешь ещё раз - пристрелю.

Усадив немца между собой, тронулись в обратный путь. Алексей лихорадочно соображал. Гехт явно шёл на железную дорогу. Станция «Люблино» находится почти рядом с дачным посёлком – сам вчера по карте смотрел. Так с чего его вдруг понесло на «Чесменку», до которой версты две? Утренний моцион? Именно там назначена встреча? Или решил сбежать из Москвы? Его размышления прервал истошный вопль немца.

- Караул! Спасите! На помощь!

По большой дороге, навстречу им ехал шарабан в котором вальяжно развалился дородный полицейский. Судя по важному виду и знакам различия на мундире, кто-то из начальства уездной полиции. Алексей полез в карман за своим открытым листом. Мать честная! Он ведь с утра одел не пиджак, в котором лежал бесценный документ, а сюртук. Это Сергей виноват. Все уши с утра прожужжал.

Придёт, говорит, дачу проверять солидный чиновник из губернского врачебного управления, а с ним босяк какой-то, подозрительно... Но делать теперь нечего.

- Гони! – велел он Семёну. – Может уйдём.

- Уйдём, Алексей Васильевич! Рысачок у них так себе, - успокоил извозчик. – Но! Пошёл, родимый!

Но тут вмешался Соболев:

- Стойте! Вы что это надумали?!

Остановились буквально бок обок с шарабаном. Гехт не унимался:

- Господин офицер, помогите! Шёл на станцию, никого не трогал... А тут эти разбойники налетели,... схватили,... везут неведомо куда!

- Кто такие? – властно спросил полицейский, направляя на них «Смит-Вессон».

- Саня! Здорово, видать, ты вчера погулял! - засмеялся Соболев. – Своих не узнаешь. Кизлярку пил или чихирь?

- Ваня! – обрадовался полицейский. – А я тебя чуть не ...

- С тебя станется.

- Сам виноват. Чего это ты людей красть стал, как абрек?

- Очень тяжёлый случай, Сеня, - сказал Соболев и кивнул на Гехта. – Его вчера на дачах в Люблино собака покусала. Оказалась, бешенная. Вначале началась водобоязнь, а теперь в буйство впал. Опасаюсь, что до больницы не довезём.

- Эх, Ваня... Когда только ты без толку геройствовать перестанешь? Везёшь буйного, а даже

связать его не удосужился. Влетело бы тебе от нашего полковника за такой недогляд... Ну, езжайте – может ещё и успеете.

Обернувшись вслед удалявшемуся шарабану, Соболев пояснил:

- Это пристав 1-го стана Александр Николаевич Быстров. Мы с ним вместе на Кавказе служили.

Лавровскому доводилось слышать об этом человеке, как о самом метком стрелке во всей городской и уездной полиции. Он понял, если бы не Соболев, их поездка могла закончиться весьма плачевно.

Выслушав доклад Степанова и Малинина об их архивном поиске, Муравьев собрал подчинённых и стал раздавать задания. Одного сыщика отправил на Петровские линии в гостиницу «Россия», где у Шпейера была когда-то «штаб-квартира». Другого – на Козиху, в ссудную кассу, хозяин которой покупал краденые вещи у «валетов». Третьему велел выяснить чем занимается сейчас бывший смотритель Московского тюремного замка, уволенный со службы за связь с мошенниками. Дошла очередь и до Соколова.

- А ты слетай на выставку, - распорядился полковник и протянул ему свежий номер «Московского листка» с репортажем Лавровского. Разговор гимназистов о камине был подчёркнут красным карандашом. – Глупость несусветная, но проверь, на всякий случай.

Соколов поручение начальника встретил без удовольствия:

- Ох уж эти писаки! Наврут с три короба, денежки получат, а мы проверять...

Николас принёс объяснения Тимофея Ватошника по поводу вчерашнего дня.

- Весьма вразумительно всё изложил, - сказал он. – По минутам расписал, как вы приказали.

Муравьёв бегло просмотрел бумагу:

- Правдоподобно. Тем более кое-что, очень существенное, подтверждают и другие источники. Тимошка, со слов своего агента, пишет о рыжем бородаче, которого вёз Жданов. А вот рапорт пристава 4-го участка Мещанской части: «Двое, из задержанных во время облавы проведённой мной в Сокольнической роще после убийства извозчика, показали, что накануне на 1-м Лучевом просеке видели пролётку, в которой ехал мужчина лет сорока, широкоплечий с рыжей бородой лопатой, одетый в синюю поддёвку». Похоже не врёт Тимошка.

- Конечно не врёт, - вступился за своего любимца Николас. – Выпустить его?

- Выпусти, - распорядился Муравьёв. Но какие-то сомнения, видимо, всё-таки остались. – К краже на выставке его не привлекать. Пошли в Галафтеевский пассаж и в театр Бренко – там карманники совсем обнаглели...

Тем временем стала приносить результаты телеграмма, отправленная вчера во все участки. В гостиницах «Гранд Отель» на Сретенке и «Париж», что на углу Тверской и Охотного ряда, выявили постояльцев по возрасту и приметам схожих со «Щебневым». Полиция, под благовидными предложениями их задержала и доставила в сыскное. Разбирайтесь, мол, сами.

Муравьёв попросил Сергея заняться ими.

- Константин Гаврилович, я не собираюсь возвращаться на службу, - попробовал отказаться он.

- А я тебя и уговаривать не собираюсь. Но, согласишься – для того розыска, который сейчас вы с приятелем ведёте это весьма удобно. Располагайся у Степанова.

Малинин побеседовал с доставленными. Один оказался капитаном парохода из Нижнего Новгорода – его непричастность сомнений не вызывала. Второй был личностью тёмной. Но железнодорожный билет, подтверждавший, что в Москву он приехал только в воскресенье утром, а главное отсутствие мизинца на правой руке убедили Сергея – и это не «Щебнев».

Потом с выставки вернулся Соколов. Вид он имел очень смущённый. Отводя взгляд в сторону, сказал Малинину.

- Зря я над вашим приятелем смеялся. В камине вор прятался.

- Это твои домыслы или есть конкретные доказательства? – недоверчиво спросил Степанов, который до сих пор считал – преступника следует искать среди служащих выставки имеющих доступ к ключам от павильонов.

- Есть и доказательства. Только добыл их не я, а Кейзер. Он ведь следствие ведёт.

Степанов чертыхнулся:

- Да, теперь намучаемся!

Судебного следователя Владимира Фёдоровича Кейзера сыскные недолюбливали за его формализм и буквоедство. Не дай бог представить ему доказательства изобличающие преступника добытые не совсем законным путём. Обязательно отвергнет, а то ещё и в прокурорский

надзор сообщит. Даже на деликатного и никогда не занимающегося рукоприкладством Степанова он однажды написал жалобу «о получении признательных показаний подозреваемого с помощью запугивания физической расправой». Запугивание состояло в том, что Степанов пообещал купеческому «облому», насмерть сбившему своим экипажем семилетнюю девочку, на четверть часа оставить его наедине с родителями погибшей.

- А почему, именно, Кейзер? – спросил Малинин. Его тоже совсем не радовало, что кражу совершённую, несомненно, «валетами» будет расследовать человек подозреваемый в связях с ними.

- Так ведь выставка на его участке, вот ему и поручили... Как он о камине-то догадался, Саня?

- Кто его знает! Когда я приехал у стенда фабрики Сан-Галле было уже полно выставленной полиции. В камине нашли золотую брошку с клеймом «О.К.» - Отто Крумбюгель, значит. Ювелир её опознал – была такая в его витрине выставлена... А Кейзер следственный эксперимент проводил – нашли какого-то мальчишку-газетчика, велели ему в камин лезть.

- Залез? – поинтересовался Малинин.

Сашка кивнул:

- Спрятался, с наружи его и не видать... Я покрутился среди народа, с шестовскими служителями потолковал, с приказчиками. Выведал, крутился там накануне оголец один, - лет четырнадцать, не более, а рожа уже испитая, двух передних зубов не хватает. По описаниям очень с Шалунком схож. Ну, с тем, которого мы во время облавы с «тёмными глазами» задержали, а он потом сбежал. Хотел Кейзеру сообщить, но он меня и слушать не стал. Мне, ваша помощь, говорит, без

надобности, а потребуется, так я и сам к полковнику Муравьеву обращаюсь...

- Потребуется, - сказал Степанов. – Не припомню я что-то, когда эти чистоплюи без нас обходились.

Он не ошибся. Вскоре в управлении появился высокий судейский в золотом пенсне – Кейзер. Он сразу же прошёл в кабинет Муравьева.

Глава 24

ТИХОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

Все попытки разговорить Гехта оказались напрасными. Совершенно равнодушно встретил он известие о том, что Шпейера ищет вся московская полиция, а тот, замечая следы, убирает подельников.

- Не знаю ни какого Шпейера.

- И Михая-цыгана с Коськой-извозчикам, царство им небесное, тоже не знаете?

- Не знаю.

- А «жучка» Евсеева? Он в своих показаниях много чего о вас, Карл Карлович, порассказал.

Немец пару раз зевнул, закрыл глаза и свесил голову на грудь. Даже похрапывать стал.

- Железные нервы! – восхитился Соболев. – Ему Сибирь светит, а он дрыхнет.

Проснулся Гехт только на Таганке. Сладко потянулся. Потом удивлённым взглядом обвёл спутников:

- Где мы?

- Уже в Москве, господин Гехт, - ответил Соболев. – Славно вы вздремнули.

- В Москве ..., Гехт..., - медленно, будто пробуя слова на вкус, сказал Карл Карлович. – Гехт, по-немецки, шука. Какая забавная фамилия! Но почему вы меня так называете?

- В паспорте вашем так прописано, - усмехнулся Алексей. – Или он у вас фальшивый, от Барона?

- Не знаю... Но я не Гехт.

- А кто же тогда? Монтигомо Ястребиный Коготь?

- Нет.. я... я... , - Гехт растерянно поморгал глазами и по его щекам покатились слёзы. – Я..., я забыл. Я не помню, как меня зовут...

- Хватит придураться Карл Карлович..., - начал было Алексей. Но Соболев резко оборвал его:

- Да помолчи, ты!

Взяв руку Гехта, он пощупал пульс, бесцеремонно приподняв веко, осмотрел зрачок:

- А ведь он того.

- Что того? – не понял Лавровский.

- Свихнулся.

- Да, ты что?! Быть того не может!

- К сожалению, может. Сбивчивая речь, учащённый пульс, дрожит, как в лихорадке. Это признаки тихого помешательства. Зрачки, правда, не расширенные, но ...

- А почему он по-русски говорит? – возразил Алексей. – Всё забыл, а чужой язык помнит? Подозрительно.

- Вполне резонно, - согласился ветеринар.

- А он для него не чужой, - вступил в разговор Семён Гирин. – У него отец немец, а мать из наших была – псковская.

- А ты откуда знаешь? – удивился Алексей.

- Да я с сестрой его, Ольгой Карловной, знаком. Она сама рассказывала.

До самых «Чернышей» Гехт сидел обхватив голову руками. На вопросы не отвечал. Изредка всхлипывал, что-то невнятно бормотал. А потом принялся негромко напевать:

Ах, мой милый Августин,

Августин, Августин.

Ах, мой милый Августин

Всё пропало, всё...

- Нашли голубчика, - обрадовался Карасёв, увидев их. – А я, грешным делом, думать стал, что вы его и в живых не застанете,... Присаживайся, Карл Карлович, к столу. Чайком побалуемся. Да заодно уж потолкуем, как дальше быть.

- Без толку с ним толковать, - вздохнул Алексей.

- Это почему? Гордый очень? Ну так мы ему объясним – с нами лучше дружить.

- Он с ума сошёл, - объяснил Соколов.

- Ох, не верю, - покачал головой старый полицейский. – Может, Ваня, он тебя за нос водит? Мошеники, они ведь, такие – на всякие выдумки горазды.

- Не исключено, - согласился Соболев. – В конце концов я не врач, а ветеринар. Но скажу вам, Аристарх Матвеевич, что на Кавказе дважды наблюдал случаи,

когда люди сходили с ума по причине длительного пребывания в состоянии страха.

- Из-за страха? – задумался Карасёв. – На правду похоже. Ему бедолаге много чего пережить пришлось. Сперва дрожал, что игроки обманутые найдут и карачун сделают. Потом вы, как снег на голову, свалились. Лёша, небось, для начала о дружках его убиенных рассказал. А ты, Ваня, поди сразу за револьвер хвататься начал – знаю я твою манеру.

- Да один раз только и ткнул, – смутился Соболев.

- Так, что нам теперь с ним делать? – спросил Алексей.

- Ничего! Мы своё дело уже выполнили – преступника поймали. Пусть теперь им полиция и судейские занимаются. А насчёт того, сумасшедший он или нет докторам решать... Вот как мы поступим. Отведите-ка вы его в Тверской полицейский дом. Объясните смотрителю и доктору: на улице увидели и сразу поняли – не в себе человек... Только не забудьте сказать, что это тот самый Карл Карлович Гехт, которого московская полиция, по представлению судебного следователя Кайзера, вчера в розыск объявила.

Лавровский и Соболев, взяв Гехта под руки, направились к двери. Немец шёл понуро, тихо напевая:

Денег нет, счастья нет,

Всё пропало Августин!

Ах, мой милый Августин

Всё пропало, всё...

- Лёша, задержись-ка малость, - велел Карасёв. Когда они остались одни сказал – Надо посмотреть, что у него в саквояже.

В саквояже оказались несессер с туалетными принадлежностями, аккуратно упакованное бельё и одежда, несколько толстых пачек ассигнаций – на глаз тысяч на тридцать, кожаный бювар и две книги.

- Описи конных заводов Голицына и Воейкова, – сказал Алексей, прочитав их названия. – Наверняка, поддельные. Полагаю, эти книги, бесценные улики для следствия.

Карасёв, усмехаясь в густые усы, подошёл к комоду и достал из него книгу в зелёном переплёте с золотым тиснением:

- Положи и третью, для компании. Это опись меншиковского конного завода. Мне её с утра Пашка Баяновский принёс.

На Тверской площади, напротив генерал-губернаторского дворца, стоял двухэтажный дом с колоннадой у входа и высокой пожарной каланчёр. Это был Тверской полицейский дом. Сюда и привели Лавровский с Соболевым немца. Смотритель, выслушав их, пригласил маленького толстого человечка – полицейского врача. Тот долго осматривал Гехта – глядел в зрачки, постукивал по колену, щупал пульс, задавал всевозможные вопросы. Но Карл Карлович только растерянно, непонимающе смотрел на него и сетовал:

- Не помню... Забыл... Голова очень болит...

Врач, сокрушенно, развел руками:

- Не знаю, право, не знаю. С одной стороны, он, действительно, не в себе. Но с другой стороны, наша медицинская литература до сих пор не дает точного описания внешних признаков внезапного умопомрачения. Вопрос архисложный! Не случайно, же судебные власти,

дабы избежать ошибок, для признания человека умалишённым назначают комиссию не менее чем из трёх сведущих врачей, - сказал он. И посоветовал зрителю. – Сообщите незамедлительно судебному следователю, который его разыскивает, пусть у него голова болит, что дальше делать. А этого бедолагу, запирайте пока в отдельную камеру.

Гехта обыскали и увели на второй этаж, где находилась небольшая, так называемая «секретная» тюрьма, для политических и особо важных уголовных арестантов.

- А вы знаете, чем достопримечательна моя тюрьма? – поинтересовался зритель. – Нет? А ещё репортёр называется... Здесь содержался Александр Васильевич Сухово-Кобылин, подозревавшийся в убийстве своей любовницы-француженки.

- Тот, который «Свадьбу Кречинского» написал? – удивился Алексей.

- Тот самый. Он её именно здесь и написал.

Лавровский достал записную книжку. Но не только для того, чтобы записать примечательный факт. В списке неотложных дел пометил: «Встретиться с Поповым». При этом мысленно себя выругал, что не сообразил раньше. Его давний знакомый Николай Васильевич Попов. известный среди московских игроков под кличкой «Кречинский», был большим знатоком уголовного мира. Правда, жил он по правилу «Нашёл – молчи, потерял – молчи, украл – молчи». Но считая себя должником Алексея, он иногда мог поделиться важными сведениями.

Много времени заняла опись изъятого у Гехта. В бюваре обнаружилась целая пачка аттестатов на рысаков Меншикова, Голицына, Воейкова, Колюбакина... В такую удачу трудно было поверить!

- Спасибо, Ваня, за помощь, - поблагодарил Лавровский на прощанье Соболева.

- Это тебе спасибо, – ответил тот. – Интересный день выдался, молодость вспомнил... А то у нас во врачебном управлении такая тоска... Просьба у меня к тебе. Если потребуется ещё какая помощь – зови. Я квартиру недалеко. Запомни – Брюсов переулок, дом Касаурова.

Глава 25

СЛЕДЫ ВЕДУТ НА ГРАЧЁВКУ

А я ведь, с утра ничего не ел, вспомнилось Алексею, когда у него засосало «под ложечкой». Сразу представился «низок» - нижний зал трактира Егорова в Охотном ряду. И знаменитые на всю Москву толстые, румяные со всевозможными начинками «егоровские» блины, которые пекли прямо при тебе. До трактира было недалеко.

Плотно перекусив, вышел на улицу и достал сигару – старообрядец Егоров в трактире курить не позволял. В это время на «лихачах» подкатила компания беговых знакомых – Бутович, Сахновский, Живаго... Среди них Алексей увидел и Лансиньяка.

- Пойдём с нами, Лёша, – предложил Бутович. – Мы нашего французского гостя угощаем. Представляешь, он оказывается «егоровских» блинов ещё не пробовал.

- Благодарю, но только что из-за стола, - отказался Лавровский. – Да и спешу.

- Понятно, - кивнул Бутович. И тихо спросил. – Разведаль, что?

Алексей задумался. Целая папка фальшивых аттестатов, явно поддельные описи трёх конных заводов, пойманный посредник... Всё это, разумеется, замечательно. Но пока не найден тот, кто непосредственно продавал «братьев» Красивого-Молодца хвастаться преждевременно.

- Кое-что, но мало.

- Ты уж постарайся, - попросил Бутович. – Видел а вчера герцога Лейхтенбергского. Торопит. На расходы, говорит, не скупитесь. Очень ему неймётся с обидчиком по квитаться.

Коннозаводчики пошли в трактир. Лансиньяк, сославшись на то, что не докурил, задержался.

- Ваше вчегашнее послание я получил, - тихо сказал он. – Вегсия пго газвог гимназистов о камине пгевосходна. Но как вы газвели на самом деле?

- Ничего я не разведал. Просто пересказал случайно услышанный разговор.

- Не вегю, - усмехнулся француз. – Пусть это останется вашим секретом... Я написал стгашно интегесную статью в двести стгок. Получите ваш гоногаг – двадцать гублей.. Какие у вас ещё новости о кгаже?

- Пока никаких. А у вас? Не беспокоят больше мошенники?

- Нет.

Из трактира вышел мужчина средних лет. По виду, слегка загулявший купчик средней руки. Алексей насторожился. Он узнал Ювелира – одного из лучших московских карманников.

Пьяно пошатываясь, Ювелир направился к ним. И вдруг, радостно всплеснув руками, кинулся обнимать француза.

- Вася! Друг ты мой милый! Где тебя черти носили? – пьяно орал он, норовя расцеловать Лансиньяка.

- Позвольте, судагь... Мы с вами, пгаво, не знакомы...

- Как это не знакомы? Да я же тебе, ещё в Нижнем, четвертную должен остался!

- Я никогда не был в Нижнем Новгороде. И ничего вы мне не должны!

- О господи... Видать обознался, - Ювелир, в знак извинения, прижал руки к сердцу. – Ошибочка вышла.

Алексей знал, после таких «ошибочек» всегда исчезают карманные часы, бумажник, дорогая булавка галстука. Он крепко схватил карманника за кисть руки и процедил сквозь зубы:

- Живо верни бумажник и часы.

Только теперь Лансиньяк понял, что случилось.

- Ах, ты тварь! Измордую! – побагровел от ярости француз и, разразившись отборным матом, которому мог позавидовать любой извозчик, принялся избивать неудачливого вора. - Курва подзаборная! Мать твою через перила... Городовой! Городовой!

Алексей с трудом вырвал карманника из его рук.

- Успокойтесь, Анри, - приказал он. – Без полиции разберёмся.

Убедившись, что все вещи вернулись к хозяину, он развернул Ювелира к себе спиной, и дал сильного пинка под зад. – И чтобы я тебя больше не видел!

Отбежав на безопасное расстояние, вор обернулся:

- Ну вот, это по-нашему. А то сразу и по мордасам и в полицию... Разве так можно?

Алексей рассмеялся:

- А он прав! Так и надо: или по закону, или по совести...

На сытый желудок думается намного лучше. Разумеется, где искать главаря шайки мошенников Лавровский так и не сообразил. Зато отчётливо понял, где обретаются все кто так или иначе причастен к интересующему его делу.

Зинка-полковница, не раз приходившая к «Щебневу» в «Мясницкие меблированные номера», раньше замарьяживавшая пьяных на Цветном бульваре, содержит пивную в Малом Колосовом переулке на Грачёвке.

Рыжебородый Самсон, виртуозно владеющий «Каролиной Ивановной» (а именно ею был убит Митька Кумакин), служит вышибалой в этой самой пивной на Грачёвке.

Барон, явно причастный к изготовлению фальшивых аттестатов, то же проживает где-то в Колосовом переулке. Вместе с ним, надо полагать, и его «звонок» Шалунок.

Возле Цветного бульвара, не исключено на той же самой Грачёвке, находится квартира вдовы титулярного советника Феоны Ивановны, куда заманили любителя «неспелой клубнички» Женьку Борисовского. Между прочим на этой квартире, в самый нужный момент, в ролях родственников и соседей появились Самсон и Барон. А вместе с ними некий мудрый еврей. Помнится,

извозчик Птичка упоминал о каком-то Оське-еврее с Грачёвки. Может он?

И наконец, пожалуй, самое главное. На Грачёвке сейчас заправляет Щёголь, подмявший под себя полковницу и Самсона, Барона и Оську. А Щёголь этот, оказывается не кто иной, как беговой спортсмен Александр Андреевич Ситников. Тот самый, который при весьма тёмных обстоятельствах, стал владельцем трёх лучших мазуринских рысаков.

Алексей пришёл к твёрдому убеждению – надо идти на Грачёвку. Сегодня же, ночью. Правда осталось одно маленькое сомнение. Обращаться ли за помощью к полиции? Если бы речь шла о Хитровке или Хапиловке, где он кое-кого знал и его знали, то такой вопрос даже бы не возник. Но, так уж случилось, что с Грачёвкой он был почти не знаком. Своих людей там не имел. Даже ориентировался плохо. Ладно, посоветуюсь с Сергеем, решил он. И отправился в сыскное.

Малинин выслушав друга согласился:

- Обязательно надо идти на Грачёвку. Туда ведут все следы. Но отправляться туда одним, это, Лёша, авантюра... Вернётся от начальства Муравьёв, попрошу у него содействия.

- Договорились, – согласился Лавровский. – Буду ждать тебя в «Чернышах». Пока суть да дело надо пару статей написать. Да и переоденусь – не люблю я эти сюрпризы с цилиндрами...

С утра полковник Муравьёв был мрачнее тучи. А сейчас, после резкого разговора с судебным следователем Кейзером и последовавшего за тем срочного вызова к начальству, он и вовсе громы и молнии метал. При

подчиненных обматерил своего помощника Николаса, который доложил, что выполнить указание о сборе всех сотрудников управления сможет только часа через два:

- Не сыскная полиция, а богадельня! Распустил ты людей!

Сашку Соколова, пытавшегося доложить о розыске на выставке, Шалунке с Грачёвки, даже слушать не стал:

- Никаких Грачёвок! Ночью проводим облаву в Проточном переулке... Сыщики называются, мать вашу так! Крючок судейский раньше вас след взял.

Оказалось, Кейзер получил сведения – часть украденных ювелирных изделий находится в ссудной кассе Дубиновского на Арбате. Вместе с участковым приставом он провел обыск и обнаружил несколько совершенно новых золотых брошей и колец с клеймом «О.К.» - Отто Крумбюгель. Залог оформлен не был. Но из хозяина кассы удалось вытрясти – вещи куплены у мещанина Николая Орлова, проживающего в Проточном переулке.

... Нехорошее место Проточный переулочок. Здесь находятся, пользующиеся самой дурной славой, доходные дома – «Аржановка», «Волчатник», «Зиминская крепость». Живут в этих трущобах извозчики, мелкие торговцы, прачки, старьёвщики, мастеровой люд – работники сапожных, столярных и щёточных мастерских. Но хватает и разной уголовной публики. Всем известно, что в Проточном переулке, зачастую бесследно, исчезают не только краденые вещи, но и сами ограбленные. Не удивительно. Больно уж место подходящее. Одним концом переулочок выходит к Смоленскому рынку, а другим на высокий, изрезанный оврагами берег Москва-реки. Вокруг заборы многочисленных лесных и дровяных складов. Прячь концы хоть в воду, хоть среди брёвен...

- Где именно будем проводить облаву? – спросил Николас. – В «Аржановке», «Волчатнике» или ...

- Везде! – зло рявкнул Муравьёв. – И сразу!

- Но у нас для этого нет достаточного количества людей.

- Я так и заявил этим ... , - полковник недоговорил. Счёл неудобным при подчиненных материть начальство. – В ответ обер-полицмейстер и прокурор окружного суда заверили меня, что людей выделяют сколько угодно и изъявили желание лично возглавлять облаву... Идите, готовьтесь...

Малинин попросил разрешения остаться. Выложил все их с Алексеем доводы о том, что не затягивая надо идти на Грачёвку.

- Сам знаю, - буркнул Муравьёв. – Но сейчас это не от меня зависит. Кейзер распоряжается.

- Кейзер стремится увести розыск в сторону. Его видели в «Мясницких меблированных номерах» у «Щебнева». По словам французского журналиста Лансиньяка Кейзер пытался продать ему рысака с фальшивым аттестатом и угрожал расправой, если он не станет молчать.

- По словам ... А кроме слов этого француза какие вы с Лавровским доказательства имеете?

- Пока никаких.

- Вот видишь – никаких.

Сергей понял, что на содействие рассчитывать не приходится. Подчёркнуто официально спросил:

- Разрешите идти, господин полковник?

- Подожди. Вы, ведь, всё равно ночью на Грапчëвку вдвоём попрëтесь... Так возьмите с собой хоть Соколова. Пусть подаст рапорт о недомогании – я подпишу.

- Спасибо, Константин Гаврилович.

- И вот ещё что. Кейзер потребовал организовать наружное наблюдение за твоим приятелем Лавровским.

- Опять вы, ребята, суетесь, не зная броду, - осуждающе покачал головой Карасëв, узнав о планах Лавровского и Малинина на ближайшую ночь. – Вдвоём, да на Грачëвку!

- Почему не зная? Мы, Аристарх Матвеевич, всё продумали, - обиделся Малинин. – И не вдвоём – вчетвером. Муравьëв с нами Соколова отпустил.

- Это хороший помощник, бывалый, - одобрил Карасëв. – А четвертым кто?

- Ваня Соболев, - сказал Лавровский. – Я предложил – он согласился.

- Да, свëл я вас сдуру с Ванькой. Его мёдом не корми, дай только погеройствовать. Ну, рассказывайте, что надумали?

Старый полицейский внимательно слушал, время от времени то одобрительно кивал, то поправлял:

- Двое гуляк это хорошо... Доктора к роженице вызывали? С провожатым идëт, понятно... А почему не на извозчике?

- Так не каждый извозчик на Грачëвку ночью поедет.

- Тоже верно... И вот ещё – как с Цветного в Малый Колосов повернëте, так начинайте петь.

- Как петь? – не понял Малинин.
 - А как пьяные всегда поют, так и пойте. Во двор какой сворачивать станете – снова пойте.
 - Зачем? – спросил Лавровский.
 - Для убедительности, – хитро усмехнулся Карасёв.
- Ладно. Бог не выдаст ...

Глава 26

В КВАРТАЛЕ «КРАСНЫХ ФОНАРЕЙ»

В первом часу ночи, в крошечной тьме, Лавровский и Малинин шли по Цветному бульвару. В целях экономии фонари не горели. Городская дума запретила освещать улицы в календарные дни полнолуния. Сегодня по календарю был как раз такой день, вернее ночь. И не важно, что всё небо затянули густые чёрные тучи, зажигать не положено...

- Ты почему задержался? – спросил Малинин. – Я уже беспокоиться начал.

- Во 2-й участок заскочил. Пристав вчера обещал выяснить адрес сдобной вдовушки Феоны Ивановны.

- Выяснил?

- Нет. Не проживает на Грачёвке вдова титулярного советника. Два капитанши имеются, майорша, даже полковница... А вот титулярной советницы нет!

- Лёша, нам и полковница сгодится.

- Я, конечно, не столь откровенно как ты, приставу это и заявил. В общем, Зинка – полковница живёт в доме Арбузова.

- А пивная её где?

- Сергей, неужели ты полагаешь, что пристав станет докладывать репортёру, где на его участке находятся незаконно открытые пивные? Но думаю, заведение её рядом с квартирой... А это что за грохот?

От Самотёки к Трубной площади тащился ассенизационный обоз – десяток телег, каждая из которых была запряжена парой старых, облезлых кляч. Бочки ещё были пустые, поэтому подпрыгивая на мостовой гремели и дребезжали на всю округу.

Возница первой телеги, могучий, косая сажень в плечах, старик с окладистой сивой бородой, вальяжно устроился в верёвочном сиденье между бочкой и лошадьми. Поравнявшись с Алексеем, он пророкотал густым басом:

- Слышь, мил человек, мы в этих краях впервой. Подскажи, где тут Безымянный переулочек?

- Повернёшь сейчас направо в Малый Сергиевский. Потом налево. Это и будет Безымянный.

- Дай бог тебе здоровья! Но, родимая, пошла!

«Золотари», так называли в Москве ассенизаторов, свернули на Грачёвку.

Весь день стояла жара. А сейчас, вдруг, начал капать мелкий, почти осенний, дождик. Стало прохладно.

- Застегни сюртук, - посоветовал Алексей приятелю. – Прохладно.

- Нет. У меня револьвер сзади, за поясом. А ты свой кастет не забыл?

- Обижаешь, мой друг, обижаешь... А вот и Малый Колосов. Споём, как Матвеечу обещали?

- Давай, - согласился Сергей и прокашлявшись затынул:

**Есть в столице Москве
Очень шумный квартал –
Он Козихой Большой называется.
От зари до зари, лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются.
Они горькую пьют, они песни поют,
И ещё кое-чем занимаются!**

Но Алексей его не поддержал:

- Да ты, что Сергей? Эдак от нас с тобой все шарахаться будут. Что со студентов взять? Денег у них отродясь не водилось, а мордобитием заняться всегда рады. Мы с тобой, мой друг не пьяные студенты, а люди солидные. Правда, загулявшие малость. Ты купец, из самого Парижу недавно вернулся. Вон стрижка-то у тебя самое модьё – «а ля капуль». Ну а я приказчик твой доверенный. Посидели, понимаешь в «Эрмитаже», выпили само собой. И выиграла удаль молодецкая – женского полу нам надобно... Песня нам, вот какая подойдёт:

**Бывало, задавал обеды,
Шампанское лилось рекой.
Теперь же корки хлеба нету,
На шкалик нету, братец мой!**

- А вот это ты Лексей врешь! И на шкалик у нас есть, и на ведро!- пьяно, засмеялся Калинин и подхватил песню:

**Бывало, захожу я к «Яру»
Швейцар бежит ко мне стрелой.**

Теперь же гонят все по шее.

На шкалик дай мне братец мой.

Оказалось, что в Малом Колосовом переулке совсем не так темно, как на бульваре. С двух сторон тянулись ряды домов и домишек с красными фонарями и ярко освещенными окнами. Двери некоторых из них были открыты настежь и оттуда доносились весёлые звуки роялей и скрипок, гитар и гармоник.

Молодая пухлая блондинка, стоявшая у одной из дверей, послала им воздушный поцелуй и призывно поманила рукой.

- Нам не туда, - тихо сказал Алексей напарнику. – Интересная для нас с тобой публика по официальным борделям не сидит. У них притоны в глухих дворах.

Он сделал жест в сторону ближайшей арки, ведущий во двор. Оттуда сразу же шагнула им на встречу ярко одетая стройная брюнетка.

- Мужчины, угостите папироской.

- Это мы с превеликим нашим удовольствием, мамзель, - Алексей достал массивный серебряный портсигар. Его в прошлом году подарил Лавровскому управляющий призовой конюшней и конным заводом Малютина, за то, что нашел Алексей среди их конюхов иуду, связавшегося с мошенниками. Вещь красивая и дорогая, но жутко неудобная. Обычно Лавровский им не пользовался. Но ради сегодняшнего случая взял с собой. И самых дорогих папирос купил.

Брюнетка оценила и портсигар Алексея, и папиросы, и костюм его спутника.

- Пойдёмте ко мне, - предложила она. – Я не из дома терпимости, от себя работаю. У меня уютно. Есть даже шампанское.

- Я бы с превеликим удовольствием, - облизнулся Алексей. – Да вот хозяин... Приспичило, вишь ему, пива холодного испить.

- Да, хочу пива «Трёхгорного», - заплетающимся языком, подтвердил Малинин.

- Будет тебе и пиво хорошее, красавчик, - пообещала брюнетка.

- А вот это ты, врешь! – погрозил ей пальцем Малинин. – На всей Грачёвке хорошее пиво только у пол...полковницы...

- Замучил он меня совсем этой полковницей, – вздохнул Алексей и протянул женщине рублёвую бумажку. – Подскажи, где её пивная? Свожу своего «облома» туда, да и завалимся к тебе до утра.

Женщина была ошарашена такой невиданной щедростью:

- Пивная её в арбузовском доме. Во флигеле, в полуподвале. Во вторую арку свернёшь... Только... вот ...ну...

- Что только?

- Не ходил бы ты туда.

- А что так? Али пиво плохое?

- Хорошее, когда в стаканах подают.

- Машка! Ты куды делась-то? – позвал из темноты женский голос. – К нам кавалеры пожаловали...

Позади послышались шаги и мужские голоса. Ваня с Сашкой, узнал Алексей.

- Что же ты раззява, где живешь не помнишь! – бранился Соболев.

- Дык я, барин, только сядовня к сеструхе из дяревни приехал, - оправдывался Соколов, изображая молодого деревенского парня, впервые попавшего в большой город. – А они брюхатая. Бяги, говорит, за дохтуром, рожать буду... А вон он ейный дом!

- Ну, слава богу.

- Не, кажись другой. Или вон этот?

- Деревня сиволапая. Совсем загонял ты меня. Постой, передохну малость.

Молодцы, одобрил мысленно Лавровский, догадались приотстать.

Доходный дом купца Арбузова стоял посередине Малого Колосова переулка. Это было длинное деревянное строение в два этажа, грязное и облупленное, даже, по сравнению, с соседними не блиставшими чистотой и красотой домами. Вот и нужная арка, которой более подходило название «подворотня».

- Споём? – предложил Сергей.

- Само собой. Правда больше двух куплетов я не запомнил. Да не беда, сейчас сочиню чего-нибудь, - сказал Алексей, залихватски присвистнул и затянул:

Бывало на бега приеду

«Жучки» летят ко мне толпой.

Теперь же даже не заметят,

Купи мне шкалик, братец мой!

Обернувшись, он увидел золотарей выезжающих из Безымянного переулка в Малый Колосов.

Они оказались в глухом, тёмном дворе. Свет из занавешенных или немислимо грязных окон почти не проникал в него. Из темноты доносились то пьяный смех,

то ругань, то женский визг. Около нескольких входов стояли полуодетые женщины. До пухлой блондинке из борделя или Машки «работающей от себя» этим было как ассенизаторским клячам до призовых рысаков.

Пересекли двор, подошли к входу в подвал.

- Пива, Лексей! Желая холодного пива, - с пьяной настойчивостью требовал Малинин.

- Да, где его здесь взять-то, ваше степенство? - оправдывался Лавровский. – И спросить про пивную не у кого.

В этот самый момент к ним подошла высокая, полная женщина:

- Зайдите к нам господа! У нас весело!

- А пиво есть? – спросил Малинин.

- У нас всё есть – и водочка, и пиво, и девочки. Хотите меня? Или молоденькую?

- Врёшь! – Малинин, как давеча Машке, погрозил ей пальцем. – На всей Грачёвке хорошее пиво только у Зинки-полковницы.

- Так Зинаида моя родная сестра, - заявила женщина, и цепко ухватив Сергея за рукав, потащила вниз по лестнице.

Алексей, нащупал в кармане кастет и пошёл следом. Нашли, радостно думал он, похоже, нашли.

Глава 27

ПРИТОН

В огромной комнате с высокими закопченными сводами было полутемно. Да и не удивительно. Все её освещение состояло из керосиновой лампы висящей на

стене у входа и ещё двух, поменьше, на столах. А столов было пять.

Возле самого большого стола, в дальнем углу комнаты, толпились человек шесть – там шла игра в карты. Метал рыжебородый здоровяк в поддёвке. Лавровский сразу узнал Самсона, которого в понедельник вечером видел в «Солошке». За другим столом, заставленным пустыми бутылками и заваленным объедками, жарко спорили двое – маленький неказистый еврей в потрепанном лапсердаке и широкополой мягкой шляпе. и оголец лет четырнадцати с испитым лицом, одетый в венгерку со шнурами, лаковые сапоги и новый картуз. Вполне возможно Оська-еврей и Шалунок, мелькнула догадка... А за третьим столом, в одиночестве, сидел небритый бледный мужчина в форменной фуражке с кокардой. Барон?

При виде посторонних еврей сразу насторожился:

- А это, таки, кто к нам на огонёк заглянул? Не лягаши ли?

- Тебе дядя Ося везде лягоши чудятся, - ощерился оголец. Двух передних зубов у него не было. Точно, Шалунок.

- Эй, Фенька! – крикнул Шалунок. - Ты кого привела?

- Это наши гости, - заулыбалась женщина. – Господа хотят холодного пива.

- Гости, – недоверчиво покачал головой Оська. – Один ничего – совсем бухой и заморыш. А вот второй, бугай бугаём. А оно нам надо?

- Что вы, Осип Маркович! Это очень приличные господа. Просто они немного перепили, - успокоила его

Фенька. И добавила. - Я за ними от самого бульвара шла. Ничего такого не заметила.

Последние слова она сказала очень тихо, но Лавровский всё-таки услышал.

Рыжебородый бородач, который судя по всему, был здесь за главного оторвался от карт. Окинул изучающим взглядом гостей. Подозрений те не вызвали.

- Мы гостям завсегда рады! - крикнул он. И подмигнул Малинину. - Садись, барин - гостем будешь. Вина купишь - хозяин будешь.

- Куплю! Важно заявил Сергей и пошатнувшись, грохнулся на табурет возле пустого, без лампы, стола. Место он при этом выбрал самое удобное - спиной к стене. - Лексей, распорядись - всех угощаю! Сегодня Сергей Сергеевич Брусникин гуляет!

- Держи для начала красненькую. - Алексей бросил Феньке десяти рублёвую ассигнацию и обратился к напарнику - Ваше степенство, пока выпить-закусить не подали, вы бы отдохнули самую малость.

- Не желаю! Плясать буду! - Малинин грохнул кулаком. Попытался встать. Но из этого ничего не вышло. Тогда он уронил голову на стол и захрапел.

Алексей подошёл к играющим. Трое из них опасности не представляли - и по виду, и по разговорам обычные посетители из подгулявших мастеровых. Зато остальные трое здесь явно свои. Ребята как на подбор, крепкие, особенно один, не то перс, не то грузин. Не «фартовые» конечно, но и не «шпанка».

С Самсоном четверо, мысленно посчитал Лавровский, да ещё Оська с Шалунком и Барон ... Фенька

не в счёт. Справимся. Тем более, Ваня с Сашкой уже на подходе.

- Сыграешь? - предложил Самсон.

Алексей посмотрел, как он тасует колоду, сдает карты. Все ставки покрупнее бьются одна за другой.

- С тобой играть, что мёд с бритвы лизать, - усмехнулся Лавровский. Сел рядом с Бароном. Склонился к нему поближе:

- Бирка нужна.

- Вид на жительство? Дворянский паспорт? - дыхнул перегаром Барон. - Или вечность?

Вечностью называли именной указ об отставке с перечислением всех выслуженных чинов, званий и орденов.

- А вы и вечность можете? - восхитился Лавровский.

- Я, милостивый государь, всё могу. В министерстве юстиции лучше моего подчерка не было. Мне сказочную карьеру сулили...

- А аттестат на лошадку?

- Сколько угодно! Я их десятками делал и на рысаков, и на арабов, и на чистокровок... Но это обойдётся вам не дёшево. Рублей эдак...

Озвучить сумму он не успел. Очень похожая на Феньку женщина, видимо Зинка - полковница, принесла пиво. Барону в стакане, а Алексею в большой мельхиоровой кружке.

- Как гостю, - обольстительно улыбнулась она. - Кушайте на здоровье.

До Лавровского сразу дошёл смысл слов оброненных Машкой о том, что у полковницы пиво хорошее только в стаканах.

Раньше в притонах опаивали «малинкой» - смесью из опиума и настоев разных трав. Но на дворе, как ни как, восьмидесятые годы XIX века. Науки на месте не стоят. В аптеках появились всевозможные иностранные лекарства, разные там хлоралгидраты, парадельгиды и веротрины. Действовали они безотказно, «глушили» лучше любого опиума. Но, как рассказывали сведущие люди, имели один недостаток. Большинство из этой дряни плохо растворялось. «Потчuemый» мог заметить осадок в стакане. А заметь-ка его в такой кружке?

Рыжебородый закончил игру. Сунул карты и деньги в карман. Убавил огонь в лампе.

- Шабаш! - сказал он, вставая. - Выметайтесь все отсюда.

Игроки из мастеровых неохотно поплелись к выходу. Медлить больше было нельзя - сейчас за посторонними запрут дверь. Как тогда попадёт в притон подмога?

Алексей решительно отодвинул кружку в сторону и заявил на всю пивную:

- Сама жри! Не пью я «малинку».

Самсон вмиг оказался рядом. Одной своей лапищей ухватил Лавровского за лоб, другой за подбородок, чтобы раскрыть рот.

- Выпьешь, куда ты денешься. Оська, лей ему в глотку! Барон, помогай!

Алексей выхватил из кармана стальной с шипами кастет и прямым ударом ткнул в зубы нападающего.

Рыжебородый, с воем, грохнулся на пол. Оська испуганно метнулся в сторону. Барон замахнулся бутылкой. Но сразу «проснувшийся» и «протрезвевший» Малинин перехватил его руку и ударом в челюсть отправил в нокаут. Зря, что ли, он почти год усердно занимался английским боксом!

На помощь своим подоспела троица дюжих игроков. Тот, что с азиатской внешностью, сноровисто накинул на шею Сергея удавку. Алексей подхватил табурет и шарахнул им азиата по голове. Замахнулся ещё раз, но на его плечах повисли двое, а вскочивший с пола Самсон с окровавленной бородой, принялся молотить его своими пудовыми кулаками.

Сергей кинулся на помощь другу. Отшвырнув ударом ноги Шалунка, но поскользнулся на пролитом пиве и упал. Барон и Оська навалились на него и принялись заламывать руки.

- Что ещё? Всемером с двумя управиться не можете? - из соседней комнаты, дверь в которую Алексей в темноте не заметил, вышел высокий полный блондин с пушистыми усами, одетый в модный чёрный сюртук. Лавровский сразу узнал его - беговой спортсмен Ситников, он же не коронованный король Грачёвки - Щёголь. Спортсмен тоже узнал Алексея.

- Ты, кого привела сюда, стерва? - прошипел он и вlepил хлёткую пощёчину стоявшей рядом Феньке. - От самого бульвара за ними шла... Ничего такого не заметила... Дура безглазая! Это же репортёр газетный, его следить за нами наняли.

Помолчал немного и распорядился:

- Кончайте обоих.

С треском распахнулась входная дверь.

- Стоять, дьяволы! Перестреляю всех! - пророкотал густой бас. В подвал ввалился широкоплечий старик. Тот самый, что совсем недавно ехал на передней телеге ассенизационного обоза. А вслед за ним ещё с десяток «золотарей».

Ситников выхватил револьвер и не целясь, несколько раз выстрелил.

- Мать твою! - рявкнул старик, стреляя в ответ. - Ломай их ребята!

«Золотарям», похоже, не впервой приходилось заниматься такими делами. Через несколько минут всё было кончено. Самсон с подельниками и случайные посетители лежали на полу, а ассенизаторы вязали им руки - наручников на всех не хватило.

- Ты как, Лёша? Живой? - спросил старик, подходя к Лавровскому. Был он уже без окладистой сивой бороды.

- Аристарх Матвеевич! - изумился Лавровский. - Вы?

- А ты кого ждал? - усмехнулся Карасёв в усы. - Обер-полицмейстера? Или самого господа бога?

- А где Сергей? Жив?

- Цел и невредим, - ответил Сергей, разглядывая свой порванный в нескольких местах сюртук и цилиндр, безжалостно растоптанный в потасовке.

- А Ваня с Сашкой? Что с ними? - не успокаивался Лавровский.

- К Зинке-полковнице я их отправил, у неё квартира на втором этаже. Глядишь, кого сейчас и приведут.

К ним подошёл один из «золотарей». Кивнув головой на лежащего навзничь Ситникова, сказал:

- А этот-то готов. Насмерть вы его, дядя Аристарх, прямо в сердце.

- Делать больше нечего было, Паша, - вздохнул Карасёв. - Иначе он наших много мог положить.

Внимательно присмотревшись, Алексей признал в «золотаре» помощника пристава Баяновского.

Глава 28

ПО «ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ»

Примчавшийся на место происшествия пристав 2-го участка Сретенской части Капени был в ярости.

- Кто дозволил вам устраивать подобные безобразия?! - набросился он на Баяновского. - В своём участке делать нечего?! Или не знаете, что проводить облавы, обыски и аресты на чужой земле можно только по согласованию с местным приставом? Обер-полицейстеру буду жаловаться!

- Обязательно пожалуйся, - притворно поддержал его Карасёв. - Так в рапорте и напиши: обидели, мол, пресненские сретенских, убили нашего благодетеля Щёголя; притон, где пьяных грабили, прикрыли; большие убытки несём... А я, когда его сиятельству князю Долгорукову докладывать стану, тебя уж поддержу.

- Да, что вы такое говорите, Аристарх Матвеевич! - смутился пристав. - Ну какие там убытки? Мне Щёголь самому, как кость в горле был. Но ведь не положено. Ещё и маскарад этот. Надо же додуматься - городских «золотарями» нарядить... Как теперь перед прокурорским надзором оправдываться?

- Оправдываться вам не придётся, - успокоил его Баяновский. - Мы ищем убийцу букмекера Кумакина.

Следы привели на Грачёвку. Времени на соблюдение формальностей у нас не было. Я доложил судебному следователю Победимову, который ведёт предварительное следствие и получил его одобрение.

- Тогда совсем другое дело, - охотно пошёл на попятную пристав. Ему совсем не хотелось ссориться с Карасёвым. - От меня какая-нибудь помощь потребуется?

- Потребуется.

За спором пресненское и сretenское полицейское начальство совсем не заметило, как в комнату вошёл невысокий молодой человек со значком Императорского училища правоведения на вицмундире. Это был судебный следователь Илья Петрович Победимов.

- Потребуется. Вызовите полицейского врача для осмотра трупа и оказания помощи раненым. Пришлите городских, и пролётки для доставления задержанных в губернский тюремный замок. Не в бочках же их везти?

- А сколько всего задержанных? - спросил Капени.

- Десять, считая двух женщин, - сказал Баяновский.

- Одиннадцать, - поправил его Сашка Соколов. - Мы в квартире полковницы двух прихватили. Какую-то малолетнюю шлюшку и ... Ладно, сами увидите...

Обыски, допросы по «горячим следам» и составление протоколов шли до самого утра. В притоне веские, можно сказать неопровержимые улики, находили одну за другой.

В кармане Шалунка обнаружили золотые серьги и брошь с клеймом «О.К.», украденные на Всероссийской выставке.

Самсон, с трудом вороча распухшими губами, выругался:

- Эх, сучёнок... По своей дурусти спалился...

- Да и ты не намного умней, - усмехнулся Лавровский. - Господин следователь, прошу записать в протокол, что на мизинце левой руки задержанного перстень, принадлежавший убитому Дмитрию Кумакину.

Все бега знали, с серебряным перстнем, украшенным головой лошади вырезанной из яшмы, Митька не расставался никогда. Он утверждал, что его и портсигар получил в подарок от знаменитого наездника Шуваева, как лучший ученик.

Этот перстень и извлечённая из кармана поддёвки Самсона «Каролина Ивановна» - гирька на ремешке - убедительно свидетельствовали о причастности рыжебородого здоровяка к убийству. А может быть и к двум.

У Барона нашли паспорт убитого в Сокольниках извозчика. Брать на себя преступление за которое светит каторга ему совсем не хотелось. Поэтому он заявил:

- Паспорт передал мне Самсон.

Алексей обратил внимание на револьвер Ситникова - небольшой по размерам, с коротким толстым стволом:

- Никогда таких не видел.

- «Веблей» №2, - пояснил ему Карасёв. - Его ещё «бульдогом» называют. Убойная штука - калибр больше пяти линий. Только стрелять из него надо чуть ли не в упор - дальнобойности и меткости никакой.

- Именно из такого револьвера был убит Михай Фэгэраш, - обрадовался находке следователь. - Вот и ещё одно убийство можно считать раскрытым.

Зинка-полковница побледнела и схватилась за сердце, когда из-за ящиков с водкой и пивом извлекли

жестяную коробку с белым порошком. Понюхав его, Победимов сказал:

- Пусть врачи разбираются. Но скорее всего это и есть та отравка, которой они людей глушили.

Потом поднялись на второй этаж, в квартиру полковницы. Здесь их ждал сюрприз, в виде мужчины лет сорока, среднего роста, плотного телосложения, с лицом бритым как у актёра.

- «Щебнев»! - радостно воскликнул Лавровский. - Собственной персоной «Щебнев».

Судебный следователь посмотрел изъятые у задержанного виды на жительство, паспорта и именные указы, уточнил:

- Самарский 2-й гильдии купец Щебнев. Он же тамбовский помещик Торопов, рязанский мещанин Назарьев, отставной ротмистр Ахтырского гусарского полка Козельский и губернский секретарь Плешаков. Так кто вы на самом деле?

«Щебнев» издевательски ухмыльнулся:

- Иван родства не помнящий...

Малинин решил его ошарашить:

- Вы не помните, зато другие не забыли. Вы Павел Карлович Шпейер.

«Щебнев» заливисто расхохотался:

- Шпейер! Павел Карлович! Ну вы и сочинитель молодой человек... Романы вам надо писать... Хорошо - пусть Шпейер... Меня хоть горшком назови, только в печь не сажай.

Баяновский пришел в неопишуемый восторг, при виде найденного в квартире небольшого свёртка с

брошками, серьгами, кулонами и браслетами. На всех их стояло клеймо «О.К.»... Вся московская полиция ищет преступников, совершивших дерзкую кражу на Всероссийской художественно-промышленной выставке. А поймал их он - молодой офицер, служащий без году неделя.

А Лавровского больше порадовали два чемодана с самой разной одеждой - долгополым сюртуком и доломаном Ахтырского гусара, визиткой и вицмундиром судебного ведомства, а так же всевозможными актёрскими причиндалами - подвесными бородами, накладными усами, баночками с гримом.

Под одеждой отыскиались и несколько аттестатов лошадей конного завода князя Меншикова.

Алексей толкнул друга в бок:

- А ведь дело, считай, сделано. Мы нашли того, кто торговал несуществующими братьями и сёстрами Красивого-Молодца. Гульнём сегодня по этому поводу! В «Яр» поедem или в «Стрельну»?

Но Малинин не разделял его приподнятого настроения:

- Сделано? А где аттестаты мазуринских лошадей и Эммина-Варвара? По-моему, веселиться пока рано.

Не радовался особо и следователь. Скорее он был расстроен.

- Что с вами, Илья Петрович?- участливо спросил Баяновский. - Такие запутанные дела мы с вами раскрутили. Теперь от репортёров отбоя не будет.

Победимов вздохнул:

- Я веду предварительное следствие по убийству Кумакина и цыгана. Убийством в Сокольниках занимается

следователь Баранцевич, а мошенничеством с рысаками и кражей на выставке - Кейзер. Думаю прокурор объединит все эти дела в одно и поручит вести своему любимцу Кейзеру. Вот ему вся слава и достанется.

Погрустнел и Алексей. Перспектива, что следствие будет поручено именно Кейзеру, его не радовала.

Глава 29

«ШЕРОЧКА С МОШЕРОЧКОЙ»

Победимов угадал. Прокурор Московского окружного суда Обнинский действительно объединил дела о краже на выставке, мошенничество при торговле рысаками и убийствах Кумакина, Фэгэраша и Жданова. И действительно поручил вести предварительное следствие Кейзеру. А дальше случилось непредвиденное. Полицейское начальство обычно с прокурорским надзором не спорило - себе дороже. Но тут оно возмутилось.

- Кейзер мешал розыску. Не знаю пока по злому умыслу или недомыслию, - заявил Муравьев. - Во-первых, требовал, чтобы я выделил людей для наружного наблюдения за репортёром Лавровским. Да, да - тем самым, который, рискуя жизнью, участвовал в захвате притона. Во-вторых, отмахнулся от сообщения сыщика Соколова о причастности к краже грачёвского огольца. В-третьих, настоял на проведении бессмысленной облавы в Проточном переулке всеми силами моего управления. Я уж на свой страх и риск выделил в помощь 2-у участку Пресненской части одного сотрудника.

- Из-за вашего Кейзера мы чуть не упустили настоящих преступников! - брызжа слюной, кричал обер-полицмейстер. - Сколько времени зря потратили! Сколько

сил! Весь полицейский резерв в Проточный отправили, эскадрон жандармов нам в помощь выделили. А толку? Нахватали сотни полторы всякой беспаспортной сволочи, да с десятков мелких жуликов.

Обнинский терпеть не мог когда вмешиваются в дела его ведомства, поэтому твёрдо стоял на своём. Обер-полицмейстер грозил пожаловаться генерал-губернатору и прокурору Московской судебной палаты. Неизвестно, чем закончилась бы свара, но тут Кейзер заявил:

- В соответствии со статьями 265-й и 274-й «Устава уголовного судопроизводства» я должен отказаться от производства следствия по данному делу. Не могу быть беспристрастным, так как сам являюсь жертвой мошенников.

И в подтверждение выложил аттестат жеребца Корнета от Непобедимого-Молодца и Каролины, родившегося три года спустя после смерти отца.

Обо всём этом Лавровский узнал от Малинина, который уже успел побывать в сыскном. А сам Алексей, как вернулся с Грачёвки, прилёг немного вздремнуть, так и проспал почти до обеда.

- И кого назначили вместо Кейзера? - спросил он.

- Быковского.

Отличная новость! С судебным следователем по особо важным делам Быковским они были давние и добрые знакомые. Страстный лошажник и игрок, Быковский не пропускал ни одного бегового дня. Алексей, случалось, подсказывал ему «верную лошадку», а тот в свою очередь делился сведениями, интересными для газеты. А прошлым летом Алексей и Быковский здорово помогли друг другу во время розыска Коли Американца и его шайки.

- Сегодня же побываю у него, - сказал Алексей. - Но сначала в редакцию.

Примостившись на краешке стола в корректорской, Лавровский писал на узких полосках старых газетных гранок. Напишет десять строк, оторвёт и в набор, ещё десять - и в набор. Редактор допускал подобную вольность только в случаях срочных и важных сообщений. Репортаж получился замечательный. Себя и друзей восхвалять не стал - ни к чему это. Лишь упомянул о «нескольких частных лицах, оказавших содействие полиции». За то в красках расписал находчивость Баяновского и распорядительность Победимого. Не забыл и Сашку Соколова. А закончил такими словами: **«Убийство букмекера, кражу на Всероссийской художественно-промышленной выставке, мошенничество при торговле рысаками и ещё ряд преступлений, о которых мы писали можно считать раскрытыми. Редакция располагает очень интересным материалом на эту тему, но опубликует его только тогда, когда это не повредит следствию».**

Уже с гранками репортажа пошёл к Пастухову. Тот встретил его своей любимой фразой:

- Прилетел, голубь сизокрылый? Ну, что принёс?

Алексей протянул гранки.

- А кто это тебе своевольничать дозволил?

- Вы. Сами учили - если достойный материал, неси сразу в набор.

- Так такие материалы раз в год случаются, не чаще.

Алексей не согласился:

- Куда там раз в год... Реже!

- Правильно говоришь... Ну смотри, если принёс пустое - сам наборщикам платить будешь.

Прочитав гранки Пастухов остался очень доволен:

- Молодец! Частные лица, оказывавшие содействие полиции... И без бахвальства и с намёком! Все сразу поймут какие орлы в «Московском листке» служат. Насчёт продолжения, ты тоже хорошо ввернул - пусть читатели ждут и каждый новый номер покупают.

Пользуясь благодушным настроением Пастухова самое время было расспросить его о «Клубе червонных валетов»

Николай Иванович, а вы «валетов» знали?

- Было. Знал и Пашку Шпейера, и Огонь-Догановского, и братьев Давыдовских... А тебе на что? Или роман писать надумал?

Сочиняя и сразу же печатая по главам свой роман о разбойнике Ваське Чуркине, Пастухов чрезвычайно ревниво относился к появлению возможных конкурентов.

- Какой там роман! Просто один мой друг, да вы его знаете - Сергей Малинин, полагает, что за всем этим стоят «валеты».

Пастухов задумался:

- Очень даже возможно. По размаху и выдумке на них похоже. И вот ещё - показалось мне на днях, будто Мишку Сидорова встретил.

- А это кто такой?

- Правая рука Шпейера. Только он всё время в тени держался. Да и рядиться большой мастак... Оделся он раз ахтырским гусаром и затеял свататься к дочери одного

толстосума. Заодно и к мамаше её подкатил. Тысяч в двадцать им ухаживания обошлись. На суде об этом умолчали. К чему почтенных людей позорить? Да и самого Мишки на процессе не было - сбежали они вместе со Шпейером.

- А какой он из себя?

- Они с Пашкой Шпейером как две капли воды - среднего роста, плотные, усы и бороды всегда брили.

Алексей попытался продолжить расспросы, но Пастухов остановил его:

- Ладно, иди. У меня на сегодня дел ещё много. С таким «гвоздём», как ты принёс, можно и об экстренном выпуске подумать.

Судебный следователь по особо важным делам Быковский - полный мужчина средних лет, с круглым добродушным лицом и хитрыми цепкими глазами - встретил Алексея, как всегда, доброжелательно. Шутливо погрозил пальцем:

- Ох, и заварили вы кашу, батенька! Только я было в деревню собрался, мечтал на рыбалку сходить, по грибы... А с вашей лёгкой руки, мне такое дело подсунули. Вся Москва судачит - тринадцать арестованных, причём среди них умалишённый и малолетняя, четыре покойника...

- Почему с моей?

- Не скромничайте, мне всё известно. И про то, как Евсеев «чистосердечные признания» писал, и кто Карлушку Гехта в полицию привёз, кто на купца «Щебнева» первым вышел... А вы знаете кто он такой на самом деле?

- Знаю. Михаил Сидоров, правая рука атамана «червонных валетов».

- Обо всём, следовательно, осведомлены.

- Если бы, - вздохнул Лавровский. - Например, я не знаю где сейчас мазуринские лошади.

- Какие такие лошади? - удивился Быковский. - Рассказывайте всё на чистоту, батенька. Препжний опыт показывает, что от вашей откровенности дело всегда выигрывает.

- От нашей откровенности, - поправил Алексей.

- Разумеется. Имел удовольствие убедиться - тайны следствия хранить умеете.

Алексей рассказал о странной сделке покойного Митрофана Мазурина, в результате которой покойный же ныне Ситников за бесценок получил таких классных кобыл как Арфа, Удачная и Шипка; о том, каким образом проститутка с Грачёвки стала хозяйкой борисовского Эммина-Варвара.

Быковский, заложив руки за спину, расхаживал по кабинету. Это было верным признаком того, что услышанное для него новость и весьма важная:

- Интересный сюжет получается. Ситников, к сожалению, ничего уже не расскажет. А вот с Феоней Губиной я сегодня же потолкую... А мазуринские лошади, значит, в воскресенье не бегут?

- Выходит, что так.

- Экая досада! Я хотел в заезде четырёхлеток на Шипку поставить. А теперь не знаю как и быть! Говорят на конюшню князя Вяземского новую кобылу привели - Чарусу. Вы её, часом, не видели?

- Видел. Резвая. Но боюсь, собьётся. Да и колюбакинскую Чаровницу в расчёт принимать надо. Узнаю, что - поделюсь. А вот в Императорском призе ставьте на Полкана - ему равных нет.

- Позвольте, батенька, но Размах его три раза обходил!

- Да когда это было! В прошлом году?

Быковский хотел что-то возразить, но взгляд его упал на настольные часы:

- Ох, заговорились мы с вами. Мне в тюремный замок ехать, на допрос.

- Василий Романович, а как насчёт взаимной откровенности?

- Спрашивайте.

- Почему Кейзер отказался вести предварительное следствие я знаю...

- Откуда? В прочем, догадываюсь. Ваш приятель сейчас в большом фаворе у Муравьёва. Но я вас перебил, продолжайте.

- Объясните мне с какого рожна Кейзер велел следить за мной? Надеюсь это не секрет?

- Нет в этом никакого секрета, - Быковский достал из папки какую-то бумагу. - Это письмо он получил в ночь со среды на четверг. Не по почте - неизвестный передал дворнику. Полюбопытствуйте.

В письме, пожелавший остаться неизвестным, доброжелатель сообщал о том, что на бегах орудует шайка опасных преступников. Они подмяли под себя всех букмекеров; а несговорчивого Митьку Кумакина жизни лишили. Ведут мошенническую торговлю лошадьми, выдавая кляч за породистых рысаков. Кража на

Всероссийской выставке тоже их рук дело. А во главе шайки стоит страшный человек - репортёр Лавровский. Притон у него где-то в Проточном переулке, а скупщик краденого на Арбате...

- Понятно, - сказал Алексей.

Подчерк показался ему знакомым. Очень уж своеобразно написаны заглавные буквы Г и Д - с завитушками. Где я его мог видеть, думал Лавровский, притом на днях. Неожиданно мелькнула догадка. Он достал бумажник. Вынул из него несколько визитных карточек. Нашёл нужную. Сравнил подчерки. Похоже, очень похоже...

Лавровский знал, где днём скорее всего можно встретить «Кречинского» - известного карточного шулера Попова. В бильярдной ресторана «Эрмитаж». Публики здесь всегда было мало. Не каждому по карману платить по пять рублей за партию. Да и крупная игра случалась лишь изредка. Но пятёрка для Попова не деньги, а на бильярде «на интерес» он никогда не играл. Приходил сюда, чтобы отдохнуть в тишине и покое, просто, удовольствия ради, шары покатать.

Попов, высокий блондин в прекрасно сшитой чёрной паре от лучшего московского портного Сиже, играл с маркером. Заметив Алексея, он красивым ударом, положив сразу два шара, закончил партию. И сказал маркёру:

- Бильярд оставь за мной И сходи в буфет. Пусть принесут сухой мадеры Серсиаль - я знаю, у них ещё осталось несколько бутылок урожая 1850 года. И бисквиты к ней.

Помнит, что я люблю именно сухую мадеру, подумал Алексей. Но заказывать вино тридцатилетней выдержки? Ведь бутылка больше ста рублей стоит!

- Смею надеяться, составите компанию? - поздоровавшись, спросил Попов.

- С удовольствием! А у вас сегодня праздник какой?

- Можно сказать и так. Недавно встретил старого знакомого. Перса Музафарку.

Несколько лет назад, на нижегородской ярмарке, на Попова, возвращавшегося после крупного выигрыша в гостиницу, напали персы-душители из шайки знаменитого Али-Бера. А Алексей случайно оказался рядом.

- Того самого?

- Его. Если бы не вы тогда... Так вот хотел я ему долг вернуть. А меня вчера опередили. Говорят какой-то добрый молодец на «мельнице» Щёголя Музафарке голову табуретом раскроил.

- Да он вроде жив остался, - вырвалось у Алексея.

- Последнее не столь существенно. Причитается с меня, Алексей Васильевич! Чем могу помочь?

- Вы с «червонными валетами» были знакомы?

Попов молча кивнул.

- Кто-нибудь из них сейчас в Москве?

- Мишку Сидорова, как я догадываюсь, вы вчера сами видели?

- А Шпейер?

- Павел Карлович с Мишкой, словно «шерочка с машерочкой», всегда вместе.

Лавровскому вспомнилось, как вчера в Люблино внимательно и требовательно смотрел на него Гехт, явно ожидая условного знака.

- И последний вопрос. «Валетов» было много. И в Москве, и в Питере, и в Нижнем. Как они узнавали своих?

Попов долго молчал. Потом несколько раз кончиком указательного пальца дотронулся до переносицы.

- Переносица чешется... Это к выпивке. А вот и мадеру принесли.

Алексей больше не сомневался - Шпейера он нашел.

По улицам бегали мальчишки-газетчики и звонко кричали:

- Экстренный выпуск... «Московского листка»! Раскрыта дерзкая кража на Всероссийской выставке!

- Ночная облава! Только в «Листке»! Убит не коронованный король Грачёвки!

- Пойман убийца букмекера! Читайте «Московский листок»!

А компания сотрудников этого самого «Листка» на лихачах неслась к «Яру». Алексей попробовал было отказаться, сославшись на занятость. Но Пастухов и слушать его не стал:

- Знать ничего не хочу! Какая свадьба без жениха? В честь тебя ужин. Репортёрскую удачу завсегда вспрыснуть надо, а то и отвернуться может.

В общем в этот вечер Лавровскому было уже не до дел. Хорошо хоть успел Семёну Гирину задание дать.

Семён, дувшийся из-за того, что его на Грачёвку с собой не взяли, сразу расцвёл:

- Не сомневайтесь, прослежу, как велели. Ну, надо же, никогда бы на него не подумал...

Глава 30

ШПЕЙЕР

Славно вчера погуляли. Сейчас бы крепкого горячего чая с лимоном. Но разве в «Чернышах» его найдешь? Хорошо хоть Сергей, заехавший с утра, догадался прихватить пива. Алексей с наслаждением пил холодное «Трёхгорное» и слушал доклад Семёна Гирина:

- Проследил я его вчера. Сперва он на Шаболовку поехал на конный двор моего тёзки Сеньки Карпухина. Потом на товарную станцию Московско-Брестской железной дороги. Вернулся в гостиницу. Я уж думал - на сегодня шабаш. А он опять вышел. Меня нанял.

- Неосторожно с твоей стороны, - не одобрил Малинин. - Мог и догадаться.

- Откуда? - возразил извозчик. - Он меня вместе с Алексеем Васильевичем только один раз и видел, в прошлое воскресенье возле бегов... Ох и поколесили мы вчера с ним по Москве - без малого на десять рублей.

- Куда ездили? - спросил Малинин.

- У меня всё записано, - Гирин извлёк из кармана халата записную книжку и начал читать. - Мясницкая, особняк купцов Мазуриных, Петровские Линии, гостиница Смирнова, Якиманка, собственный дом надворного советника Брюхатого, Спиридоновка, лавка ростовщика Чистякова... Весь вечер наблюдаемый не выпускал из рук портфель жёлтой кожи... Кажись всё.

- Молодец, Семён, - похвалил Малинин. - Не каждый сыщик так бы сумел. Теперь всё ясно. Лошади стоят у Карпухина. На товарную ездил заказывать вагон для их перевозки.

- Это понятно, - согласился Лавровский. - А остальные поездки к чему были?

- Хлебни ещё пивка, - предложил Малинин. - А то соображаешь пока туго. Мазурин, Смирнов, Брюхатов и Чистяков привлекались к суду по делу «валетов». Но были оправданы за недоказанность или отделались штрафом в виду малозначительности проступков. Видимо у Шпейера остались какие-то компрометирующие их бумаги.

- Как я сразу не догадался?! - смутился Алексей. - Понятно, ездил шантажировать. Наверное, перед отъездом деньги собирает. Что делать будем?

- Надо брать, - предложил Малинин.

Быстро прикинули немудрёный план дальнейших действий. Посоветовались с Карасёвым. Тот осуждающе покачал головой:

- Опять геройствуете? Ладно, ладно, мешать не стану. Только полицию, на всякий случай, приглашу. Да и Василия Романовича тоже.

Лансиньяк занимал роскошный двойной номер в «Дрездене», одной из самых дорогих московских гостиниц.

- Вашу записку получил, - заулыбался француз при виде Лавровского. - Ждал вас с нетерпением. Пгавда, я на вас немного сегдит. Обещали делиться всеми новостями о кгаже на выставке, а я их из экстгенного выпуска вашей газеты узнаю. Но, как это по-гусски, кто стагое помянет... Пгошу к столу. Вина?

- Не откажусь.

- Пгевосходное шабли.

- Выше всяких похвал. И рокфор отменный. А насчёт новостей... В газете далеко не всё написано. Я вам сейчас такое расскажу, не репортаж - роман сочинить можно. У меня даже название имеется - «Пять лет спустя».

- Почти как у Александга Дюма. А что было пять лет назад?

- Суд по делу «Клуба червонных валетов».

- Слышал. Пгавда весьма смутно.

- Главарь «валетов» Павел Карлович Шпейер и его неразлучный приятель Михаил Сидоров тогда сумели сбежать. А сейчас снова объявились в Москве. Кража на выставке их рук дело.

- Заинтгигован. А что ещё они совегшили?

- Вам виднее, - Алексей кончиком указательного пальца несколько раз дотронулся до переносицы.

Лансиньяк вздрогнул:

- Знобит. Надо же - пгостудился в такую жагу.

- Полно, Павел Карлович. Не устали ещё язык ломать? Вчера, у егоровского трактира вы совсем не картавили. Я много чего о вас знаю.

Лансиньяк залпом выпил полный бокал:

- Неплохое вино. Правда, предпочитаю вашу русскую водку... А знать, мой юный друг, мало. Надо доказать.

- Докажем. Вас многие помнят - опознают.

- Ну и что? Мало ли похожих людей? Я французский подданный Анри Лансиньяк. Паспорт

настоящий. Мне выдали его в 1877 году, как беженцу из захваченной пруссаками Лотарингии. Сами посудите, какие документы могут быть у человека нелегально перешедшего границу? Со всей этой грачёвской публикой я не общался. Ситников мёртв. А Мишель ничего не расскажет, даже не надейтесь... Но на всякий случай... Договоримся?

Шпейер встал. Прошёлся по номеру:

- Сколько вы хотите? Десять тысяч? Двадцать? - сказал он и вдруг истошно завопил. - Кагаул! Ггабят!

Он выхватил револьвер, но выстрелить не успел, в номер ворвались Малинин и двое городских. А затем неторопливо вошли местный участковый пристав Замайский и судебный следователь Быковский.

Шпейер, снова немилосердно грассируя, стал объяснять, что его попытались сперва шантажировать, а потом ограбить.

- Подождите, Павел Карлович, - остановил его Быковский. - Вот когда буду вас официально допрашивать тогда и расскажите. А сейчас не мешайте проводить обыск. Лучше подскажите, где ваш жёлтый портфель?

Портфель нашелся. В нём, кроме толстых пачек сторублёвок и различных ценных бумаг, оказались документы о покупке французским подданным Анри Лансиньяком у московского 2-й гильдии купца Ситникова кобыл Арфы, Удачной и Шипки, а у вдовы титулярного советника Феоны Губиной - жеребца Эммина-Варвара.

- Не сомневаюсь, суд признает эти сделки недействительными. У меня имеются доказательства, что всё имущество Ситникова и Губиной нажито преступным путём, - сказал следователь. - А вы как полагаете, Павел Карлович?

- Пегестаньте называть меня чужим именем! - закричал Шпейер. - Это прои́звол! Тгебую вызвать сюда фганцузского консула.

Шпейера увели в тюрьму при Тверском полицейском доме.

- А консула пригласить придётся, деваться некуда, - вздохнул Быковский и тихо спросил Алексея. - Насчёт первого заезда разведали что-нибудь?

- Завтра буду знать точно, - так же тихо ответил Алексей. А потом взглянул на карманные часы и воскликнул. - Мать честная! Опаздываю! А мне ещё переодеться надо.

- Переодеться? - изумился Малинин. - Но ты же и так в своей «чёртовой коже»?

- Нет, друг мой. Мне сегодня в сюртуке с цилиндром быть полагается. Завтра, перед бегами заходи в «Перепутье» - позавтракаем вместе.

Глава 31

НОВЫЙ РЕКОРД

Завтракать Малинину пришлось одному - Алексей в «Перепутье» не пришёл. Безо всякого удовольствия, съел Сергей свою любимую яичницу с ветчиной и пошёл к ипподрому. Он очень беспокоился за друга. Что могло с ним случиться?

На Беговой аллее Сергей нагнал конюха ведущего нарядного серого жеребца - малютинского Летучего. Он считал, что этому рысаку и по формам и по резвости равных нет. В который уже раз залюбовался.

- Нравится, мой красавец? - поздоровавшись, спросил невысокий усатый щёголь с крупными выразительными чертами лица - наездник Павел Чернов.

Известен Чернов был не только своим талантом, но и заносчивым нравом - не с каждым и разговаривать станет. Но с Лавровским и Малининым он прятельствовал. Случалось, и помогать друг другу и кутить вместе. Поэтому давно перешли на «ты».

- Нравится, Паша. С него хоть портреты пиши.

- Ещё напишут. А что ты, Сергей, такой смурной?

- Да. Алексей куда-то запропастился. Мы с ним на этой неделе одним щёкотливым делом занимались, с тёмной публикой пришлось пообщаться. Вот и опасаясь, не случилось ли чего?

- Не волнуйся. Видел я его вечером в Петровском парке, в «Фантазии».

Увеселительный сад «Фантазия», в Петровском парке считался излюбленным местом отдыха портних, цветочниц, горничных.

- Я там с Надей-цветочницей познакомился, - продолжал Чернов. - А потом Лёша со своей кралей подошёл. Дашей её кличут.

- Хорошенькая?

- Не то слово, Сергей! Это не баба, а халва, рахат-лукум... Погуляли мы, значит, по аллеям, цыган послушали, в чайную заглянули. А потом я со своей на Масловку поехал - там у моего кума домик...

- А Алексей?

- Знает только ночка тёмная, где поладили они, - засмеялся Чернов. Потом склонившись к уху Сергея, прошептал. - В призе для четырёхлеток ставьте на

Чаровницу. Мне Матвей Кучинин сам жаловался - Чаруса на второй версте всё время скачет...

Публики в партере бегов собралось уже много. Малинин едва успевал раскланиваться. Подошёл следователь Быковский.

- Вы, Сергей Сергеевич, если не ошибаюсь, сейчас в сыском служите?

- Временно.

- Тогда вам небезынтересно будет узнать - вчера во время допросов задержанных на Грачёвке, выяснилось много прелюбопытного о вашем коллеге Ватошнике. Чуть ли не каждый вечер посещал притон Ситникова, пьянствовал с Самсоном... Ну и так далее. Я официально сообщил об этом вашему полковнику Муравьёву.

Переживать за Тимошку Ватошника Сергей не собирался. Он искренне считал, что таким тёмным личностям в полиции не место. Да и был уверен - Тимошка сообщил преступникам, что полиция заинтересовалась извозчиком Ждановым. Доказательствами пока не располагал, но чутьё подсказывало...

- А у меня для вас, Василий Романович, тоже интересная новость. В первом заезде придёт Чаровница.

- Неужели? - засомневался следователь. - Вся публика Чарусу играет. Я сам её на проезжке видел - летит как стрела.

- Мы с Алексеем вас когда-нибудь подводили?

- Нет... Но Чаруса... Ведь эта кобыла от самого Павлина... А сведения надёжные?

- Надёжней не бывает. Пойдемте в кассу, а то не успеем.

Часто зазвонил колокол приказывая наездникам подавать лошадей на старт. И только тут объявился запыхавшийся Лавровский.

- Слава богу! - обрадовался Малинин. - А то я чёрте - что уже думать начал.

- Проспал, - стал оправдываться Алексей. - Понимаешь, как вечером лёг, так до самого утра и ...

- Неужто без перерывов? - сделал изумлённое лицо Малинин. - Ну, ты и хват!

Оба расхохотались.

- Это ты о чём? - хитро прищурился Алексей.

- Не о чём, а о ком, - поправил Сергей. - Хороша Даша?

- Да уж... Как узнал?

- Я сыщик, мне по должности положено.

Ударил колокол - старт!

Чаруса бежала по ближней дорожке. Зрители видели, как наездник потянул вожжи на себя, потом немного ослабил и кобыла, слушаясь его посылы, сразу пошла полной рысью.

- Молодец, Кучинин, - восхитился Алексей. - Пожалуй на бегах из наездников никто лучше него не может управляться с молодыми лошадьми. Всего две недели, как Чаруса у него, а такое впечатление, что не первый месяц. На малейший посыл отвечает.

Кучинин ещё раз послал кобылу вожжами и Чаруса прибавила ходу. Сейчас казалось, что бежит только одна эта изящная гнедая лошадь, а остальные застыли на месте.

- Экая жалость, - вздохнул Алексей. - Не сыграли мы.

- Почему не сыграли. В первом заезде, как мы и договаривались, я поставил сто рублей.

- Bravo!

- Только на Чаровницу.

- Плакали наши денежки. Но, что с тобой поделаешь? Тебя, друг мой, всегда тянет на авантюры... Эх, как идёт! Ты засек, за сколько верста была?

- Без шестнадцати, - взглянув на секундомер ответил Малинин, имея в виду, что первую версту Чаруса пробежала за 1 минуту 44 секунды. - Очень приличная резвость для четырехлетки.

И тут трибуны ахнули. На второй версте Чаруса заскакала. Сбой был тяжелый. С большим трудом, только после девятого скачка, Кучинину удалось перевести её с галопа на рысь. Вороная Чаровница за это время ушла далеко вперёд. Она и оказалась первой у призового столба, опередив Чарусу ровно на секунду.

- Больно уж нервная кобылка, - сказал Лавровский, пытаясь объяснить неудачу Кучинина, езда которого ему всегда нравилась.

- Не в этом причина, Лёша, - к ним подошёл Бутович. - Ты слышал такое выражение - «толкуются на сбою»?

Алексей смутился. Он считал себя знатоком бегов, но при разговорах с Бутовичем, одним из лучших ездоков-

охотников, всякий раз убеждался, что много чего пока не знает.

- Когда у рысака высокий ход сбоев боятся нечего, - неторопливо продолжал Бутович. - Только он скакнёт, пару раз тряхнешь вожжами и готово - опять рысью идёт. У Чарусы ход низкий, скользящий. Таких, до сбоев доводить нельзя. Больно уж много они при этом времени теряют, да и ставить на рысь трудно - «толкуются на сбою». Сколько раз я об этом Матвею говорил,... Думаю, после сегодняшней езды князь Вяземский Чарусу у него заберёт.

Возле Бутовича собрались кучка беговых завсегдатаев - больших охотников до подобных разговоров.

Возле кассы тотализатора Малинин снова встретил Быковского.

- Заставили вы, батенька, меня поволноваться, - шуточно погрозил пальцем следователь. - Думал кондрашка хватит, когда Чаруса со старта в отрыв пошла.

- Волнение того стоит. Выдача десять рублей на рубль.

- Порадовали вы с Алексеем Васильевичем меня сегодня, очень порадовали. Кстати, у меня для вас тоже интересные сведения имеются. Хотя приятными их не назовёшь.

- Что такое? - сразу насторожился Малинин.

- Шпейера придётся выпустить.

- Как это выпустить?

- Под залог. Французский консул настаивает, международным скандалом грозит. Оказывается

журналист этот во Франции личность весьма известная, даже в какой-то экспедиции в Африку участвовал.

- Как бы ни сбежал, - высказал опасение Малинин. - Какой новый процесс о «Клубе червонных валетов» без Шпейера!

- Полагаю, такого процесса не будет. - Быковский многозначительно указал пальцем вверх. - Там считают, что в России слишком много организованных политических шаяк - разные «Народные воли» и «Чёрные переделы», не хватает, дескать, ещё и уголовных сообществ. Так что, вместо одного громкого процесса будет четыре - пять самых заурядных.

- Не правильно это! - возмутился Малинин.

- Полностью с вами согласен. Да кто меня спрашивает? - Быковский сокрушенно махнул рукой. - Хватит о грустном. Подскажите-ка лучше, Наветчик или Полкан?

- Размах. Но мы играем Полкана.

- Очень странная логика, - удивился следователь. - Я бы даже сказал. совершенно непонятная.

- Алексей считает, Полкан придёт первым.

- Вот как... Ну, тогда и я поставлю на него. Чутью господина Лавровского привык верить.

- И я тоже, - засмеялся Малинин.

В следующем заезде разыгрывался трёх вёрстовой приз Его Императорского величества или, как по-простому между собой называли его беговые, Малый Императорский. По условиям ехать можно было как в «американках», так и в беговых дрожках. Владельцы всех записанных лошадей предпочли последние.

Интерес публики к предстоящему состязанию был огромным. Ведь бежали лучшие рысаки России - Размах, Наветчик и Полкан.

Не зря Егор Московкин дал отдохнуть Полкану перед ездой на приз. Наездник лишь слегка шевельнул вожжами и полный сил жеребец рванулся вперёд. Пытаясь достать соперника, Гаврила Егоров посылал серого Размаха раз за разом. Достал наконец. Но очередной посыл оказался, как говорят беговые спортсмены «несоразмерным», то есть не соответствующим резвости рысака. Размах, который в это время уже и без того шёл на пределе своих возможностей, перешёл на галоп. Поставить его на рысь до одиннадцатого скачка Егоров так и не смог. Проскачка!

- Ну, что я говорил? - обернулся Алексей к другу. - И где твой Размах?! Один Полкан.!

- Посмотри, что Наветчик творит!

Приотставший было на первой версте, Наветчик в начале третьей вплотную подошёл к Полкану. Но Московкин тряхнул вожжами, гаркнул и его жеребец сделал мощный бросок вперёд.

- Теперь Московкина не достать, - уныло сказал кто-то из игроков, поставивших на Наветчика. И оказался полностью прав. Полкан выиграл этот заезд с рекордной резвостью.

В прошлом году Размах первым среди русских рысаков «разменял минуты» - прошёл три версты за четыре минуты и пятьдесят девять с половиной секунд. Полкан улучшил этот рекорд почти на две секунды.

Через час состоялась предусмотренная условиями розыгрыша Малого Императорского приза перебежка. Первым у призового столба снова оказался Полкан.

- Ну, что я тебе, Сергей, говорил? - радовался Алексей, не сколько выигрышу, выдача в тотализаторе было копеечной, сколько успеху своего друга Московкина. - Убедился теперь, что лучше Полкана на московских бегах никого нет?

Лавровский внимательно изучал беговую афишу. В следующем заезде разыгрывался приз для ездовых охотников. Малинин отвлек его от этого увлекательного занятия:

- До сих пор не пойму, как ты догадался, что Лансиньяк это и есть Шпейер?

- Мишка Ювелир невольно помог. Когда он бумажник с часами у Лансиньяка спёр, тот таким трёхэтажным его обложил... Иностранец так не сможет! Да и картавить Павел Карлович позабыл. Ну и стал я вспоминать. Сам посуди, как только «француз» где появиться - жди неприятных новостей. Встретился он с Мазуриным - на следующий день странная продажа Арфы, Удачной и Шипки. Поехал Лансиньяк из «Салочки» на Цветной бульвар - через пару часов отбирают на Грачёвке у Женьки Борисовского Эммина-Варвара. Пообщались мы с ним в среду утром на проезде - сразу получили нового подозреваемого.

- Да ещё какого - судебного следователя!

- Вот видишь, что получается... Стал я тогда людей расспрашивать. Мишку Сидорова вспомнил. Кречинский про «шерочку и машерочкой» рассказал. Пастухов хорошо помог.

- Действительно, - согласился Малинин. - Шпейер и «Щебнев», как две капли воды похожи - оба лет сорока, среднего роста, плотные...

- Потом Быковский, письмо, полученное Кейзером, показал. И подчерк похож, и любимое словечко Лансиньяка встретилось - страшный. А уж когда, я узнал про их условный знак... - Лавровский кончиком указательного пальца несколько раз коснулся переносицы. - Сразу вспомнилось, как побелел тогда Мазурин... Как видишь, друг мой, ничего сложного. Куда труднее понять, кто их любителей приз возьмет?

- А чего тут понимать? - удивился Малинин. - Один Уголёк!

- Хороший жеребец. Но не для него эта дистанция - шесть вёрст, - засомневался Алексей.

- Тогда Козырь.

- Господь с тобой, Сергей! Он в прошлое воскресенье «за флагом» остался в совсем слабой компании. Здесь ему и делать нечего! Скорее уж Проворный.

- Да что спорить? Всё равно сыграть не успели.

Зазвонил колокол, призывая всех наездников подавать лошадей на старт. Лавровский и Малинин стояли и молча, любовались рысаками. Ничего более красивого, по их мнению, не было во всём свете.

ОТ АВТОРА

(вместо эпилога)

Дописана последняя глава. Но точку ставить, пожалуй, рано.

Вспомнилось лето прошлого года. Повесть «Бега» уже была закончена и готовилась к сдаче в издательство. Но тут вмешались первые читатели - мои жена и дочь. Им очень хотелось узнать о дальнейшей судьбе Алексея Лавровского и Сергея Малинина, Аристарха Карасёва и князя Долгорукова, Аркадия Иволгина и Юльки Оршанской... Пришлось снова взяться за перо. Сделаем так и в этот раз. Заглянем в недалёкое будущее некоторых из героев книги. Притом не только людей, но и лошадей. С них и начнём.

Для вороного Полкана 1882 год сложился очень удачно. Он выиграл пять самых престижных призов на

ипподромах Москвы и Петербурга и «привёз» своему владельцу Дурасову более десяти тысяч рублей.

С серого красавца Летучего, как и предсказывал Павел Чернов, скоро действительно стали писать портреты. Одна из картин, кисти Валентина Серова, хранится сейчас в Музее коневодства Московской сельскохозяйственной академии имени К.А.Тимирязева. Однако знаменит жеребец не только и не столько этим. Ведь Летучий дед Крепыша, которого современники с гордостью титуловали «лошадью столетия».

Арфа, Удачная и Шипка славы Мазуриным не принесли, потому что вскоре мазуринский конный завод был продан. Через несколько лет такая же судьба постигла завод обанкротившихся Борисовских. Его приобрёл молодой петербургский миллионер Елисеев. Тот самый, который позднее откроет на Тверской улице знаменитый «елисеевский магазин». В советские годы он будет известен всем москвичам под названием «Гастроном № 1».

Коннозаводчик и ездок-любитель М.И.Бутович в 1885 году ушёл в монастырь. Сейчас это имя помнят разве, что любители истории бегов. Да и те нередко путают Михаила Ивановича с его дальним родственником Яковом - владельцем Прилепского конного завода и автором трёх очень интересных книг.

Может быть опрометчиво поступил Михаил Иванович в то июньское утро, когда решительно отказался от предложения кулинара Люсьена Оливье дать своё имя новому салату? Ведь «салат ольвье» до сих пор желанный гость на каждом праздничном столе.

Все опасения судебного следователя Быковского подтвердились.

По настоянию французского консула П.К.Шпейер был отпущен до суда под залог. И, разумеется, сбежал. О

дальнейшей его судьбе ничего достоверно неизвестно. Ходили, правда, смутные слухи, что в конце 90-х годов он вернулся в Москву и стал промышлять...карманными кражами в трамваях. Но думается, это всего лишь легенда.

Московская судебная палата, в обязанности которой входило утверждение обвинительных заключений, не допустила нового громкого судебного процесса «Клуба червонных валетов». Вместо него возникло несколько дел - о краже на Всероссийской художественно-промышленной выставке, мошенничестве при торговле рысаками, убийстве букмекеров... А вы думали, бодрое заявление «Организованной преступности у нас нет!» это чисто советское изобретение? Как бы ни так!

По приговору Московского окружного суда купец «Щебнев», в котором опознали «валета» Михаила Сидорова, за старые и новые преступления был сослан на семь лет в Иркутскую губернию. К различным срокам ссылки приговорили Феону Губину, Оську-еврея, Игната Евсеева и барона. На суде выяснилось, что «барон» это не кличка, а титул, принадлежащий ему на законных основаниях.

Карл Гехт перехитрил всех, в том числе и себя самого. Его признали умалишенным и поместили в Преображенскую больницу для душевнобольных. Он не учёл, что в законодательстве Российской империи имелся «маленький» пробел. Оно чётко регламентировало порядок признания по суду сумасшедшим: кто выносит постановление об освидетельствовании, сколько врачей его проводят и сколько членов окружного суда при этом должны присутствовать... А вот обратный порядок - признание умалишённого исцелившимся - прописать забыли. Поэтому выбраться из лечебницы на волю было весьма затруднительно.

Самсона, изобличенного в убийстве букмекера и извозчика, отправили на каторгу. Его участь разделила Зинка-полковница.

Околоточный надзиратель Робашевский с помощью своего петербургского покровителя в этот раз вышел сухим их воды, но дружбы со всевозможными мошенниками и ворами не прекратил и через несколько лет с позором был уволен из полиции.

В руководстве московской полиции летом 1882 года произошли большие изменения. Отправили в отставку престарелого полковника Поля, отвечавшего за охрану порядка на Всероссийской выставке. Перевели в Астрахань обер-полицмейстера Янковского. Начальник управления сыскной полиции Муравьёв остался на своём месте. До поры, до времени.

Сыщик он был талантливый. Под его руководством раскрыто много громких, как теперь принято говорить «резонансных» преступлений. Например, похищение казначеем Воспитательного дома Мельницким более трёхсот тысяч рублей. А вот с подбором сотрудников дело обстояло не вожно. Частенько случались скандалы. То полицейский надзиратель вымогает у потерпевших вознаграждение за «ускорение розыска», то пропадут изъятые деньги и вещи. В 1886 году Муравьёва, вместе с помощником и делопроизводителем, для дачи объяснений вызвали в Петербург - в Департамент полиции. Однако объяснять им ничего не пришлось. Одна из жалоб о полицейском «беспределе» дошла до Александра III, отличавшегося крутым нравом. Он распорядился всех троих, без суда и следствия выслать в Сибирь. Обрато Муравьёв вернулся лишь при новом царе. В Москву он не поехал, а поступил на службу в тверскую полицию. Кстати, свою идею о создании антропометрического бюро Муравьёв так и не осуществил. Это подразделение

появилось в составе Московской городской полиции только в 1900 году.

Князь Владимир Андреевич Долгоруков отличался хорошей памятью и об оказанных ему услугах не забывал. Когда Карасёв попросил его посодействовать Лавровскому и Малинину в получении разрешения на издание спортивного журнала, он задумался только на мгновение:

- Лавровский? Как же, помню - тот самый, что помог утереть нос этому...

При своём доверенном человеке князь мог не стесняться в выражениях. Даже в адрес великих князей.

- Хорошо Аристарх. Я напишу министру.

Алексей и Сергей поехали в Петербург и перед новогодними праздниками вернулись с разрешением. Издание журнала оказалось делом хлопотным. Но несмотря на это не отказались они и от частного сыска. А куда деваться, если приходит добрый знакомый, такой как коннозаводчик Малютин, и просит о помощи?

Но об этом в другой раз.

Александр Прилепский

**Дачный посёлок «Люблинский садовод» -
Москва**

август 2014 года - апрель 2015 года.